

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

- Широкалова Г. С., Мореханова М. Ю.** Мобилизационный потенциал российского социума: экологический аспект 5
- Ситникова С. В.** Потенциал гражданственности российского населения: перспективы 2020 года 10
- Аникин Л. С., Немерюк Е. Е.** Местное самоуправление и родимые пятна социализма 14
- Семенова Ю. А.** Женское предпринимательство в современном российском обществе: особенности и перспективы 17
- Ярская В. Н., Божок Н. С.** Перспектива поколения: движение исторической реконструкции 19
- Тулузакова М. В.** Стратегия формирования солидарного общества: практика, социальные риски и перспективы 26
- Черевичко Т. В.** Инновационные аспекты институционализации рынка труда 30
- Кравченко Н. Ю.** Гражданская идентичность в условиях неправовой демократии 34
- Гусев В. В.** Российские моногорода: акторы влияния и тренды социального развития 37
- Селиванова Ю. В., Зайцев Д. В.** Социальная интеграция личности: социологический подход к анализу понятия 41
- Сайганова Е. В.** Специфика электорального поведения молодежи в структуре политической культуры общества 44
- Мунина О. В.** Теоретико-методологические подходы и тенденции исследования отклоняющегося поведения подростков и молодежи 48

Слово молодым социологам

- Арефьева Е. О.** Специфика профилактики молодежного экстремизма на муниципальном уровне 53
- Марунова Т. Р.** Направления социальной активности пожилых людей 55
- Узакова С. А.** Особенности культурной самоидентификации в этнических казахских семьях 57
- Кудзиева Ф. С.** Механизмы становления ценностных ориентаций подрастающего поколения в условиях трансформации семьи 61

Политология

- Вилков А. А.** «Мягкая сила» как элемент имиджевых технологий во внутренней и внешней политике 66
- Головченко В. И.** Теоретико-методологические основания анализа плюрализма партийно-идеологического пространства в современной России 74
- Митрохин В. А.** Россия и Запад: проблемы взаимодействия в восприятии русской эмиграции первой волны 79
- Семенова В. Г.** Возврат к прямым выборам губернаторов: новые технологии управляемой демократии 84
- Некрасов С. Ф.** Политический процесс как элемент механизма воспроизводства общественного мнения 90
- Моулд Д. Х., Кунгурова О. Г.** Длинный путь от Астаны до Болоньи: политика медиа-образования в Казахстане 93

Слово молодым политологам

- Колесников К. Ю.** Государство и общественные организации как субъекты патриотического воспитания граждан в современной России 99
- Куфтов Н. С.** Предметное пространство дискуссий об имидже Российской армии и способах его конструктивной политизации 103
- Ливерко О. В.** Политические и идеологические аспекты кадровой военной политики в советский период 108
- Шенин А. С.** Этнический лоббизм и турецкая политика Вашингтона в конце 1990-х годов 113
- Гайдаева Ю. Ю.** Турция: идеология и политика будущего. Нео-оттоманизм или кемализм 116
- Сайфулин И. С., Жигульский А. В.** Историческое развитие Российского государства в условиях пассионарности, консолидирующей экстремальные факторы политического процесса 121

Сведения об авторах

Решением Президиума ВАК
Министерства образования и науки РФ
журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов и
изданий, в которых рекомендуется
публикация основных результатов
диссертационных исследований
на соискание ученой степени
доктора и кандидата наук

Зарегистрировано
в Министерстве Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

Индекс издания по каталогу
ОАО Агентства «Роспечать» 36016,
раздел 41 «Философия. Социология.
Психология. Религия»
Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Степанова Наталия Ивановна

Верстка

Багаева Ольга Львовна

Технический редактор

Ковалева Наталия Владимировна

Корректор

Гаврина Марина Владимировна

Адрес редакции:

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского
университета
Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

Подписано в печать 21.06.14.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 14,88 (16,0).
Тираж 500 экз. Заказ 30.

Отпечатано в типографии
Издательства Саратовского
университета

© Саратовский государственный
университет, 2014

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в раздел Хроника (научной жизни). Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (8–16 стр.).

Статья должна содержать аннотацию (до 5 строк), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: www.sozopolit.sgu.ru/dlya-avtorov.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты;
- «внешнюю» рецензию, заверенную в установленном порядке.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегия серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал рецензии и договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: www.sozopolit.sgu.ru.

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлгией, не возвращаются.

CONTENTS**Scientific Part****Sociology**

Shirokalova G. S., Morekhanova M. Yu. Mobilization Potential of the Russian Socium: Environmental Aspect	5
Sitnikova S. V. Potential of Russian People Civics: 2020 Prospects	10
Anikin L. S., Nemeryuk E. E. Local Government and Birthmarks of Socialism	14
Semenova Yu. A. Women Entrepreneurship in the Modern Russian Society: Peculiarities and Perspectives	17
Yarskaya V. N., Bozhok N. S. The Generation Prospect: the Movement of the Historical Reconstruction	19
Tuluzakova M. V. Strategy Formation Social Solidarity: Practice, Social Risks and Prospects	26
Cherevichko T. V. Innovative Aspects of Institutionalization of Labor-Market	30
Kravchenko N. U. Civil Identity in the Conditions of Unlawful Democracy	34
Gusev V. V. Russian Company Towns: Actors Influence And Social Development Trends	37
Selivanova Yu. V., Zaytsev D. V. Social Integration of the Personality: Sociological Approach to Analysis of the Concept	41
Saiganova E. V. Specificity of Electoral Behavior of Youth in the Structure of Political Culture of Society	44
Munina O. V. The Oretical and Methodological Traditions and Trends the Study of Deviant Behaviour Adolescents and youth	48

A Word to Young Sociological Scientists

Arefeva E. O. The Specifics for the Prevention of Youth Extremism at the Municipal Level	53
Marunova T. R. The Factors of Social Activity in Older People	55
Uzakova S. A. Features of Cultural Self-Identification in Ethnic Kazakh Families	57
Kudzieva F. S. Mechanisms of Formation of Value Orientation Younger Generation in Transformation of Family	61

Politology

Vilkov A. A. «Soft Power» as an Element of Image Technologies Used in Home and Foreign Policy	66
Golovchenko V. I. Theoretical and Methodological Bases of Analysis of Party and Ideological Space's Pluralism in Modern Russia	74
Mitrokhin V. A. Russia and West: Interaction Problems in Perception of the Russian Emigration of the First Wave	79
Semenova V. G. Return to Direct Elections of Governors: New Technology of Guided Democracy	84
Nekrasov S. F. Political Process as an Element of Mechanism Reproduction of the Public Opinion	90
Mould D. H., Kungurova O. G. The Long Road from Astana to Bologna: the Politics of Journalism and Media Education in Kazakhstan	93

A Word to Young Politological Scientists

Kolesnikov K. Y. A State and Public Organizations as Subjects of Patriotic Upbringing of Citizens in Modern Russia	99
Kuftov N. S. Object Field of Discussions About Russian Army's Image and Ways of its Constructive Politicization	103
Liverko O. V. Political and Ideological Aspects of Personnel Military Policy in Soviet Period	108
Shenin A. S. Ethnic Lobbyism and Washington's Turkish Policy in the End of the 1990s	113
Gaydaeva Y. Y. Turkey: Ideology and Politics of the Future. Neo-Ottomanism and Kemalism	117
Saifulin I. S., Zhigulskiy A. V. Historical Development of the Russian State in Terms of Passionarity, Including Extreme Factors of the Political Process	121

Information about the Authors

126

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»**

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Стальмахов Андрей Всеволодович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Бабков Лев Михайлович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор соц. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA SARATOVSKOGO UNIVERSITETA. NEW SERIES»**

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Stalmakhov A. V. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Babkov L. M. (Saratov, Russia)

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

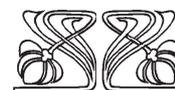
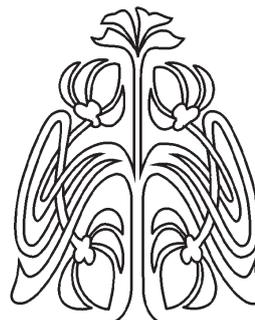
Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

Ustyantsev V. B. (Saratov, Russia)

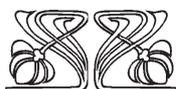
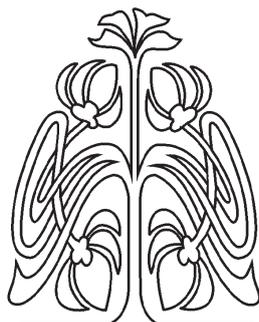
Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

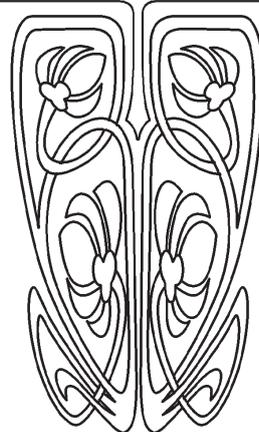

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бегина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аникин Леонид Сергеевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Айтчисон Брайан, докторант политологии (Лондон, Великобритания)

Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)

Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)

Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Маркович Данило Ж., академик Сербской академии образования

(Белград, Республика Сербия)

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA SARATOVSKOGO UNIVERSITETA. NEW SERIES.
SERIES: SOCIOLOGY. POLITOLOGY»**

Editor-in-Chief – Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Vilkov A. A. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Beginina I. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Anikin L. S. (Saratov, Russia)

Itchison B. (London, Great Britain)

Butterfield G. (Kalamazoo, USA)

Golenkova Z. T. (Moscow, Russia)

Kalinnikova M. V. (Saratov, Russia)

Komkova G. N. (Saratov, Russia)

Kuznetsov I. I. (Moscow, Russia)

Markovich D. Zh. (Belgrade, Republic of Serbia)

Shhmatova N. V. (Saratov, Russia)

Shestov N. I. (Saratov, Russia)

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334.5

МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА: ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Г. С. Широкалова, М. Ю. Мореханова

Институт аграрных проблем РАН, Саратов
E-mail: iagpran@mail.ru

В статье рассматривается мобилизационная готовность населения как социальное качество, которое в силу эскалации вызовов социотехноприродного характера становится, по мнению авторов, необходимым элементом повседневности.

На примере крупномасштабных лесных пожаров 2010 года показаны реальные практики поведения населения и служб, ответственных за его безопасность в экстремальных ситуациях.

Ключевые слова: субъекты природопользования, конфликт интересов, волонтеры, сельское население, мобилизационный потенциал.

Mobilization Potential of the Russian Socium: Environmental Aspect

G. S. Shirokalova, M. Yu. Morekhanova

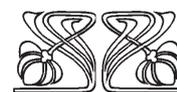
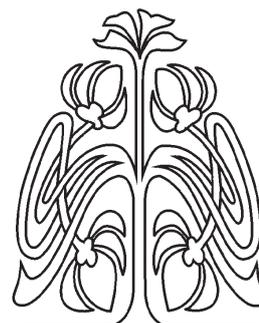
The article considers the issues of mobilization readiness of the population as a social quality, that becomes, according to the authors, an essential element of daily life due to social and natural-technogenic emergencies. Real practices of the population behavior and services responsible for the safety of the population are shown on the example of huge forest fires in 2010.

Key words: subjects of nature, conflict of interest, volunteers, rural population, mobilization potential.

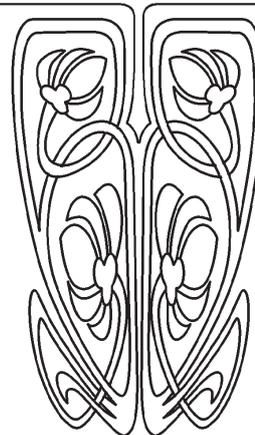
Термин «мобилизация» воспринимается неоднозначно, потому что связанные с ним процессы в советской истории полны драматизма. В ответ на возникающие угрозы (голод, военная интервенция, необходимость иметь индустрию и т. п.) осуществлялись как добровольные, так и принудительные акции, которые вынуждали миллионы людей сосредоточить свою волю, энергию, интеллект на том, чтобы исполнить соответствующую функцию и при этом выжить. После устранения угроз жизнь возвращалась в свою колею, хотя полного их преодоления и возникновения новых рискогенных ситуаций, как оказалось, не наступало. Прежде всего, оставалась рискогенность, идущая от природной среды, которая проявлялась в несовпадении сроков погодных условий, необходимых для выращивания хорошего урожая, что влекло за собой глубокие социальные последствия организации жизни. Неурожай для селянина означал уменьшение ожидаемых ресурсов для содержания на подворье домашних животных и решения многочисленных проблем – от приобретения одежды, обуви, топлива, обучения детей и т.д., и т.п.

Своеобразием отличалось и пространство мобильности: она могла быть направлена, прежде всего, на преодоление стихийных бедствий, тягот при смене места жительства, коллективные трудовые акции (ирригационные сооружения, помощь престарелым и вдовам и др.).

Мобилизационная составляющая жизни трудовых коллективов в советский период вообще играла ведущую роль в социальной политике. Органы КПСС, комсомола, профсоюзов осуществляли целый комплекс мер, направленных на организацию разного рода акций мобилизационного характера. Например, в сельском хозяйстве – это сдача государству зерна сверх плана, переориентация хозяйственной жизни

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

под выращивание кукурузы, кроликов, птицы, передачу скота из личного семейного хозяйства в колхозы и совхозы. В хорошие урожайные годы требовалась мобилизации рабочих заводов, бывших механизаторов для уборки урожая не только в своем, но и других регионах. Мобилизация студентов и школьников для помощи местным колхозам в уборке урожая также была обычной практикой.

Часть этих мобилизаций осуществлялась по отработанной годами схеме, хотя результаты не всегда соответствовали поставленным целям, особенно те, что изначально носили волонтеристский характер. Эта политика, а также внешние угрозы, пережитая Великая Отечественная война поддерживали мобилизационное состояние в обществе. Однако «удельный вес» самоорганизанности в нем не мог быть большим, поскольку то, что не было заранее одобрено властью, не получало поддержки и даже пресекалось.

Каждое поколение застает ту окружающую среду, которую оставили им предки. Она может быть более или менее благоприятной для жизни, богатой или обедневшей ресурсами для осуществления хозяйственной деятельности. В то же время существуют общие предпосылки изменений в состоянии природной среды, которые по масштабу охвата и глубине воздействия являются глобальными и вносят особую напряженность в отношения субъектов природопользования. Человечество не может избежать того, что в окружающую среду загрязняющие вещества будут поступать в результате как природных процессов (например извержений вулканов, эрозии почв, пожаров, выветривания горных пород), так и антропогенной деятельности (добычи и переработки полезных ископаемых, сжигания топлива, применения минеральных удобрений и т. д.). Все большую опасность представляют различные формы антропогенного загрязнения среды. Их неуклонно возрастающие масштабы достигают в отдельных регионах такого уровня, при котором естественный гомеостаз экосистемы не в состоянии нейтрализовать вредное влияние техногенных загрязнений. Происходит накопление стойких загрязняющих соединений, например, таких как некоторые пестициды, а также естественно разлагающихся или усваиваемых веществ, к числу которых относятся удобрения, тяжелые металлы и др. Связанные с этим нарушения природной среды приводят к сокращению численности и видового разнообразия представителей флоры и фауны, снижению устойчивости и продуктивности сложившихся экосистем.

На фоне стремительного распада воспроизводственной функции природной среды в аспекте сохранения биологического и социального здоровья нации работающее население выступает в двойной роли. С одной стороны, оно либо сдерживает разрушительные процессы (при

строгом соблюдении экологических норм), либо вносит свой вклад в ухудшение ситуации (при неполном соответствии деятельности экологическим императивам и/или попустительском отношении к отдельным фактам загрязнения окружающей среды). С другой стороны, население всегда остается страдающей стороной, поскольку не обладает достаточными ресурсами перед лицом крупномасштабных процессов техногенного воздействия на природную среду, которое из года в год неизменно возрастает. Основанием к тому, чтобы мобилизационность стала содержанием повседневности, является состояние окружающей среды.

Например, из ежегодно сбрасываемых 52 куб. км сточных вод только 11% проходят очистку. Не отвечают санитарным нормам около 40% поверхностных, 25% подземных источников питьевой воды. Практически не учитываются экстремальные сбросы предприятий, а ведь именно они наиболее опасны. Около 10% населения России потребляет воду, не соответствующую стандартам безопасности. Основную угрозу представляют отвалы добывающих предприятий, ливневые и талые воды, сточные воды ЖКХ, вырубка лесов, распашка земель, застройка жилыми и промышленными объектами охраняемых зон¹.

По официальным данным, общий объем всех отходов в России – около 4 млрд тонн в год. Средний показатель образования в РФ твердых бытовых отходов (ТБО) в 2012 г. составил 0,4 тонны на душу населения. На территории России в отвалах и хранилищах накоплено около 90 млрд тонн твердых отходов, опасных для жизни людей. Переработке подвергается не более 30% промышленных отходов и 13,6% ТБО. Радиационные отходы, суммарная активность которых оценивается в 4 млрд кюри, хранятся в переполненных, физически и морально устаревших хранилищах; 20 млн человек испытывают последствия радиационного загрязнения. Тем не менее и в этих условиях Росатом РФ пролоббировал ввоз на территорию России ядерного топлива из реакторов зарубежных АЭС. В настоящее время около 40% территории, где проживают более 60% россиян, экологически неблагополучны².

Начало XXI в. ознаменовалось широкомасштабными экокатастрофами, которые причинили огромный ущерб. Добавим, эти пожары, равно как и наводнения в Крымске и на Дальнем Востоке, явились тестом на уровень мобилизационного компонента культуры современного российского социума. Экокатастрофы – явление не только природное, но и социальное, во-первых, потому что в них содержится большая рукотворная доля, во-вторых, само предшествующее вмешательство человека в природные процессы осуществлялось в соответствии с достигнутой индустриальной мощью, в-третьих – природопользование строится на общей культуре различ-

ных агентов, отражается в каждом шаге их, будь то добыча нефти, газа, минералов или обычный маршрут сельского механизатора, который не всегда заботится о сохранении естественных ландшафтов, т.е. социальную самоорганизацию определяет господствующая культура, ее «невидимая рука».

Самым масштабным в ПФО был пожар 2010 г. в Нижегородской области: без крова осталось 852 семьи в 42 населенных пунктах³. Ущерб от лесных пожаров составил в Нижегородской области 15 млрд рублей. Более чем в 60% случаев огонь в леса пришел с территории сельскохозяйственных угодий, 16% пожаров возникли в самих лесах из-за неосторожного обращения граждан с огнем. Ущерб от лесных пожаров в Саратовской области, по предварительным данным, составил 32 млн руб.⁴

В августе 2010 г. в тушении возгорания были задействованы почти 8 тыс. человек, в том числе 1,2 тыс. добровольцев, а также 941 единица техники. В Нижегородской области экологический ущерб от лесных пожаров превысил 15 млрд руб.⁵ Приведем наблюдения участников тушения пожаров в 2010 г., высказанные ими в ходе опроса, проведенного авторами в 2011 г. в сельских населенных пунктах Нижегородской области (выборка простая случайная, объем выборки – 227 человек): «Я работал мастером леса и вместе с лесниками ездил тушить лесные пожары. Работал вместе с рабочими, как и они. В то время я считал себя простым рабочим. Когда началось массовое возгорание лесных насаждений, собралась масса добровольцев». Но были и другие оценки: «Людям безразлично все, что происходит вокруг. Они думают только о себе. Кто-то принимает активное участие при тушении лесного пожара, а кто-то стоит в стороне и никуда не торопится, находит какие-то отговорки, чтобы не работать. Отсюда следует, что не все так хорошо, как хотелось бы»; «Никого не интересует ничего...»; «Солдаты (направленные для борьбы с пожарами. – Г. Ш.) поедят, лягут и ждут...»; «Многие добровольцы, которые приезжали из других районов от предприятия, не хотели ответственно работать и работали халатно. Они говорили, что им с заводов платят вдвойне за день, вот они и приехали, а работать качественно не хотят».

Еще одна особенность: мужчины всех возрастов выражают более активную позицию, готовы лично тушить возникшие на их глазах пожары, женщины более склонны к тому, чтобы сообщить о пожаре «кому следует». Пожилые женщины не проявляют готовности сделать замечание группе людей, разжигающих костры в лесу, да и тушить пожар, возникший на их глазах, они не готовы. Схожие показатели – в оценке изменений ландшафтов в связи с ослаблением агрокультуры (зарастание пашни кустарником), техническим вмешательством (проведение тру-

бопроводов, сооружения объектов нефте- и газодобычи и т.п.). Этот факт на уровне пассивного созерцания признается, но никто не видит путей изменения ситуации.

В отношении мобилизационной готовности сельские жители опережают горожан, что характерно для всех демографических групп. Это вполне объяснимо: пожары в городе, как правило, точечные, быстро локализируются, для чего есть необходимая противопожарная инфраструктура и службы; в сельских условиях возгорание в окрестностях деревни легко переходит на само поселение, дома жителей. Следует обратить внимание и на некоторые перемены в восприятии ландшафтов сельскими жителями. Оно стало приближаться к городским стандартам, т.е. ценится как место отдыха, сбора грибов и ягод, причем чем моложе сельские, тем это выражено более четко. Другие, типично крестьянские, интересы к природной среде (место выпаса скота, заготовки сена, дров) выражены слабее, особенно у молодежи (17–30 лет) и пожилых (50 лет и старше). Причины этого надо искать в социально-экономической обстановке, сложившейся в селах вследствие аграрной реформы. Молодые люди ищут лакуны трудовой занятости вне села, им не нужны ни пастбища для скота, ни сено, ни дрова. Пожилые не могут содержать такое подворье, которому нужны продукты окружающих село ландшафтов⁶.

Сельские жители осознают, что с ухудшением экологической ситуации постепенно разрушаются традиционные преимущества сельского образа жизни, присущие исключительно внегородскому пространству. По данным исследования, проведенного при участии авторов в селах Новосибирской и Саратовской областей в 2011 г., только 37% респондентов, характеризуя качество окружающей среды, выбрали альтернативу «живем на природе, воздух чистый, свежий». Для большинства сельских жителей – 63% участников опроса – сегодня наиболее актуальной проблемой является низкое качество питьевой воды; каждый четвертый обеспокоен проблемой увеличения числа стихийных мусорных свалок, состоянием скотомогильников.

Результаты опроса, проведенного фондом «Общественное мнение» 12–13 мая 2012 г. (43 региона России, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов, из них 405 проживают в сельской местности), показали, что более 70% сельских жителей обеспокоены состоянием экологии в их населенном пункте⁷. С каждым годом не только горожане, но и жители сел все более негативно оценивают состояние окружающей среды в местах проживания. По данным всероссийских опросов ВЦИОМ (1600 респондентов в 153 населенных пунктах 46 регионов России) в декабре 2010 г., как и в июле 2005 г., благополучным его считали чуть больше половины сельских респондентов, в целом по массиву такого мнения

придерживалось 41 и 44% опрошенных соответственно. Однако, если в 2005 г. 22% сельских респондентов оценивали состояние окружающей среды как вполне благополучное, то в декабре 2010 г. – 12%. На оценку качества окружающей среды в целом существенное влияние оказывает экологическая ситуация на момент опроса. Так, в разгар аномально жаркого лета 2010 г. только 34% селян ответили, что считают экологическую обстановку благополучной⁸.

В качестве конкретных проявлений ухудшения экологии сельские жители чаще всего отмечают загрязнение водоемов (50%), ухудшение здоровья людей (44%), загазованность воздуха (42%). Значимость этого фактора существенно возросла в связи с лесными и степными пожарами 2010 г. Все чаще жителей российских сел беспокоят проблемы антисанитарного состояния территорий сельских поселений (в 2005 г. это отметили 32% участников опроса, в 2010 г. – уже 42%⁹).

Постепенно изменяются и представления сельских жителей о том, кто отвечает за состояние окружающей среды. Хотя, в отличие от города, на селе в 2010 г., как и в 2005г., прерогатива осталась за местными органами власти (28 и 22% соответственно), респонденты чаще стали возлагать ответственность на федеральные органы власти (12% в 2005 г. и 22% в 2010 г.). Альтернатива «сами люди» в 2010 г. упоминалась в несколько реже, чем 7 лет назад (12 и 15%). Парадоксально, но лишь 2% респондентов (на селе 1%), считают, что ответственность за состояние экологии должны нести предприятия, одни из основных виновников загрязнения окружающей среды¹⁰.

О. Н. Яницкий, оценивая лесные пожары 2010 г., пришел к выводу, что лес, являвшийся в течение многих веков защитником и кормильцем, сейчас стал потенциальным источником смертельной опасности. «На языке этносоциологии это называется эффектом многократного превышения несущей способности среды обитания»¹¹. Данные нашего исследования подтверждают эту мысль не только в отношении леса, но и всего природного ландшафта как пространства, предназначенного для удовлетворения потребностей разных акторов. Одним из них нужен животный мир, другим – пиломатериалы, третьим – сырье недр, четвертым – просто земельные угодья, где не обитает никто, но их можно сделать источником наживы. И каждый из акторов, целых корпораций видят свои цели секторально и осваивает их, используя институционально правовые и неправовые ресурсы. Аналитики этих процессов обычно апеллируют к государству как главному арбитру справедливого подхода к использованию природной среды. Однако нельзя забывать, что под давлением сил лоббирования нередко и государственными органами принимаются решения, не выдерживающие критики, что и под-

держивает дисбалансы в природной среде, и углубляет дифференциацию людей по условиям жизни. Отсюда вытекает потребность в активизации самоорганизующихся негосударственных, некоммерческих групп, которые во всем мире подталкивают общество и сознание его граждан к бережному отношению к природной среде.

Российское экологическое законодательство не соответствует международным нормам и стандартам. Изменения, которые были в него внесены в последние несколько лет, не только не способствуют нормализации и улучшению экологической обстановки, а, наоборот, приводят к еще большему антропогенному воздействию на природную среду, уменьшению рекреационных зон, отсутствию экономических стимулов к модернизации производств и технологий, что неизбежно ведет к увеличению случаев экологических нарушений. Растут темпы уничтожения лесных массивов и зеленых зон городов, уменьшаются границы особо охраняемых природных территорий, ведется строительство на территориях и объектах, находящихся под охраной Всемирного наследия ЮНЕСКО и в водоохранных зонах, и многое другое.

Большинство поручений Президента РФ и Правительства РФ, данных по итогам состоявшихся в 2010–2012 гг. заседаний Президиума Государственного совета РФ, посвященного реформированию системы государственного управления в сфере охраны окружающей среды, реализованы не в полной мере, либо практически не выполнены¹².

О. Н. Яницкий наметил три этапа эволюции изменения установившихся взаимоотношений с природой за счет влияния социологической науки и постижения разными слоями общества новых метафизических представлений о будущем.

Первый этап: воздействие экологического знания на все сферы коллективного действия. Среди понятий, которые должны приниматься как должное, особое место занимают «несущая способность» различных социо-природных систем, что в практике означает следование более строгим нормативам антропогенных нагрузок на ландшафты. На наш взгляд, этот этап, хотя он начался в советское время, продолжается и сегодня, причем власть сделала немало послаблений субъектам природопользования, чтобы они могли свободнее (добавим, и безответственнее) извлекать дополнительные ресурсы.

Суть второго этапа в интеракции «внешних» экологических ограничений с внутренними социальными регуляторами. В экономической политике экологические регуляторы встраиваются в существующие рыночные механизмы, производство экологически чистой продукции, безопасных жилищ и предметов быта. В современных условиях к результатам процессов первого и второго этапов добавились факты, свидетельствующие о вступлении в стадию «общества

риска», которая имеет глобальное, локальное и персональное измерения, т.е. риск-рефлексия индивидов и коллективных акторов становится осью, вокруг которой вращаются дискурсы на разных площадках. Особенность их во всем большем признании того, что никому невозможно дистанцироваться от угроз, идущих от рисков, создаваемых каждым актом общественного производства. Никакие оазисы, вроде Рублевки или бункеров в недрах гор, уже не спасут от глобальных экокатастроф, к которым подталкивают сами люди.

Общей теоретической основой современного (третьего) этапа социальной интерпретации экологического знания становится концепция «общества риска». Главной его политической характеристикой является «перемещение «экологического вопроса в центр публичного дискурса»¹³.

Наиболее эффективными мерами улучшения экологической ситуации и сохранения окружающей среды, по мнению участников опроса, являются: ужесточение наказания нарушителей экологического законодательства (37% по массиву в целом и 39% по селу); сохранение и расширение заповедников и природоохранных зон (по 25%); принятие экологических стандартов (21 и 22% соответственно). Несколько выше на селе, по сравнению с городом, оценивают значение различных экологических мероприятий (сбор подписей, проведение субботников). Менее 10% респондентов, принявших участие в опросе, верят в то, что на состояние окружающей среды могут повлиять такие меры, как деятельность экологических организаций, передачи экологической направленности на теле- и радиоканалах, реализации экологических образовательных программ¹⁴.

Следует отметить, что если за состояние экологии в целом большая часть респондентов практически снимает ответственность с отдельных граждан и общественных организаций, то когда вопрос относится к экологической ситуации непосредственно в местах их проживания, ситуация существенно меняется. По данным опроса ФОМ, проведенного в мае 2012 г., на вопрос о том, могут ли рядовые граждане сделать что-либо для защиты природы в своих городах и селах, в целом по массиву только каждый четвертый респондент ответил отрицательно. Среди городского населения уверенность граждан в своих силах обратно пропорциональна численности населения данного типа поселения. В городах с численностью населения до 250 тыс. человек положительный ответ дали 75% участников опроса, в мегаполисах – чуть больше 60%. К сожалению, в данном случае жители сел в своих ответах оказались ближе к жителям мегаполисов, альтернативу «могут» отметили 66%.

Все субъекты природопользования в той или иной степени вносят свой негативный вклад в

состояние природной среды, однако общего согласия как преодолеть его, пока не достигнуто. Многие вопросы сохранения окружающей среды находятся в компетенции государства и транснациональных корпораций, и далеко не всегда общие проблемы выживания планеты Земля стоят на первом месте, уступая позиции «экономическая выгода сейчас, плата за загрязнение потом». Ускорение темпов жизни, насыщение техническими средствами среды обитания, урбанизация также затрудняют достижение разумного баланса между интересами отдельных субъектов и сохранением окружающей среды.

Сегодня не только расчеты специалистов, но и опыт ряда стран показывает, что совместить развитие производства и сохранение животного и растительного мира вполне возможно (по крайней мере, в пределах минимизации экологического ущерба). Широкий общественный резонанс в последнее десятилетие получила концепция «зеленой экономики» – системы видов экономической деятельности, обеспечивающих рост благосостояния человека, не создавая угрозы экологического дефицита или значительных экологических рисков для следующих поколений¹⁵. Однако в настоящее время для России скорее характерна несовместимость интересов экологии и экономики. Большие и малые субъекты природопользования соревнуются в том, чтобы «все богатства взять из-под земли», наращивая масштабы и интенсивность использования недр, почвы, лесов и водоемов. Главный модератор этого процесса – рынок, и чем слабее государственное регулирование и общественный контроль, тем больше стихии в природопользовании и столкновений интересов не только тех, кто активно вмешивается в природные процессы, но и массовых слоев населения городов и сел, нуждающихся в чистых продуктах питания, воде и воздухе. Для охраны окружающей среды в районах размещения аграрного производства требуется постоянный мониторинг состояния воздушной среды, почвы, воды. Необходимы изменения и в институциональной базе природопользования в контексте того, чтобы природопользователи не выкупали право на ущерб природе, а были бы заинтересованы в применении экологически чистых технологий.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант №12-03-00237).

Примечания

- 1 См.: *Кашин В. И.* Жажда планеты. Выступление 17 июня 2013 г. на парламентских слушаниях по проблемам совершенствования законодательства и международного сотрудничества в сфере охраны и использования трансграничных водных объектов // *Правда*. 2013. 21–24 июня. С. 2.
- 2 См.: *Кашин В. И.* КИРФ в борьбе за обеспечение экологической и продовольственной безопасности России.

- URL: <http://kprf.ru/party-live/cknews/119848.html> (дата обращения: 14.07.2013).
- 3 См.: В Нижегородской области для погорельцев уже построили 462 дома. URL: http://dom.nakanune.ru/forum/news_109695 (дата обращения: 15.08.2013).
 - 4 См.: Ущерб от лесных пожаров в Саратовской области, по предварительным данным, составил 32 млн руб. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfree/news/20100830132053.shtml> (дата обращения: 10.08.2013).
 - 5 См.: В Нижегородской обл. экологический ущерб от лесных пожаров превысил 15 млрд руб. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfree/news/20100819134108.shtml> (дата обращения: 11.08.2013).
 - 6 См.: *Великий П. П.* Российское село : Процессы постсоветской трансформации. Саратов, 2012. С. 340.
 - 7 См.: Данные еженедельного опроса «ФОМнибус» «Экология : полезные привычки», 12–13 мая 2012 г. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10450> (дата обращения: 20.06.2013).
 - 8 См.: Данные всероссийского опроса ВЦИОМ. 27.08.2005. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=176&q_id=14554&date=28.07.2005 (дата обращения: 11.08.2013) ; Данные Всероссийского опроса ВЦИОМ 24.07.2010. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=682&q_id=49488&date=24.07.2010 (дата обращения: 11.08.2013) ; Данные всероссийского опроса ВЦИОМ 11.12.2010. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=698&q_id=50620&date=11.12.2010 (дата обращения: 11.08.2013).
 - 9 См.: Данные всероссийского опроса ВЦИОМ. 31.08.2005. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=63&q_id=5389&date=31.08.2005 (дата обращения: 12.09.2013) ; Данные всероссийского опроса ВЦИОМ. 31.05.2009. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=605&q_id=43863&date=31.05.2009 (дата обращения: 12.09.2013) ; Данные всероссийского опроса ВЦИОМ 24.07.2010. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=682&q_id=49490&date=24.07.2010 (дата обращения: 14.08.2013).
 - 10 См.: Данные всероссийского опроса ВЦИОМ. 31.08.2005. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=63&q_id=5389&date=31.08.2005 (дата обращения: 18.08.2013) ; Данные всероссийского опроса ВЦИОМ. 31.05.2009. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=605&q_id=43863&date=31.05.2009 (дата обращения: 18.08.2013) ; Данные всероссийского опроса ВЦИОМ 24.07.2010. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=682&q_id=49490&date=24.07.2010 (дата обращения: 18.08.2013).
 - 11 *Яницкий О. Н.* Пожары 2010 г. в России : экосоциологический анализ // Социс. 2011. № 3. С. 5.
 - 12 См.: *Поправко Н.* В 2013 году в России – год охраны окружающей среды. URL: http://www.bellona.ru/articles_ru/articles_2012/1354482469.09.=5.05.2013 (дата обращения: 11.08.2013).
 - 13 См.: *Яницкий О. Н.* Социальные движения. Теория. Практика. Перспектива. М., 2013. С. 142-150.
 - 14 См.: Данные всероссийского опроса ВЦИОМ. 11.12.2010. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=698&q_id=50623&date=11.12.2010 (дата обращения: 18.09.2013).
 - 15 См.: *Миланова Е. В.* Устойчивое развитие : глобальные вызовы – местные решения // Проблемы региональной экономики. 2012. № 3. С. 166–169.

УДК 316.45

ПОТЕНЦИАЛ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ 2020 ГОДА

С. В. Ситникова

Саратовский государственный университет
E-mail: skareva@yandex.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования уровня гражданственности молодежи г. Саратова. Дисперсионный и факторный анализ позволили сформировать прогнозные модели развития гражданственности российского населения в среднесрочной перспективе.

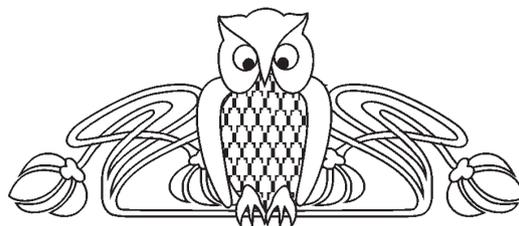
Ключевые слова: гражданственность, патриотизм, векторы развития гражданственности.

Potential of Russian People Civics: 2020 Prospects

S. V. Sitnikova

The article presents the results of empiric research of Saratov young people civics level. Analysis of variance and factor analysis helped to form predictive models of development of Russian people civics in the mid-term prospect.

Key words: civics, patriotism, vectors of civics development.

Актуальность заявленной проблемы не требует, на наш взгляд, доказательств, поскольку гражданственность и патриотизм российского населения на сегодняшний день – едва ли не самые обсуждаемые темы как в СМИ, среди представителей власти, так и в научной среде социологов, философов, политологов и представителей ряда других смежных наук¹. Не углубляясь в этимологию понятия «гражданственность», ограничимся определением, максимально отражающим, по нашему мнению, суть данного понятия. Гражданственность – нравственная позиция, выражающаяся в чувстве долга и ответственности человека перед гражданским коллективом, к которому он принадлежит: государство, семья, церковь, профессиональная или иная общность, в готовности отстаивать и защищать от всяких посягательств на его права и интересы. Чувство гражданственности вытекает

из самоосознания человеком себя как личности, как самостоятельного, индивидуального члена общества, обладающего определенными правами и обязанностями, закрепленными в законодательстве, активно участвующего в принятии и осуществлении государственных решений и руководящегося в повседневной жизни определенными моральными нормами и ценностями. Правовое государство призвано защищать частные и коллективные интересы и потребности людей, обеспечивая каждому человеку, коллективу возможности и условия свободного и беспрепятственного развития².

В центре нашего исследовательского внимания оказались позиции молодежи, в частности жителей города Саратова в возрасте от 14 до 29 лет³. Ценностные позиции младшего поколения позволяют в полной мере выявить потенциал гражданственности, поскольку именно эта часть населения к 2020 г. будет наиболее активной стратегией работающих, создающих семьи, воспитывающих подрастающее поколение граждан.

Гражданственность как сложная социологическая категория требует разработки системы адекватных индикаторов. Идеальная модель содержит не менее 100 позиций. Рассмотреть все в нашем исследовании не представлялось возможным, в связи с чем измерительный аппарат был ограничен некоторыми весьма показательными категориями, например, такими как: знание символики своего государства, готовность к службе в армии, доверие согражданам, идентификация себя как члена какой-либо социальной группы, уверенность в соблюдении своих гражданских прав и свобод. С каждым из приведенных индикаторных высказываний по означенным выше категориям респондентам необходимо было оценить степень согласия по пятибалльной шкале, где 1 балл означал абсолютное несогласие, 5 – полное согласие. Анализ ряда средних показателей⁴ по каждому из высказываний позволил выявить несколько групп по степени согласия. В 1-ую группу «Высокой степени согласия»⁵ вошли позиции: *Я не одинок в этом мире; Меня любят; Я уважаемая личность; Я пользуюсь доверием; Я свободен в выборе своих увлечений; В моей семье не применяется насилие; Я полноправный член своего класса, коллектива; Я свободен в выборе веры; Я знаю и понимаю символику своего государства (флаг, герб, гимн); С большей частью класса я в хороших отношениях; Все члены моей семьи доверяют друг другу; В моей семье царит полное взаимопонимание и взаимопомощь; В моей семье мнение детей уважается так же, как и мнение родителей.* Именно по этим позициям большинство опрошенных выразили абсолютное согласие.

Вторую группу⁶ «Невыраженного согласия» составили: *Я свободен в выборе образа жизни; Я не боюсь, что мой телефон будет прослушиваться в целях государственной безопасности;*

Я готов к службе в армии для защиты своей Родины; Я могу свободно перемещаться в любой регион страны; У меня есть возможность зарабатывать; Я не останусь без работы; Я никогда не окажусь на улице; Я не боюсь зайти в любое интересующее меня учреждение; Помещения, где мы находимся, и оборудование соответствует требованиям безопасности людей и не угрожают их жизни и здоровью; Я не испытываю давления со стороны учителей, директора, завучей. Уровень согласия большинства соответствовал 2, 3 реже 4 баллам.

В 3-ю группу⁷ «Низкой степени согласия» вошли: *Государство обеспечивает мою безопасность в любой стране мира; Я доверяю согражданам; Я уверен в завтрашнем дне; Мои гражданские права соблюдаются; Я не боюсь случайных травм (сосульки, дороги, разрушающиеся здания, выстрелы, бездомные собаки); Я не боюсь ходить по улицам своего города в любое время суток; Правоохранительные органы меня всегда защитят; Я не опасаясь за дорожное движение, поскольку водители уважают как друг друга, так и пешеходов; Я живу в экологически чистом городе.* По этим позициям большинство респондентов выразили наименьшую степень согласия.

Таким образом, доминирующим согласием обладают высказывания, характеризующие успешность организации микропространства личности: доверительная обстановка в семье, уважение и дружба в малых социальных группах. Именно по этим позициям выявлена высокая согласованность современных молодых людей. Проявление гражданственности выражено в значительно меньшей степени. Исключение составила позиция «Знаю и понимаю символику своего государства». Более 70% представителей младшего поколения высказали согласие по данной позиции. Однако наибольший наш интерес вызвали позиции с самой высокой дисперсией, мнение по которым менее всего согласовано: «Я готов к службе в армии для защиты своей Родины» и «Я уверен в завтрашнем дне». Рассмотрим каждую из них более подробно.

Противоречивость информации о Российской армии, снижение ее авторитета является фактором многополярности во мнении российского населения, в том числе и молодых ее представителей. Готовых к службе в армии для защиты своей родины, по результатам нашего исследования, оказалось чуть больше 50% опрошенных (37,6 абсолютно согласны и 17,6 скорее согласны). Около 30% высказали неготовность к службе в армии. Необходимо отметить, что готовность к службе в армии для защиты своей родины оценивали и девушки. Около 48% из них выразили высокий уровень готовности. Из числа опрошенных мужчин таких оказалось 64%. Корреляционный анализ позволили выявить основные факторы, влияющие на желание молодых

людей служить в армии в случае необходимости защиты родины. К их числу можно отнести:

1) уверенность в завтрашнем дне. Чем выше этот показатель, тем выше уровень готовности к службе в армии. Более 63% из числа спокойных за свое будущее молодых людей без сомнений пойдут в армию (коэффициент Тау си Кендалла при нулевой значимости имеет значение 0,3);

2) уверенность в соблюдении гражданских прав и свобод. Зависимость аналогична предыдущей: чем выше уверенность в соблюдении прав, тем выше готовность служить в армии. Из числа абсолютно уверенных, что их права соблюдаются, около 70% готовы служить в Российской армии (коэффициент Тау си Кендалла при нулевой значимости имеет значение 0,2);

3) уверенность в социальной помощи государства в случае необходимости. Чем выше уверенность, тем выше готовность пойти в армию;

4) уверенность в занятости. Чем больше молодой человек уверен, что не останется без работы, тем выше готовность пойти по необходимости в армию.

Проверка гипотез о корреляции готовности пойти в армию с социально-демографическими показателями дала отрицательный результат. Готовность защищать родину в случае необходимости не связана ни с половой принадлежностью, ни с возрастом, ни с уровнем образования, местом проживания, родом деятельности и семейным положением. Таким образом, получено доказательство прямой зависимости роста патриотизма и гражданственности при увеличении уверенности граждан в обеспечении их безопасности государством.

По категории «уверенность в завтрашнем дне» зафиксирован самый высокий уровень несогласованности мнений молодежи. Так, по нашим данным, уверенных в завтрашнем дне молодых людей около 47%, из них 19% абсолютно согласны с высказыванием, 28% – скорее согласны. Около четверти ответивших абсолютно не уверены в завтрашнем дне. Несогласованность по этой позиции также объяснима, поскольку уверенность в будущем формируется через призму достаточно большого числа показателей, таких как благополучие в семье, доверие согражданам, уверенность в успешности функционирования социальных институтов, открытость и справедливость власти, закона, достойный уровень благосостояния семьи, безопасность граждан как внутри своего государства, так и за его пределами, разумная международная политика государства и т.д. Большая часть оценочных суждений по данным позициям свидетельствует о доминировании неудовлетворенности в оценках как молодых саратовцев, так и россиян в целом.

Так, по данным ВЦИОМ⁸, в 2011 г. большинство россиян (58%) не чувствовали себя уверенными в завтрашнем дне. Спокойны за свое

будущее лишь 37% опрошенных. Не уверены в своем завтрашнем дне, прежде всего, респонденты пенсионного возраста (65%), люди с низкими доходами (66%), малообразованные респонденты (69%). Большую уверенность демонстрировали молодые (56%), высокообразованные (42%) и обеспеченные россияне (44%). Результаты нашего исследования свидетельствуют о тенденции снижения уверенности в будущем по группе молодежи (56% в 2011 г., 47% – по результатам нашего исследования). Исследования Левада Центра 2013 г. также свидетельствуют о снижении спокойствия россиян за свое будущее⁹ с 45% уверенных в 2011 г. до 38% в 2013.

Международные компании, дающие оценку уверенности россиян в завтрашнем дне¹⁰, также констатируют рост пессимистических настроений. По итогам II квартала 2013 г. значение индекса потребительского доверия снизилось до 80 – это самый низкий показатель со времени кризиса. Снижение продолжалось третий квартал подряд. Две трети опрошенных россиян (64%) негативно оценивают свои перспективы трудоустройства на ближайшие 12 месяцев, а гарантия занятости стала основным источником беспокойства во II квартале (14%), опередив здоровье (13%) и состояние экономики (10%). Больше половины россиян (56%) сохраняют негативный настрой в отношении состояния собственных финансов.

Нельзя не отметить выявленную в ходе нашего исследования особенность корреляции уровня материального благосостояния и уровня уверенности в завтрашнем дне (таблица). Помимо общей тенденции большинства неуверенных в завтрашнем дне в группе с очень низким уровнем жизни, показательно и то, что затруднившихся с ответом среди них не оказалось. При этом отмечено большинство затруднившихся в группах со средним и низким уровнем жизни. Однако хотелось бы обратить внимание на графу абсолютной уверенности в завтрашнем дне. Доля максимально уверенных равновелика (около трети по группе материального благосостояния) в группах как с самым низким уровнем жизни, так и самым высоким. Вероятно, конкретизации ожиданий россиян от завтрашнего дня способствует жесткость разнополярности социальных страт. Предполагаем, однако, что вектор уверенности данных групп также разнополярен. Учитывая тот факт, что большинство опрошенных отнесли свои семьи к группам со средним и низким уровнем жизни (38,6 и 36,6% по выборке соответственно), группы негативно настроенных и индифферентных в оценках своей защищенности в государстве значительно по объему групп с позитивными оценками. Отсюда и многочисленность молодежной страты с очень низким уровнем патриотизма. Все это позволяет говорить о низком потенциале гражданственности российского населения.

Уровень материального благосостояния молодых россиян как фактор уровня уверенности в завтрашнем дне, % по уровню

Уровень материального благосостояния	Я уверен в завтрашнем дне				
	Абсолютно не согласен	Скорее не согласен	Трудно сказать	Скорее согласен	Абсолютно согласен
Мы едва сводим концы с концами. Денег не хватает даже на питание	42,9	14,3	0,0	14,3	28,6
Денег хватает только на питание, но покупка одежды вызывает затруднения	34,3	5,7	28,6	17,1	11,4
Доходов хватает на питание и одежду, но на покупку вещей длительного пользования приходится брать заем, кредит	9,0	15,3	32,8	28,6	14,3
Мы можем без труда покупать вещи длительного пользования, затруднительна покупка действительно дорогих вещей	7,3	14,6	21,8	34,0	22,3
Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования, купить машину	3,6	10,7	21,4	32,1	32,1
Мы можем позволить себе все, что пожелаем. У нас нет материальных затруднений	15,0	12,5	27,5	15,0	30,0

В ходе нашего исследования был реализован алгоритм факторного анализа по всему списку индикаторных высказываний. Результат подтвердил ранее полученные выводы. Высокий уровень корреляций по ряду высказываний позволил получить три группы факторов. Первый фактор объединил высказывания, касающиеся оценок микропространства человека – семейных отношений, включенности в коллектив, личного психологического комфорта, такие как, например: «Я не одинок в этом мире», «Меня любят», «Все члены моей семьи доверяют друг другу», «Я полноправный член коллектива». Этот фактор мы назвали «семейственностью». Корреляции в этом факторе варьируются в пределах 0,7–0,5.

Во втором факторе высока связь таких высказываний, как: «Мои гражданские права соблюдаются», «Я доверяю согражданам», «Я готов к службе в армии для защиты своей родины», «Правоохранительные органы меня защитят». Корреляции в этом факторе выражены на уровне 0,7–0,4. Именно этот фактор отражает потенциал гражданственности.

Третий фактор объединил позиции рациональной активности личности: «Я поддерживаю хорошие отношения с группой лидеров», «У меня есть возможность зарабатывать», «Я свободен в выборе образа жизни», «Я никогда не окажусь на улице». Именно по первому фактору – семейственности – получены самые высокие оценки удовлетворенности молодых людей. Ощущения защищенности молодых граждан России значительно ниже.

Выявленные тенденции свидетельствуют о негативных векторах развития российской гражданственности. Прогнозы в связи с этим далеко не оптимистичны. Рассмотрим три возможных сценария. При условии стагнации, т. е. сохранения доминирующих позиций, уровень гражданственности в среднесрочной перспективе (к

2020 г.) останется низким, при этом будет расти доля политически индифферентных групп населения. Уровень семейственности и рациональной активности будет оставаться высоким и доминирующим в жизненных стратегиях россиян. Негативный сценарий регресса предполагает не только снижение и без того низкого уровня гражданской ответственности, но и рост групп активной оппозиции. Велика вероятность организации массовых протестов. Позитивный сценарий роста уровня гражданственности возможен, однако только как долгосрочный (20–25 лет) и лишь при условии разработки и внедрения стратегии формирования национальной идеологии, оптимизации работы структур, обеспечивающих социальную защиту граждан Российской Федерации. Технология пропаганды на сегодняшний день не может быть доминирующей, поскольку утратила свой потенциал эффективности. Для формирования национальной идеологии необходимы не только более сложные социальные технологии, но и время, измеряемое десятилетиями. Таким образом, к 2020 году оптимальным будет сценарий стагнации.

Примечания

- 1 См.: Патриотизм современной России : от национальной идеи к практике гражданственности : Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург. Май 2012 г. URL: <http://www.konferencii.ru/info/87690> (дата обращения: 06.02.2014); Анализ деятельности ГБОУ ДОД ЗДЦТ Курортного района Санкт-Петербурга за 2012–2013 уч. г. по воспитанию гражданственности и патриотизма. Зеленогорск 2012–2013 г. URL: <http://ddtzelspb.edusite.ru/p42aa1.html> (дата обращения: 06.02.2014); Проблемы российского самосознания : патриотизм, гражданственность и отечественная культура : Междунар. науч. конф. 3–10 октября 2013 года (Москва, Белгород). Институт философии Российской академии наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

- URL: http://iph.ras.ru/prs_10.htm (дата обращения: 06.02.2014); Нутрихин П. Позитивный сценарий для нового поколения. URL: http://www.vlast4.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=34:2011-06-22-09-03-51&catid=3:num-20&Itemid=2 (дата обращения: 06.02.2014); Патриотизм и любовь без обязательств. Комсомольская правда от 4.02.2014. URL: <http://tver.kp.ru/daily/26189/3078156/> (дата обращения: 06.02.2014); Ненависть к Родине продается все хуже. Обзор трендов. URL: <http://www.odnako.org/blogs/nenavist-k-rodine-prodayotsya-vsyo-huzhe-obzor-trendov/>. «От слова «патриотизм» тошнит уже какими-то червяками». Журналист популярного СМИ признался в давней нелюбви к Родине. URL: <http://www.mngz.ru/russia-world-sensation/327721-ot-slova-patriotizm-toshnit-uzhe-kakimi-to-chervyakami-zhurnalists-populyarnogo-smi-priznalsya-v-davney-nelyubvi-k-rodine.html> (дата обращения: 06.02.2014).
- 2 См.: Философский словарь. URL: http://mirslivarej.com/content_fil/grazhdanstvennost-7282.html (дата обращения: 31.01.2014).
 - 3 Исследование методом опроса было проведено Центром региональных социологических исследований СГУ при участии автора в 2012 г. Объем репрезентативной квотной-стратифицированной выборки составил 533 человека. 49,3% составили мужчины, 50,7% – женщины.
 - 4 Медианное значение, модальное, среднее арифметическое, дисперсия.
 - 5 В данной группе оказались высказывания, средние значения согласия по которым находились в диапазоне от 4 до 4,5 балла.
 - 6 В данной группе оказались высказывания, средние значения согласия по которым находились в диапазоне от 3,5 до 3,9 балла.
 - 7 В данной группе оказались высказывания, средние значения согласия по которым находились в диапазоне от 2,4 до 3,4 балла.
 - 8 Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 9–10 июля 2011 г. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4% (см.: ВЦИОМ : [сайт]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111744> (дата обращения: 04.02.2014)).
 - 9 Россияне об уверенности в завтрашнем дне. URL: <http://www.echomsk.spb.ru/blogs/levada/16033.php> (дата обращения: 04.02.2014).
 - 10 Россияне не уверены в завтрашнем дне. По результатам исследований компании NIELSEN (мировой эксперт в области маркетинговой информации). URL: <http://www.vedomosti.ru/companies/news/14656361/nedoverchiyye-rossiyane> (дата обращения: 04.02.2014).

УДК 316.334.3(470+571)

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И РОДИМЫЕ ПЯТНА СОЦИАЛИЗМА

Л. С. Аникин, Е. Е. Немерюк

Саратовский государственный университет
E-mail: anikinls@rambler.ru

Статья посвящена рассмотрению местного самоуправления в современном российском обществе, анализу его особенностей, обусловленных историческим прошлым этого социального института.

Ключевые слова: местное самоуправление, социальное пространство, советы, дефицит местных бюджетов, социальный институт.

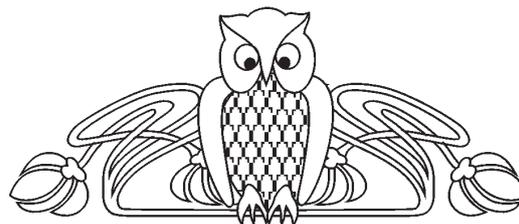
Local Government and Birthmarks of Socialism

L. S. Anikin, E. E. Nemeryuk

Article is devoted to consideration of local government in modern Russian society, to the analysis of its peculiarities caused by the historical past of this social institute.

Key words: local government, social space, councils, deficiency of local budgets, social institute.

В идее самоуправления наиболее основательно и отчетливо выражено стремление человека к полнокровному участию во всех сферах жизнедеятельности общества, тяга к наиболее полной реализации своих творческих потенций,

своего авторитета. Сама идея местного самоуправления и, более того, ее практическая реализация в общественной жизни в России имеет довольно длительную историю. Давно стало общеизвестным высказывание о том, что местное самоуправление есть важнейший элемент самоорганизации территориальных сообществ по месту жительства, от его эффективности зависит многое, в том числе и качество жизни членов территориальных сообществ. Однако длительная история развития местного самоуправления в нашей стране свидетельствует и о том, что собственно феномен местного самоуправления в нашей стране переживал различные периоды. Местное самоуправление подобно маятнику, совершающему колебания, двигалось от прямого государственного управления территориями к самоорганизации местного территориального сообщества и обратно. При усилении центральной власти самоуправление являлось в значительной мере компромиссом между верховной властью и входящими в состав единого государства территориями, а признание прав территорий на само-

управление сглаживало остроту противостояния центра и провинций. Местное самоуправление на протяжении всей своей истории не перестает совершенствоваться, сегодня являясь механизмом формирования и составной частью социального государства и гражданского общества, призванным обеспечивать защиту совместных интересов граждан, проистекающих из проживания на определенной локальной территории.

Самоуправление вообще есть способ обработки социального пространства, занимаемого людьми, с одной стороны, для создания им комфортных условий проживания, а с другой (и, пожалуй, именно это является главным), для эффективного управления территориями. Каким образом достигается последнее – в этом суть любого политического режима. Вместе с тем необходимо различать местное самоуправление стабильных режимов и местное самоуправление переходных эпох. Противоречия всех переходных эпох в рамках, в которых осуществлялось реформирование местного самоуправления, самым непосредственным образом отражались на степени его организованности и значимости и в конечном счете на его эффективности.

На своем начальном этапе становления советской власти в стране Советы выглядели как органы прямой демократии, своеобразный архетип местного самоуправления, много обещавший в будущем в силу лозунгового марксизма, освоенного строителями нового общества, и практикой ускоренного строительства социализма. Через Советы представители всех классов и слоев могли транслировать властям общую волю народа. Далекие от политики замечательные люди, представляющие все профессии и социальные слои населения – доярки, шахтеры, учителя, врачи и т. п., стали представлять общую волю народа в течение нескольких дней в году, для того чтобы утвердить решения, представляемые на их сессии бюрократией исполнительных органов. Это было свидетельством того, что представительная власть практически полностью утратила свои постоянные функции и полномочия, не говоря уже о профессионализме, который отныне стал исключительной прерогативой исполнительной власти на всех ее уровнях сверху донизу.

Недооценка, а порой и игнорирование института местного самоуправления в социалистическом обществе была обусловлена многими причинами, среди которых не последнее место занимала унификация политики и экономики. Правящая государственно-партийная номенклатура признавала только одну форму политики – государственную, только одну форму экономики – социалистическую, с некоторыми оговорками относительно форм собственности, в частности общенародной и колхозно-кооперативной. По всем направлениям развития общества проводилась единая государственная политика, где активности и инициативе граждан было отведе-

но неподобающе малое место. Пассивность же граждан вела, с одной стороны, к обесцениванию и обесмысливанию местного самоуправления как социального института, а с другой, она же (пассивность) служила своего рода «оправданием» исполнительной власти, узурпировавшей функции местного самоуправления. Советы – традиционная и во многом исчерпавшая свои возможности (в условиях глубокого огосударствления всех сторон жизни общества) форма осуществления власти – в условиях стагнации политического режима перестали отвечать новым условиям существования общества и постепенно стали утрачивать свое позитивное содержание.

Идея же пропорционального представительства трудящихся в Советах, не только имевшая прогрессивное значение, но и реально проводившаяся в жизнь в первые годы советской власти, формально олицетворявшая местное самоуправление, так и осталась, по существу, в неразвитом состоянии. Это было связано с потерей местными Советами в ходе своей эволюции своего исторического предназначения как проводника общей воли народа. Народная воля, выраженная в Советах всех уровней, первоначально участвовала в решении важнейших вопросов войны и мира, собственности, земли, принципов организации власти. На начальном этапе становления власти в стране Советы выглядели как органы прямой демократии, были своеобразным архетипом местного самоуправления, много обещавшим в будущем.

Собственно, вся система Советов и была организована адекватно искаженному тоталитарной реальностью политическому пространству, но и в этих условиях Советы выполняли ряд функций, свойственных реальному местному самоуправлению. Непосредственное участие населения в деятельности Советов проявлялось в подготовке наказов кандидатам в депутаты, в них затрагивались конкретные вопросы хозяйственной и культурной деятельности самих Советов, благоустройства населенных пунктов и прилегающих к ним территорий, удовлетворения разнообразных потребностей жителей местных сообществ. К самоуправленческим началам в Советах отнеслись и другие формы непосредственной демократии, прямого участия населения в их работе: довольно широко практиковались отчеты депутатов исполкомов и их отделов перед избирателями по месту жительства последних или в трудовых коллективах, отзыв депутатов, участие населения в деятельности постоянных комиссий, письма и предложения граждан, различные собрания избирателей, участие в существовавших тогда органах народного контроля и т. д.

На практике же общество не получило прямой демократии, а вместе с тем и нормальной системы представительной власти, так как представитель народа – депутат, со временем оказался лишенным любой самостоятельности: в сложившейся тоталитарной политической си-

стеме он выступал, по существу, только в роли своеобразного посредника, через которого передавалась воля избравших его людей. Поэтому для подобного представителя и не нашлось самостоятельного места в политической системе, а сфера законодательной власти превратилась в сферу непрофессиональной деятельности.

Со сменой исторических эпох, политических режимов, как правило, меняется и организация местного самоуправления. Естественно при этом, что и местное самоуправление, вышедшее из недр социалистического общества, сохраняет на себе «родимые пятна» этого общества. Собственно, родимые пятна социализма мы наблюдаем во всех сферах жизнедеятельности общества: войдите в любой супермаркет, и вы увидите чисто социалистические очереди в кассу, когда из 10–12 касс работают две-три. В местном самоуправлении – аналогичная ситуация: как при социализме мнение граждан учитывалось далеко не всегда, так и сегодня мнения жителей территориальных сообществ практически ничего не значат. А в Послании Федеральному собранию Президент РФ отмечал, что «местная власть должна быть устроена так – <...> чтобы любой гражданин, образно говоря, мог дотянуться до нее рукой»¹.

В современном российском обществе принято говорить о местном самоуправлении на локальных территориях, изредка центральная власть вмешивается в законодательное обеспечение самоуправления, проводятся мелкие улучшения, ничего, по сути, не меняя в комфортном для власти социальном институте. Он есть, как во многих современных цивилизованных странах, он функционирует как необходимый признак современного общества, но не более того. П. А. Столыпин, рассматривая местное самоуправление в России, отмечал: «Помимо создания мелкой частной собственности, помимо землеустройства, помимо агрономической помощи, помимо расширения мелкого кредита, мы стремимся снять также и экономические путы с земств и городов. Жизнь земская и городская не идет вперед, *главным образом, не из-за недостатка прав, а из-за недостатка средств* (курсив наш. – Л. А., Е. Н.)»². Заметим, это говорилось более ста лет назад, сегодня ситуация практически та же: «...полномочия у местной власти есть, а денег нету. Дефицит местных бюджетов – 2,5 трлн рублей, профессиональных кадров не хватает, муниципалитеты не встроены ни в какую вертикаль власти и никому не подчиняются – ни федеральной, ни региональной власти»³.

А отсутствие материальной составляющей, не позволяющей местному самоуправлению занять достойное место, по существу, есть рычаг власти, плодящий малоактивных и малоинициативных людей, не верящих ни в какую власть, не связывающих с ней перспектив в улучшении жизнеобеспечения и позволяющий этой самой

власти проводить в жизнь решения, выгодные ей самой и аффилированным с ней структурам.

В научной литературе многократно отмечалось, что чрезвычайно важным для формирования гражданского общества и правового государства представляется участие населения в местном управлении. Способов и видов такого участия множество, однако общественная и гражданская активность в решении вопросов местного значения остается крайне низкой. Это обусловлено многими причинами. Назовем некоторые: во-первых, политическая власть на местном уровне давно консолидировалась и монополизировалась и практически вся состоит из членов «Единой России» ее сторонников и попутчиков. Это обусловило возникновение тотальной зависимости от нее хозяйствующих субъектов. В свою очередь, сложившаяся «клановость» власти, как правило, сопровождается коррупцией, а это порождает отчуждение жителей территориального сообщества от местной власти. Во-вторых, слабая социальная культура городского населения, вызванная в значительной степени длительным отчуждением населения от средств массовой информации, выраженная в неосведомленности о своих правах, приводит к социальной апатии, убеждению в невозможности повлиять на местные события как политического, так и социально-экономического характера. Социальная апатия граждан ведет, в свою очередь, с одной стороны, к обесцениванию и обесмысливанию местного самоуправления как социального института, что, собственно, и произошло в свое время с самоуправлением социалистическим, а с другой – она же (апатия) служит «оправданием» исполнительной власти, узурпировавшей в значительной мере функции местного самоуправления. В-третьих, роль личных связей по-прежнему велика, особенно в управлении, политике, экономике и культуре⁴. Все это приводит к обратной узурпации местной властью полномочий органов местного самоуправления и «возрождению» такого удобного для властей предрержащих феномена, как иждивенческий характер этого социального института, прямым образом транслируемого нам из «социалистического прошлого».

Примечания

- ¹ Послание Федеральному Собранию Президента Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155646/ (дата обращения: 26.02.2014).
- ² Из выступления в Государственной Думе 20 февраля 1910 г. // Петр Столыпин о России / сост. К. И. Могилевский, К. А. Соловьев. М., 2010. С. 151.
- ³ Акопов П. Место реальной власти. URL: <http://www.vz.ru/politics/2013/12/12/664089.html> (дата обращения: 12.12.2013).
- ⁴ См.: Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество. М., 2008. С. 235.

УДК 316.334.2–055.2(470)

ЖЕНСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ю. А. Семенова

Саратовский государственный университет
E-mail: semenofa@gmail.com

Статья посвящена рассмотрению такого сложного социально-экономического феномена, как предпринимательство. Главное внимание обращается на особенности и перспективы женского предпринимательства в современном российском обществе.

Ключевые слова: предпринимательство, женское предпринимательство, малый и средний бизнес, социальный статус.

Women Entrepreneurship in the Modern Russian Society: Peculiarities and Perspectives

Yu. A. Semenova

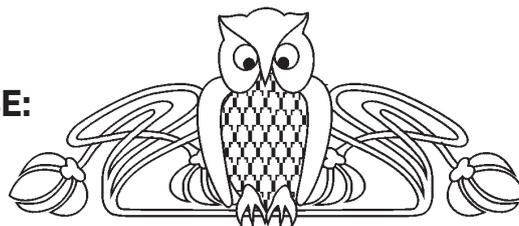
The article is devoted to the studying of such a complicated social and economic phenomenon as entrepreneurship. Special attention is paid to the peculiarities and perspectives of women entrepreneurship in the modern Russian society.

Key words: entrepreneurship, women entrepreneurship, small and middle-sized business, social status.

Исследование женского предпринимательства в современном российском обществе имеет важное теоретическое и практическое значение, что обусловлено необходимостью социологической рефлексии этого феномена в России.

Предпринимательство – сложный социально-экономический феномен определяемый воздействием совокупности не только личных интересов предпринимателей, но и комплексом внешних факторов. Именно от них зависят особенности и перспективы развития этого феномена. Личные интересы предпринимателей могут существенно изменяться в зависимости от достигнутых результатов, внутренней и внешней среды осуществления предпринимательской деятельности. Отметим, что предпринимательство, как правило, довольно четко и успешно адаптируется к внешним факторам, которые в значительной мере влияют на формы и методы достижения предпринимателями своих целей. При этом личные интересы в основном меняются в значительной мере в зависимости от успешности адаптации к внешней среде. Предпринимательство пронизывает ткань социума, опосредуя хозяйственную жизнь людей, превращая ее в экономическую систему, соединяя экономическую и социальную сферы, политическую и духовную жизнь.

Предпринимательство сегодня – один из ключевых объектов внутренней политики со-

временной России. На страницах российских журналов все чаще появляются статьи о деловых женщинах – владельцах компаний, преуспевающих менеджерах. Появились и общественные организации, объединяющие женщин-бизнесменов и руководителей компаний.

Женское предпринимательство сегодня, несмотря на обилие различных научных публикаций, является недостаточно изученным феноменом. О нем пишут философы и экономисты, историки и психологи, юристы и социологи. Однако целостного представления об этом феномене пока не выработано, да и, учитывая динамичность развития современного российского общества, это вряд ли возможно. Иное дело «ухватить», увидеть особенности текущего момента в развитии женского предпринимательства и оценить его перспективы, с тем чтобы всемерно способствовать его становлению и развитию, поскольку налицо вполне очевидное социальное противоречие: с одной стороны, рыночная модель развития современного российского общества позволяет свободно развиваться женской экономической инициативе, самостоятельности и независимости в сфере предпринимательства, а с другой – женщины по-прежнему социально более уязвимы. Женская экономическая активность повсеместно вступает в конфликт с социальной дискриминацией. А между тем ведущими мотивами открытия собственного дела являются самореализация, интерес, самоутверждение, карьера, профессиональный рост, материальная надежность, деньги.

Если говорить об особенностях женского предпринимательства, то мы исходим из того, что «особенность – это характерное, отличительное свойство кого-, чего-нибудь»¹. Женщины, как правило, отличаются большей законопослушностью и надежностью, ответственностью и культурой. Они легче вписываются в незнакомую предпринимательскую среду и придают большое значение межличностным отношениям. Это способствует в конечном итоге успешному освоению «узких» мест современного российского рынка. Многие предпринимательницы показывают успешные примеры ведения социально ответственного бизнеса. Конечно, качества и степень предприимчивости у женщин различны. Одни талантливее, находчивее, другие смелее, третьи трудолюбивее, скромнее, одни доброжелательны к людям, другие бессердечны, сухи, у

некоторых удачно сочетаются разнообразные качества, у других недостает многих свойств², однако все они социально активны и настойчивы в достижении своих целей.

Нам представляется, что в современном российском обществе потенциал гендерной асимметрии, доставшийся в «наследство» от социалистического прошлого, заметно уменьшается, позволяя женщинам осваивать и ранее исключительно «мужские» сферы предпринимательства, такие как освоение различных инновационных технологий и развитие образования – от дошкольного до высшего и послевузовского, и формирования новых видов социальных услуг. Мы солидарны с мнением С. К. Арслановой, которая считает, что сегодня во многом стереотипы роли женщины и мужчины в общественном мнении остаются традиционными по форме: мужчина – добытчик, женщина – хранительница очага. Однако содержание в эти понятия сегодня вкладывается уже другое. Происходит трансформация общественного мнения, которая пока еще не осознается социумом³.

Как правило, «женские» предприятия открываются в таких сферах, как бытовые и образовательные услуги, социальная помощь семье, помощь в социальной адаптации, издательские услуги, полиграфия, производство одежды и продуктов питания, медицина, отдых, туризм, оздоровительные и консалтинговые услуги.

Эти сферы деятельности ориентированы на улучшение качества жизни самых разнообразных групп современного российского общества, что, в свою очередь, обуславливает и социально значимый характер предпринимательской деятельности женщин. Сегодня именно средние и малые предприятия выступают главным инструментом создания новых рабочих мест. Возникновение и рост предпринимательства среди женщин является глобальной тенденцией. Многие страны стимулируют развитие женского предпринимательства, используя его в качестве средства для укрепления экономики. Не является исключением и Россия, где поддержка предпринимательства федеральными и региональными органами власти сегодня остается недостаточно эффективной. Малый и средний бизнес продолжает испытывать серьезные трудности, в результате чего снижается потенциал довольно активной социальной группы современного российского общества – женщин-предпринимателей.

Следует заметить, что использование возможностей регулирующего воздействия государства на сферу женского предпринимательства в регионах явно недостаточное и далеко неравномерное. В современных условиях развития Российского государства многие субъекты РФ имеют региональное законодательство, направленное на поддержку предпринимательства. Однако если такое региональное законодательство и имеется, оно в значительной мере копирует фе-

деральные законодательные акты и мало учитывает или вовсе не учитывает специфику региона, в то время как именно специфика того или иного региона и обуславливает необходимый комплекс мер поддержки предпринимательству на местах.

Вместе с тем следует отметить и тот факт, что малое и среднее предпринимательство находится под серьезным налоговым прессом. Так, в России идет постоянное и систематическое уменьшение ИП: в 2010 г. было закрыто 2,4 млн малых индивидуальных предприятий, в 2011 г. – 3 млн, в 2012 г. – 3,7 млн. Такая ситуация создает серьезную угрозу для рынка труда⁴. При этом она продолжает развиваться. Правительство России приняло закон, согласно которому с 1 января 2013 г. увеличиваются в двукратном размере взносы в Пенсионный фонд – с 12 тыс. рублей до 35 664 руб. 66 коп., из-за чего значительное количество индивидуальных предпринимателей стало закрывать свой бизнес⁵.

Следует отметить и тот непреложный факт, что сегодня индивидуальные предприниматели, в том числе и женщины-предприниматели стали, на наш взгляд, социально ответственнее, думают не только о себе и своем бизнесе, но и о тех людях, которые у них работают. Поэтому вполне обоснованным выглядит и их мнение о том, что Правительство России неосознанно, в погоне за мимолетной выгодой, пытается «задушить» в нашей стране средний класс. При этом они четко осознают, что он является своеобразной опорой правительств западных стран. Однако в России складывается впечатление, что в связи с «закручиванием гаек» и «построением вертикалей» свободолобивый и демократический средний класс абсолютно не нужен⁶.

Одной из причин сложившейся ситуации, как нам представляется, является недостаточность подхода, ориентирующего государственные программы поддержки малого и среднего бизнеса только на экономическую, организационную и правовую составляющие. По-прежнему в значительной степени вне государственного регулирования остаются система налогообложения и лицензирования, отчетность и бюрократизм; недостаточность или полное отсутствие дешевых кредитов для социально значимых коммерческих проектов; неравный доступ к кредитным и финансовым ресурсам. Все это существенно тормозит создание социально ответственного, государственно ориентированного среднего класса. Естественно, что в полной мере это касается и женщин-предпринимателей.

Как нам представляется, существует известное противоречие между низким статусом женщин в политике, обществе и культуре современного российского общества и связанными с этим ограниченными возможностями в ведении бизнеса, с одной стороны, а с другой – тем, что именно предпринимательство является той областью деятельности, где женщина способна не

только реализовать свой личный творческий потенциал, но и обеспечить улучшение финансового состояния своей семьи. Думается, что разрешение этого противоречия послужит основой для формирования устойчивого роста среднего класса и, как следствие, стабильности экономического развития современного российского общества. По нашему мнению, был прав Г. К. Гинс, который отмечал, что «поощрять таланты предпринимателей, способствовать успеху их деятельности, теснее связать их с общественной средой и государством – это значит способствовать материальному благополучию народа и социальному миру в стране»⁷. Несмотря на устаревшую терминологию, поскольку эта работа Г. К. Гинса была опубликована в далеком 1940 г. в г. Харбин, автор отмечал тесную взаимосвязь государства и предпринимательства, обеспечивающую социальную стабильность и повышение уровня жизни. Женское предпринимательство, в современном российском обществе, самым естественным образом вписавшись в структуру пред-

принимательства в целом, играет важную роль в становлении нового качества жизни россиян и, несомненно, имеет неплохие перспективы для своего дальнейшего совершенствования.

Примечания

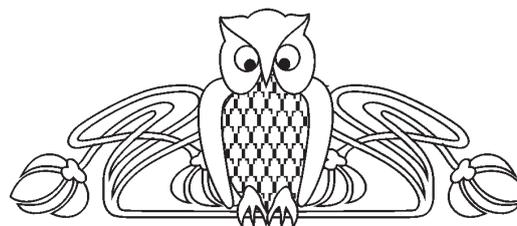
- ¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2002. С. 463.
- ² См.: Гинс Г. К. Предприниматель. М., 1992. С. 13.
- ³ См.: Арсланова С. К. Социальный статус как фактор социального потенциала женщины в современных условиях. Набережные Челны, 2008. С. 117.
- ⁴ См.: Законы России «душат» малый бизнес // ИА «Тема Саратов» : [сайт]. URL: <http://www.temasaratov.ru/news/economics/item/4584/15> (дата обращения: 14.03.2013).
- ⁵ См.: ИА «Тема Саратов» : [сайт]. URL: <http://www.temasaratov.ru/news/economics/item/4584/15> (дата обращения: 14.03.2013).
- ⁶ См.: Гинс Г. К. Указ. соч. С. 210.
- ⁷ Там же. С. 45.

УДК 316.346.32–053.6

ПЕРСПЕКТИВА ПОКОЛЕНИЯ: ДВИЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

В. Н. Ярская, Н. С. Божок

Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А.
Email: jarskaja@mail.ru, nikolaybozhok@gmail.com

В статье анализируется категория «поколение» с точки зрения ее соотношенности с концептом времени, приводятся результаты вторичного анализа данных зарубежных исследований, субкультурного анализа движения исторической реконструкции. Анализируются данные интервью, условия сохранения субкультуры. Авторы утверждают, что движение исторической реконструкции формирует новое поколение его участников, а также их глубокое чувство патриотизма.

Ключевые слова: поколение, субкультура, субкультурный анализ, социальное движение, историческая реконструкция, патриотизм.

The Generation Prospect: the Movement of the Historical Reconstruction

V. N. Yarskaya, N. S. Bozhok

The article analyzes category generation from the point of view of its correlation with the concept of Time, and the results of the secondary analysis of data of foreign investigations, subcultural motion analysis of historical reconstruction. The data analyzed interviews, the conditions of preservation of the subculture. The authors argue that the movement of the historical reconstruction is creating a new generation of its participants, but also their deep feeling of patriotism.

Keywords: generation, subculture, subculture analysis, social movement, historical redesign, patriotism.

«Поколение» – центральная категория социального времени. Научный интерес к ана-

лизу поколений и проблемам отношения между ними появился в западноевропейской литературе во второй половине XIX в., в том числе с философским осмыслением категории времени. Методология, создавшая образ мира с абсолютным, объективированным, линейным и субстанциональным временем, могла либо адаптироваться к новой, нелинейной картине мира, либо резко ее пересмотреть. Критерии сравнения различных обществ – это в том числе связь форм времени, темпоральностей социальных и возрастных групп, поколений, поколенческого контракта¹. Сегодня категория «поколение» вызывает интерес исследователей с позиций исторической перспективы от прошлого к будущему, различий в потребительских ориентациях и практиках, наличия или отсутствия у данного поколения чувства патриотизма. Ведь сложность поколенческих конфликтов переживается на микро-, макро- и глобальном уровнях. Интерес к работе с проблематикой поколений в массовом сознании и научном сообществе стимулируется ориентацией на радикальные и быстрые изменения, стремлением к справедливости в распределении ресурсов, глобальными изменениями возрастного состава современных обществ. Фреймы исследования отсылают к методологии социальной динамики, социальному конструктивизму и по-

колению как (не только объективной) реальности. В итоге проблема поколенных отношений является социально сконструированной, зависимой, а воспроизводство поколенческих символов и значений, лексических форм самопрезентации артикулируют поколение на теоретическом уровне как смысловой узел проблематики, классификации и типологии². Поколение определяется в современной литературе как складывающаяся в силу объективных социально-демографических и культурно-исторических условий общность современников, имеющих типичные социально-психологические, идейно нравственные и этнокультурные характеристики, сходные духовные ценности, социальный опыт и образ жизни³.

Задолго до поколенческих проблем современной Европы поколение как форма времени было представлено античными греками: из шести поколений пятое представляет собой царство Зевса. Поколение как день космического года, смену возникновения и разрушения мира, как форму времени продолжительностью в тридцать лет между дедом и внуком определял происходивший из царского рода, служивший верховным жрецом Гераклит из Эфеса, который показывают ныне как экскурсионную достопримечательность туристам в Турции. Необратимое течение времени он иллюстрирует метафорой – нельзя дважды войти в одну и ту же реку: река, изменяясь, покоится и, покоясь, изменяется. Представление Гераклита о круговых пожарах через космический, мировой год, после которых колесо истории возобновляет цикл, и дает продолжительность поколения. Позже упоминание о поколении, единстве уподобления и различия в преемственности встречается и у Платона.

Формирование классической теории поколений в Новое время получает обоснование у Дж. Вико, заложившего основы культурной антропологии и этнологии, в идее саморазвития общества в исторической смене и преемственности поколений, связанных единством законов разума и ростом знания. Ж. Кондорсе определял поколение не только группой ровесников, но имеющих сходный склад ума, объем положительных знаний и уровень нравственного совершенства⁴. Теория поколений демографа Нейла Хоува (Neil Howe) и историка Уильяма Штрауса (William Strauss) также утверждает, что поколение определяет не только и не столько возраст, сколько ценности людей, которые формируются под влиянием политических, экономических, социальных, технологических событий и семейного воспитания. В настоящем времени живут и работают представители нескольких поколений, их названия и характеристики давно и всюду представлены на многочисленных сайтах, в популярных и научных статьях и энциклопедиях, студенты знают о них с первого курса. Поколение вызывает интерес исследователей с позиций не только исторической перспективы от прошлого

к будущему, различий в потребительских ориентациях и практиках, но и усиления времени социальности и гражданственности общества, сокращения времени тотальной власти.

Каждое поколение по мере взросления не только адаптируется к культуре, но и конструирует свою темпоральную и пространственную среду, свои ценности и солидарности. Приняты названия Поколение GI – поколение Победителей (1900–1923), Молчаливое поколение (1923–1943), Поколение бумеров (1943–1963), Поколение X (1963–1983), Поколение Y, millennials, или поколение Сети (1983–2003) и Поколение Z (2003–2023). Поколенческий контракт мы можем рассматривать как модель солидарности всех живущих поколений, ведь она внедрена европейскими государствами благоденствия для поддержки и защиты зависимых периодов жизненного цикла различных возрастных когорт, детства, юности, пожилого возраста с помощью труда и вклада активного населения. Вместе с тем при сочетании вклада демографических переходов, экономической транснационализации, меняющихся паттернов рабочей и семейной карьеры поколенческий контракт слабеет⁵. Проблема справедливости касается распределения выгод и затрат среди поколений, а проблема устойчивости касается государственного финансирования, объема социальных ресурсов, которые могут и должны предоставляться на поддержку «непроизводительных» членов общества. Это влияет на жизненные шансы возрастных групп и поколений, неясно, как этот контракт будет осуществляться в государстве благоденствия, эволюционирующем в направлении государства активации (активации трудовых ресурсов кого только можно, продления трудового возраста) или государства конкуренции⁶.

Можно охарактеризовать трансформацию капиталистического общества как двойное движение темпоральностей распада рыночных сил и коммодификации социальных и экономических отношений. Ускорение выступает признаком социального времени, а модернизация и глобализация не могут быть поняты без культурных и структурных корней, без ускорения⁷. Современный человек проживает жизнь, более наполненную событиями, информацией, знанием, чем человек предыдущего поколения; циклы по своей структуре соответствуют инновационным социально-экономическим циклам, охватывают мировое развитие в соответствии со структурой исторического времени. Любой проанализированный случай становится моделью, с помощью которой можно приблизиться к проблематике поколения, увидеть то, что не раскрывается в ходе объективистского анализа, опирающегося на статистические показатели.

Кроме того, при характеристике поколений с позиций данной классификации возникает риск ошибок, так как кроме шаблонных свойств, на-

пример амбициозности и бессмысленности⁸ игрков (Y, millennials, или поколение Сети), распространенных в Интернете, мы наблюдаем гораздо большее разнообразие в кажущейся поколенной гомогенности. Пока еще в российских реалиях налицо социальная поляризация молодежи, уязвимая часть молодежи, группа инвалидов, испытывает социальную депривацию, назначаются некоторые меры, не уничтожающие причины. Межпоколенческий контракт принимает виртуальную форму и понимается не только как долговые обязательства между современниками, но и как долговременные отношения между живущими и будущими поколениями. Социальное давление на субъективное время может удлинить или укоротить какой-то жизненный этап, например детство, юность. Поколения презентуют себя по отношению к определенному социальному времени как историческому, связанному с определенными социальными событиями и процессами, с другой стороны, также и к собственному биографическому времени, циклу жизненного пути, т. е. темпоральность поколения выступает субъективным форматом социального времени. Модусы времени находят свое конкретное разрешение в понятии жизненного пути, человек проживает несколько этапов жизненного пути как несколько отдельных жизней, различающихся колоритом и содержанием. Сам человек каждый раз другой – его самого конструирует время, жизненный путь⁹, внимание фокусируется на анализе терминологии социологии поколения: от жизненного пути Элдера, формативного периода и возрастных паттернов Манхейма до известной классификации современных поколений, предложенной Беккером по результатам массовых эмпирических исследований в нескольких странах.

Поколение связано с субкультурой как системой норм и ценностей в отечественных исследовательских полях. Мы поддерживаем авторитетное суждение Елены Омельченко по поводу отступления при молодежных исследованиях от субкультурного подхода в пользу стилевого¹⁰, но вместе с тем еще рассчитываем и на некоторый переходный временной отрезок. Культура определенного молодого поколения обладает общностью стиля, групповых норм, ценностей и стереотипов. Так, иллюзии, навешанные неизвестностью и непонятностью мира, которые для поколения бумеров таят опасность и не могут быть представлены позитивно, и многие обвинения в адрес молодых построены на непонимании собственного мира¹¹. Игра на пианино, просмотр телевизионных программ, увлечение спортом – действия, привычные и не вызывающие сопротивления бумеров, принципиально не отличаются от приверженности видеоиграм нового поколения. Они дают человеку возможность создавать мир, уводящий от повседневных забот, конструирующий собственные смыслы, без чувства одиночества и заброшенности.

Воспроизводство и передача культуры последующим поколениям лежат в основе процесса усвоения правил и идеалов предшествующих поколений. Как представляется, поколение раскрывается тусовками в социальном пространстве и времени, помогая справиться с проблемами, найти круг общения и помочь в социализации и самореализации. Ценности субкультуры, как известно, не означают отказа от национальной культуры, принятой большинством, обнаруживая лишь некоторые отклонения. Субкультуры – безусловно, объект социального конструирования и необязательно выступают как оппозиция к ценностям доминантной культуры, но при этом они демонстрируют единство посредством использования отличного от всех стиля, увлечения, символов.

Между тем в качестве главной государственной задачи отечественной молодежной политики выступает неоднократное подчеркивание позиции о воспитании патриотических чувств молодого поколения. Великие патриоты России, защитники Отечества увековечены в социальной памяти россиян искусством и литературой, высокими наградами. Беспредельное доверие и дружба между народами на фронтах и в тылу – результат интернационального воспитания и фактор победы. Мужество, героизм, терпение, надежда и вера в победу – образец патриотизма военного и гражданского населения. Именно через субкультурные формы для определенной части молодежи лежит путь к освоению социальности и пониманию патриотизма. Ведь мы, порой увлекаясь негативным отношением к молодежным субкультурам, не замечаем достоинств некоторых мощных игровых субкультур последнего времени.

Историческая реконструкция – и субкультура, и стиль. Многие позитивные качества воспитываются в процессе игр исторической реконструкции, которые не имеют ничего общего с выдуманным виртуальным миром и, как следствие, неспособностью к коллективным действиям. Субкультура реконструкторов появилась в 80-х гг. XX в., в так называемый период всплеска молодежных течений в СССР. Прародителем данной субкультуры можно считать субкультуру толкиенистов и ролевиков, это в известной мере их эволюционная форма, которая была сформирована на их желании воссоздавать реальные события, вещи и отношения людей из прошлого. С другой стороны, в формирование новой субкультуры внесло свой вклад историческое фехтование, которое еще не ставило целью воссоздание конкретных событий, а акцентировалось лишь на воссоздании боевых приемов.

Для более глубокого понимания концепта поколения в аспекте субкультур проведем здесь вторичный анализ данных исследования Брэда Веста «Историческая реконструкция и аффективное воздействие: представление Американ-

ской гражданской войны»¹². Исследование проводилось методом интервью с 22 респондентами, участниками инсценировки сражений Гражданской войны в США. Были опрошены респонденты различных возрастов (21–55 лет), мужчины, занимающиеся реконструкцией, как «северяне» (10 чел.), так и «южане» (12 чел.). Вест фокусировался на трех аспектах: организация исторической реконструкции (the production of reenacting); достижение живой истории (achieving living history); реконструкция и политический активизм (reenacting and Political Activism).

Было выявлено, каким образом реконструкторы погружаются в прошлое, как это влияет на их настроение, как они получают определенный аффективный опыт. В инсценировках участвовали представители разных социальных групп и профессий: отставной охранник тюрьмы, водитель грузовика, директор музея, военный, рабочий, техник, библиотекарь, автомеханик, социальный работник. Реконструкторы отметили, что в разное время они достигли своей цели, утратив традиционное понимание истории, приобрели взамен некий аутентичный инсайт, почувствовав, что представляла собой Гражданская война на самом деле. Влияние этого опыта не только объединяет участников в субкультуру, но придает им силы, помогающие в дальнейшей защите своей политической позиции. Анализируя высказывания респондентов, мы обнаружили, что для американских реконструкторов участие в инсценировках – в большой степени досуг, общение с друзьями:

«...вы идете туда, чтобы быть с друзьями. В этом суть. Вы идете чтобы не повеселиться, а чтобы быть с друзьями. И это то, что Вас объединяет» (Union, 41 год, инструктор).

С другой стороны, это еще и хороший семейный досуг:

«У меня жена и трое детей, и они также приходят и хорошо проводят время. Дети бегают вокруг с другими детьми. Моя жена разговаривает с другими женщинами, и это все похоже на семейную атмосферу. Мы просто одна большая счастливая семья» (Confederate, 21 год, рабочий).

Это досуг, который связан с приобретением нового, экстремального опыта. Но вместе с опытом, эмоциями приходит понимание истории, альтернативных точек зрения на исторические события:

«Я чувствовал себя довольно странно, стреляя в свое подразделение. Я приобрел уникальный опыт. Я имею в виду, что учусь и хорошо провожу время и сформировал другую точку зрения, с позиции северян, и это все. Она показывает большее уважение к людям, против которых я сражаюсь, помогает понять их позицию» (Confederate, 40 лет, техник).

Участие в реконструируемых батальных дает не только новое понимание исторических собы-

тий, но и чувство свободы, которое, очевидно, респонденты не могут получить в повседневной жизни:

«Я думаю, вы становитесь борцом за правду. Потому что вы учитесь, вы хотите выйти и сказать: эй, это была не просто борьба за свободу рабов, а было нечто большее...» (Union Captain, 50 лет); «Даже в фильме “Геттисберг” я играл конфедерата, снимаясь в течение нескольких дней. <...> Ты чувствуешь себя по-другому... более свободным...» (Union Sergeant, 46 лет, библиотекарь).

Одновременно мы провели исследования в Российской Федерации – 26 интервью с представителями движения исторической реконструкции из Саратова, Энгельса, Саранска, Борисоглебска, Москвы, Пскова и Санкт-Петербурга. Количество интервью соответствует методологии Белановского¹³. Опрошены респонденты различных возрастов (14–45 лет, 23 мужчины и 3 женщины), различного рода занятий – безработные, студенты, рабочие, служащие, преподаватели, работники правопорядка. В качестве инструментария был выбран почтовый опрос в форме полупространственного интервью, вопросник включал 8 открытых вопросов, на которые предлагалось ответить письменно. В целом респонденты отнеслись к исследованию доброжелательно, большинство давали развернутые ответы.

Отвечая на вопрос, чем для них является историческая реконструкция, респонденты в основном говорили, что это хобби, развлечение, общение с интересными людьми, «реализация своего потенциала, возможность переключиться с проблем на работе или в быту, расслабиться, отдохнуть». Однако для некоторых это увлечение выходит за рамки обычного хобби и занимает значимое место в жизни:

«...это один из немногих якорей, который держит меня в этом мире как таковым» (Александр, 37 лет, руководитель военно-исторического клуба, г. Саратов); «...основное занятие в жизни» (Максим, 34 года, геодезист, г. Саратов).

Как видно, занятие исторической реконструкцией становится для многих частью их жизни, «образом жизни», возможностью самореализации и ухода от повседневной действительности. На этот вопрос были получены очень эмоциональные ответы:

«...чуть ли не единственная возможность реализации собственного творческого потенциала» (Роман, 37 лет, преподаватель, г. Саратов).

Еще один аспект занятия реконструкцией – это дополнительный заработок для тех, кто практически занят в этой сфере профессионально, занимаясь изготовлением и продажей артефактов. Помимо заработка, это еще и исследовательская работа для тех, кто пришел в реконструкцию вследствие своих научных ин-

тересов. Отметим, что важна и эстетическая составляющая движения:

«...это мир красоты, красивые костюмы и доспехи, сражения, доблестные воины и милые девушки, на все это приятно смотреть, приятно носить средневековую одежду и самому делать вещи так, как они делались тогда» (Елизавета, 27 лет, учитель, г. Псков).

Знакомство с движением реконструкции происходит в основном через друзей, «через общих знакомых людей инициативных и подразумевающих некоторую социодуховную инаковость, выходящую за пределы обыденного сознания».

Приходят в реконструкцию и вследствие каких-то прежних интересов, увлечений историей, литературой, ролевыми играми, единоборствами:

«Путь мой не отличается излишней оригинальностью – из ролевых игр. В период 1995–96 годов я участвовал в полигонных ролевых играх, происходящее меня не устраивало, хотелось чего-то настоящего и серьезного. В итоге с 1997 года я стал заниматься историческим фехтованием, а затем и реконструкцией» (Александр, 37 лет, руководитель военно-исторического клуба, г. Саратов).

Несмотря на то что историческая реконструкция слабо освещается в СМИ, медиа-публикации также могут возбуждать интерес и желание поближе познакомиться:

«Я увидела репортаж о фестивале “Железный град” по местному ТВ, и мне очень захотелось найти людей, которые делают такое чудо» (Елизавета, 27 лет, учитель, г. Псков).

Мы предполагали, что вовлечение в движение и субкультуру не может не отразиться на семейной жизни и на профессиональной деятельности. Действительно, говоря о взаимоотношениях в семье, респонденты отмечали, что не встречают противодействия со стороны родных и близких, а, скорее, находят взаимопонимание. И супруги могут быть вовлечены в движение, или само участие в движении может стать основой семьи:

«На жизнь, и семейную в частности, занятие реконструкцией влияет очень хорошо – оно ее формирует, так, моя жена – тоже реконструктор, и познакомились мы на фестивале» (Антон, 25 лет, преподаватель, г. Саратов); «На фестивале меня нашел парень (лучник, воин и к тому же танцор) и взял замуж. Благодаря совместному увлечению мы встретились и поженились. Теперь реконструкция – это часть семейной жизни» (Елизавета, 27 лет, учитель, г. Псков).

Однако в случае отсутствия взаимопонимания внутри семьи или чрезмерно высокой степени вовлеченности индивида (реконструкции) может оказаться источником проблем:

«Иногда возникают проблемы в семейных отношениях, ведь муж тратит деньги не на об-

устройство дома, а покупку лат или странного вида одежды...» (Константин, 24 лет, заведующий экспозиционным отделом краеведческого музея, г. Энгельс).

Рассматривая взаимосвязь участия в движении реконструкторов и профессиональной деятельности респондентов, можно выделить три аспекта.

Первый – профессионализация движения – источник дохода, дополнительный заработок:

«На данный момент для меня историческая реконструкция является не только хобби, но и работой. Или, если так можно сказать, высоко оплачиваемое хобби. Есть своего рода сезонность выездов, которые я посещаю как для получения удовольствия, так и для совершения торговых операций» (Александр, 30 лет, безработный, г. Энгельс).

Второй – основная работа – источник средств, требуемых на занятие реконструкцией:

«Вся остальная деятельность, не связанная с реконструкцией, обеспечивает реконструкцию материальными ресурсами и временем для реконструкции» (Максим, 34 года, геодезист, г. Саратов).

И третий – занятие реконструкцией помогает в основной профессиональной деятельности. Как правило, эта деятельность связана с преподаванием в школе, вузе, научной работой:

«Мое увлечение помогает повысить интерес к моей работе, я работаю в вузе. И студенты видят, что есть много чего интересного помимо учебы» (Антон, 25 лет, преподаватель, г. Саратов); «Я преподаю фехтование, занимаюсь общественной деятельностью, провожу занятия и лекции на военно-историческую и археологическую тематики. Так что мое увлечение не мешает, а, наоборот, помогает» (Константин, 24 лет, зав. экспозиционным отделом краеведческого музея г. Энгельс).

Кроме того, вовлеченность в движение может оказывать влияние на мировосприятие индивида. Так, респонденты отмечали, что движение дает им «более трезвое отношение к семье, близким и Родине», «к жизни самой», «интеллектуальное развитие понимание истории дает понимание происходящих сейчас событий». Занятие исторической реконструкцией может побудить человека и к получению образования: *«...благодаря ИР я решил пойти учиться на истфак» (Александр, 28 лет, комплектовщик на складе бытовой химии, г. Саратов).*

Мы выявили ряд факторов привлекательности исторической реконструкции для участников. Это сама атмосфера воссоздаваемых событий, «дух средневековья», «лагерная жизнь», «романтика», многие отмечали возможность общения с единомышленниками, интересными людьми:

«Когда с одними и теми же людьми делаешь доспехи, шьешь костюмы, затем едешь всей

толпой на арендованном автобусе на фестиваль, потом ставишь лагерь и в заключение плечо к плечу в одном строю перед боем, а потом идешь в атаку и воюешь тоже вместе, то складывается приятное чувство единства, товарищества и боевого братства. Оно воспевается в старинных песнях и балладах» (Антон, 25 лет, преподаватель вуза, г. Саратов).

Помимо привлекательной атмосферы, мы можем выделить материальный фактор привлекательности, возможность заработка. Причем это заработок не только на организации мероприятий, но, скорее, от изготовления оружия, доспехов. Процесс изготовления оружия и амуниции не обязательно может быть источником дохода, но и сам по себе доставляет удовлетворение:

«Еще мне нравится своими руками создавать что-то именно так и именно для того, для чего эта вещь и была в свое время. Ну и ощущение хорошо выполненной работы никто не отменял» (Александр, 37 лет, руководитель военно-исторического клуба, г. Саратов).

Следующим, возможно, основным фактором привлекательности является сам бой, получение навыков владения оружием, причем бой – не только как снятие психологического напряжения и повышение адреналина, но и как *реализация себя в бою*, спорт, который требует регулярных тренировок, тренировки с саблями или мечом способствуют выработке определенных качеств и черт характера:

«Историческая реконструкция – это неплохой вид спорта (при правильном подходе развиваются практически все виды мышц), отличный способ повысить свой адреналин (в бою)» (Константин, 27 лет, сотрудник правоохранительных органов, г. Саратов).

Участие в движении оказывает положительное влияние на личность реконструктора – «вырабатывает у человека способность оценивать свои силы, развивает целеустремленность», формирует мироощущение, дает возможность самореализации, выражения патриотизма:

«Что привлекает – ну, не в последнюю очередь возможность выразить свой патриотизм» (Александр, 37 лет, руководитель военно-исторического клуба, г. Саратов).

Занятие реконструкцией – это активный отдых и общение с единомышленниками:

«Возможность переключиться с проблем на работе или в быту, расслабиться, отдохнуть. И без ночных клубов, алкоголя и т. п.» (Мария, 30 лет, менеджер и педагог, г. Саратов).

Респонденты отмечали увеличение числа участников и зрителей, изменения, происходящие в движении исторической реконструкции в последнее время, как количественные, так и качественные. Повысился профессиональный уровень, стали формироваться специализированные направления, возросло число фестивалей «и соз-

дание большой материальной базы исторических клубов»:

«Ряд фестивалей разрастаются до огромных размеров, например, «Времена и эпохи» г. Москва. В зависимости от года и периода реконструкции количество участников 1500–2500, количество зрителей 100 000–150 000» (Александр, безработный, 30 лет, г. Энгельс).

Движение «повзрослело» и вышло на новый уровень – это касается, прежде всего, ядра реконструкторов. Подобное «повзросление» отмечается во многих субкультурах, которые традиционно рассматриваются как молодежные. В качестве примера можно привести субкультуры байкеров, диггеров, ролевиков, не обошел стороной этот процесс и субкультуру реконструкторов, в которой взрослые участники составляют ядро субкультуры, являясь носителями ценностей, традиций, навыков:

«Движение стало популяризироваться. Вышло в массы и даже на гос. уровень <...> Реконструкцией стало интересоваться больше молодежи» (Никита, 21 год, студент, г. Москва).

Ответы респондентов подтверждают результаты включенного наблюдения, которое осуществлялось на отечественных фестивалях исторической реконструкции: «Поле Куликово», посвященное 631-й годовщине Куликовской битвы в 2011 г.; Историческая реконструкция Бородинского сражения в 2011 и 2012 гг., посвященная 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 г.; «Прорыв Блокады Ленинграда. 1943 г.», посвященный 70-летней годовщине февральских боев на Невском Пятачке 2013 г.; «Русская крепость» в 2005 г., «Генуэзский шлем» в 2005 и 2006 гг., на которых реконструировали средневекового европейского пехотинца конца XIV в. и имели возможность наблюдать движение изнутри.

Социальная миссия и социальный контекст этого нового сообщества выражаются в том, что с формированием движения исторической реконструкции наметился некоторый сдвиг в отношениях с обществом в целом. Мы можем наблюдать тенденцию сближения реконструкторов и различных социальных институтов, властей, которые увидели определенные функциональные, позитивные особенности движения. Субкультура реконструкторов создает свой стиль и образность, но в отличие от таких стилистически ориентированных субкультур, как панки, готы, эта образность проявляется в ограниченном пространстве игры и не привлекает внимания общественности в повседневной жизни.

Мы считаем правомерным применить к анализу движения исторической реконструкции модель субкультурного анализа М. Брейка¹⁴, так как можно утверждать, что понятия «социальное движение» и «субкультура» тесно связаны. На наш взгляд, любое социальное движение формирует определенную субкультуру, которая

является его ядром, хотя не всякая субкультура имеет отношение к социальным движениям, например, профессиональные, криминальные субкультуры. Новые члены рекрутируются из разных социальных слоев, от рабочих до преподавателей, ученых, с развитием движения массовые мероприятия, фестивали стали привлекать к себе внимание СМИ, движение стало приобретать новых поклонников. Сформировалось положительное отношение в обществе к реконструкторам. Для некоторых участие в движении стало хорошим подспорьем для прохождения службы в армии, где они смогли применить свой опыт проживания в походных лагерных условиях на фестивалях исторической реконструкции, и умения решения бытовых вопросов в мужском коллективе.

Ряд клубов занимается не только реконструкцией материального объекта, но и стараются воссоздать социальные аспекты с учетом географии, речевого диалекта, экономики и политической ситуации реконструируемого периода. У многих клубов существуют свои критерии и правила проведения исторических мероприятий и фестивалей, посредством чего они формируют течения внутри движения, например, одними из них являются фестивали в формате «Living History» – «живая история». И здесь к участникам выдвигаются более высокие требования по соответствию реконструируемому периоду: приготовление пищи должно осуществляться по историческим рецептам с применением продуктов того времени; для пошива одежды используются натуральные материалы и соответствующая техника, где не должно быть, например, машинных швов – только ручные; общение индивидов должно происходить на диалектах местности, страны и периода, который они воссоздают; самым сложным является реконструкция поведения, нравов и обычаев без угрозы для жизни участников. Если реконструктор не соблюдает этих требований, то он не допускается к участию в данном мероприятии. Но для него открыты двери на фестивали исторического туризма, которые больше ориентированы на зрителей и гостей и, кроме просветительского характера не лишены коммерческой составляющей.

Движение исторической реконструкции формирует чувство патриотизма, оно носит просоциальный характер и сегодня обладает интенцией к институционализации. Респонденты видят конкретную сферу взаимодействия с властями – это именно работа с молодежью, воспитание патриотизма:

«По всей стране существуют общественные организации, созданные на базе реконструкторских клубов, занимающиеся популяризацией истории и военно-патриотическим воспитанием молодежи» (Константин, 24 года, заведующий отделом музея, г. Энгельс).

Развитие движения исторической реконструкции как части работы с молодежью пока полностью не поддерживается на уровне государственной молодежной политики, основными направлениями этой работы могут стать разработка и реализация проектов, направленных на приобщение молодежи к отечественной культуре, историческому наследию России, развитие системы гражданского и патриотического воспитания. Молодежная политика слабо учитывает масштабность движения исторической реконструкции, ее усиливающееся культурное и социальное влияние на мировоззрение молодежи, целостный концептуальный подход, учитывающий, в первую очередь, поддержку и усиление социального влияния исторической реконструкции.

В этой перспективе программно-стратегические установки молодежной политики получат согласованность с потребностями повседневных реалий современного молодежного сообщества. Именно это актуализируется в выступлении президента Путина на Валдайском форуме, обозначенном им приоритете как главной государственной задаче, – воспитание патриотических чувств у молодого поколения.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-23-01012).

Примечания

- 1 См.: Ярская В. Н. Темпорализм в политике социального государства // Вестн. СГТУ. 2011. № 4(60). С. 312–320.
- 2 См.: Семенова В. Социальная динамика поколений : проблема и реальность. М. : РОССПЭН, 2009. С. 257.
- 3 Исаева М. А. Поколение. Энциклопедия гуманитарных наук // Институт экономических стратегий Российской академии наук. 2011. № 1. С. 265.
- 4 См.: Митрофанова Е. С. Демографическое поведение поколений россиян в сфере семьи и рождаемости // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 15. № 4. С. 519–542 ; Она же. История возникновения теории поколений. Демоскоп Weekly. 2009. № 381. URL: http://pikabu.ru/story/teoriyapokoleniy_neyla_khouva_i_vilyama_shtrausa67723 (дата обращения: 18.03.2014).
- 5 См.: Kohli M. The generational contract : a social model under pressure // Social Relations in Turbulent Times : Abstract Book / ESA 10th Conference. Geneva : University of Geneva. Swiss Sociological Association, 2011.
- 6 См.: O'Reilly J. What kind of Pressure? What kind of Europe? Interdependency, conflict and control // Social Relations in Turbulent Times : Abstract Book / ESA 10th Conference. Geneva : University of Geneva. Swiss Sociological Association, 2011.
- 7 Rosa H. Beschleunigung Die Veränderung der Zeitstrukturen in der Moderne. Frankfurt a/M. : Suhrkamp Verlag, 2005. S. 19.

- ⁸ См.: Матвеева А. Амбициозные и бессмысленные // Эксперт. № 3 (882). 13.01.2014. URL: <http://expert.ru/expert/2014/03/ambitsioznye-i-bessmyslennye/> (дата обращения: 18.3.2014).
- ⁹ См.: Ярская В. Социальный проект времени // Диагноз времени как проблема социальной теории и практики. М.; Ставрополь: ИНИОН РАН – СГУ, 2006. С. 173–181.
- ¹⁰ См.: Омельченко Е. Л. Стили жизни российской молодежи: из XX в XXI век // Народное образование 2006, № 5(1358). С. 171–178; Она же. Смерть молодежной культуры и рождение стиля «молодежный» // Отечественные записки. 2006. № 3(30). С. 167–179.
- ¹¹ См.: Рогозин Д. Поколение геймеров вытеснит поколение сторожей. Рец. на: Бек Дж., Уэйд М. Доигрались! Как поколение геймеров навсегда меняет бизнес-среду / пер. А. Орешкин; ред. А. Герман. М.: Претекс, 2006.
- ¹² West B. Historical Re-enacting and Affective Authority: Performing the American Civil War // Brad West School of Sociology, Politics and International Studies University of Bristol Working Paper No. 06-2012 SPAIS WP. URL: <http://www.bris.ac.uk/spais/research/workingpapers/wpspaisfiles/west-06-12.pdf> (дата обращения: 18.03.2014).
- ¹³ См.: Белановский С. А. Методика и техника фокусированного интервью: учеб.-метод. пособие. М.: Наука, 1993.
- ¹⁴ См.: Brake M. Comparative youth cultures: The sociology of Youth Cultures and Youth Subcultures in America, Britain and Canada. L.: Routledge, 1985.

УДК 316. 253+325

СТРАТЕГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СОЛИДАРНОГО ОБЩЕСТВА: ПРАКТИКА, СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

М. В. Тулузакова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва
E-mail: tuluzakova@gmail.com

В статье рассмотрены понятия «солидарность» и «солидаризм», показаны истоки солидарности и перспективы солидарного общества в современной России. Особое внимание уделено социальным рискам в процессе формирования солидарного общества, обозначены социальные практики по созданию регионального солидарного общества.

Ключевые слова: солидарность, солидаризм, социальная стабильность, солидарное общество, активизм, гражданские инициативы.

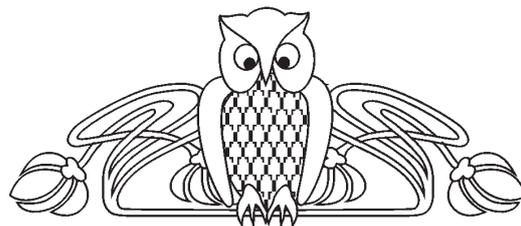
Strategy Formation Social Solidarity: Practice, Social Risks and Prospects

М. V. Tuluzakova

The author examines the notions of solidarity and solidarism, demonstrates the sources of solidarity and perspectives of solidary society of a modern Russia. The author pays special attention to the social risks during solidary society formation; and reveals social practice of building solidary society.

Key words: solidarity, solidarism, social stability, solidary society, activism, civic initiatives.

Теоретический анализ концепта «социальная солидарность» напрямую связан с традиционным для социологии поиском ответа на вопрос: «Знаем ли мы общество, в котором живем?». Отвечая на этот вопрос в контексте заявленной темы, принципиально важно понимать, что солидарность есть не проявление коллективизма, а фактор стабильности общества, прин-

цип социального существования. Ведь социальные программы и проекты не могут успешно осуществляться в разобщенной среде.

Современное российское общество – пространство социальных контрастов по целому ряду направлений: богатые – бедные, столица – провинция, город – село, элиты – народ, чиновники и остальное население. В связи с этим возникает вопрос о солидаристском мобилизационном потенциале как таковом. Это обуславливает актуальность практического решения проблемы социальной сплоченности, социальной консолидации социума.

«Солидарность – это ценность, которая свидетельствует об отсутствии рассогласованности общественного бытия на индивидуальном, групповом и общегосударственном уровне. Солидарность является идеалом социального устройства, а посему всегда сохраняется актуальность поиска условий ее возможности и средств ее достижения. Отсутствие солидарности свидетельствует о хроническом недомогании общества, является признаком социальной патологии»¹.

Считаем необходимым уточнить принципиальную разницу в использовании понятий «солидарность» и «солидаризм».

Понятие «солидарность», начиная со времен Э. Дюркгейма, принято рассматривать как принцип социального существования, предполагающий согласованность в действиях для достижения общих интересов и целей. Понятие же «солидаризм» относительно ново для современной России, хотя и имеет для нее принципиальное значение. Вместе с тем целый ряд авторов (А. Н. Самарин, А. Н. Окара, С. А. Левицкий,

М. К. Зверев, С. Батуренко, В. П. Бабинцев и др.) рассматривают его в качестве системы идей, взглядов и технологий, актуальных при моделировании стратегий социального развития. Как справедливо указывает А. Н. Окара, «солидаризм – это, прежде всего, принцип построения социальной системы, в которой ее члены обладают реальной правовой и социально-политической субъектностью, на основе чего их права, возможности и интересы могут быть консолидированы и солидаризированы ради достижения общего блага»².

Для современной теории солидаризма ключевым является вопрос о согласовании и солидаризации интересов, ценностей и потенциалов всех участников общественных отношений³. Вместе с тем проблема солидарного общества не нова в истории и практике социальной мысли. Суть указанного общества наиболее емко выразил русский философ Николай Федоров, автор концепции «Общее дело»: «Жить не для себя, не для других, а со всеми и для всех»⁴. Это позволяет по-новому взглянуть на имеющееся противостояние социального и индивидуального, ограничения и свободы.

Достаточно часто проблематику солидарности связывают с идеей социального государства. Одним из творцов концепции социального государства был Людвиг Эрхард, убежденный в том, что бедность является важнейшим средством духовной изоляции человека, чахнувшего в мелких каждодневных заботах и не способного к общественному самовыражению или свободным действиям⁵. Это, на наш взгляд, одна из причин отсутствия солидарности как таковой.

Другая опасность может быть обозначена высказыванием учителя П. Я. Чаадаева, профессора Московского университета Ф. Г. Баузе, который говорил об опасности распространения в России «философии торгующего ума, который только измеряет, взвешивает, исчисляет выгоды физического человека и упускает из виду его нравственное состояние. А увлечение такими выгодами породило в имущем классе неестественные нужды и наслаждения, для удовлетворения которых стали развиваться искусства человеческой промышленности, производящей ценой больших затрат и усилий игрушку для минутного увеселения богатого человека, страждущего бесчувствием под тяжестью своего избытка»⁶.

Солидарность предполагает активную роль личности, что актуализирует проблематику субъекта солидарных отношений. Феномен общественной солидарности по-прежнему слаб и стихийен. Да, помощь оказывается тем, кто в ней нуждается. Можно даже проследить расходование средств и т. п. Но при этом граждане озадачиваются вопросом: «Почему помогаем мы, а не государство?» Самый последний пример – организация сбора пожертвований для пострадавших

от наводнения в Приморье. Результаты акции свидетельствуют, что в массовом сознании ценность солидарности как таковой не есть норма общественных отношений. Люди не чувствуют себя ответственными за то, что происходит вокруг них, и это состояние коллективной безответственности становится, к сожалению, устойчивым фреймом массового сознания.

Вопрос о стратегиях формирования солидарного общества непосредственно связан с вопросом о взаимодействии общества и государства, которое в идеале должно привести к их взаимной ответственности. В реальности же солидарность конструируется либо как мобилизационный проект (Волгоградская область), либо как стратегия регионального развития (Белгородская область)⁷. Несомненно, важен при этом такой аспект, как соборность. Вопрос о региональном солидарном обществе можно воспринять как ее продолжение и развитие.

Примечательно, что оба случая – примеры инициатив правящих групп. А это, на наш взгляд, вызывает вопрос: а какому типу общества и общественных отношений соответствуют данные проекты/программы? Представляется возможным утверждать, что речь должна идти об общинной солидарности, когда помощь оказывается традиционно ближнему. Так, В. Головин определяет региональное солидарное общество как систему межличностных и межгрупповых отношений, основанную на осознании их участниками общности интересов, ценностей и жизненных смыслов, взаимной поддержке, лояльности и сотрудничестве в достижении общественно значимых целей. Алгоритм солидарности прост: от уровня семейно-родственных отношений через трудовую ассоциацию и местное сообщество на уровень региона⁸.

Необходимыми характеристиками регионального солидарного общества в современных условиях являются: формулировка смыслов, ценных для большинства населения региона и основанных на культурно-исторических традициях; развитие духовности, патриотизма, позитивного мышления; утверждение идеи социальной справедливости как ведущего принципа взаимоотношений между людьми, органами власти и населением; социальная активность и способность граждан участвовать в решении государственных и общественных проблем; диалог органов управления и гражданского общества⁹.

В современном российском обществе присутствует неопределенность оснований и источников солидарности как таковой. Именно этим мы можем пояснить присутствие в данной проблематике православной риторики. Так, начиная с 2009 г. в публичных выступлениях патриарха Кирилла встречаются упоминания солидарного общества как некой альтернативы гражданскому обществу. Солидарность, таким образом, рассматривается в контексте соборности. И это не

случайно, Церковь – это, прежде всего, община, которая не может состоять из множества обособленных индивидов.

С этой точки зрения интересна позиция главы МОД «Православное народное движение» Юрия Лунькова, который в рамках социальной доктрины РПЦ разработал концепцию общества социальной солидарности (от общества социальной солидарности к обществу социальной справедливости).

Можно утверждать, что солидарное общество предполагает новое качество человеческого потенциала. Солидарность как механизм общественного воспроизводства требует собственно поддержания¹⁰.

Главное потенциально действующее лицо формирования солидарного общества – массовые городские общественные движения. В последние годы можно вести речь о социальной активности, готовности и желании сограждан участвовать в решении местных проблем, в принятии принципиально важных управленческих решений. Для того чтобы иметь представление о перспективах солидарного общества на муниципальном уровне, необходимо отслеживать следующие возможные риски:

- риск неадекватного восприятия социальной ситуации в силу низкого доверия к органам местного самоуправления и индивидуалистической прагматической ориентации отдельных граждан;

- риск неадекватного информационно-аналитического обеспечения;

- риск недостаточной поддержки программ населением в силу рассогласования интересов.

Можно согласиться с А. Ключевым, утверждающим, что «в отрыве от интересов людей никакие рационально выстроенные политические конструкции не найдут своих приверженцев и защитников. Моделирование структур власти даже на основе самых демократических принципов не гарантирует их успешного функционирования без политического участия граждан»¹¹.

Одним из средств преодоления названных рисков является создание «политико-культурного климата, побуждающего граждан к инициативе и гражданской солидарности»¹².

В России зарождение самоорганизующихся сообществ рядовых граждан началось с начала 2005 г. Значимый факт с точки зрения как социологии, так и перспективы развития новых социальных движений – участие в них обычных людей («обывателей»). Кто такие обыватели? Это не самые богатые и не самые бедные наши сограждане, которым есть что терять (обманутые инвесторы, обиженные дачники, автомобилисты и др.). Именно они стали из-за определенных событий и в определенных условиях в той или иной степени и с большей или меньшей устойчивостью активными борцами за свои права. И именно они – «обыватели» – стали объединяться

для защиты общих интересов. Их социальные инициативы показывают, что именно опора на повседневную жизнь знаменует переход от локального к общему.

Можно очень коротко обозначить активистские тренды последних лет:

- 2005 г. – массовые выступления против монетизации льгот, в среде которых родились первые региональные координационные структуры гражданского протеста последующих лет;

- 2006–2008 гг. – рост низовых гражданских инициатив, связанных с благоустройством дома, двора или района, борьба против коммерческой застройки и иных градостроительных проблем;

- 2009 г. – всплеск стихийности, уличных действий, вплоть до перекрытия дорог и выдвигания ультиматумов властям (движение жителей общежитий по всей России, движение обманутых соинвесторов, движение пенсионеров-льготников). Лето и осень 2009 г. показали специфическую солидарность жителей моногородов, одновременно направленную и на общественные (сохранение города), и на частные (личный интерес/несогласие) проблемы.

Как справедливо показывает исследование К. Клеман, О. Миряковой и А. Демидова, городские солидаристские движения не ограничиваются рамками моногородов. Так, например, в Санкт-Петербурге была сформирована широкая гражданская коалиция, созданная в борьбе против проекта газпромовской башни, но привлекающая гораздо более широкий спектр социальных инициатив и ставящая более широкие требования. В Астрахани в течение двух месяцев не затихали акции протеста против фальсификаций и «бандитских методов» на выборах. В Ижевске вокруг проблемы отмены льготного проездного билета несколько раз массово выходили на улицы все движения и инициативные группы, относящиеся к местному Совету гражданских действий. В Архангельске – митинг против завышенных тарифов ЖКХ и коррупции во власти¹³.

При желании примеры можно продолжить. Но все они свидетельствуют о двух основных тенденциях. Во-первых, солидарность четко просматривается на локальном уровне. Во-вторых, локальная солидарность обычно провоцируется безответственностью местных/региональных властей. Практически всегда проблемы, озвученные городскими активистами, лежат в сфере непосредственной ответственности местных властей. Хотя нельзя отрицать и того факта, что налицо процесс приведения к общему знаменателю, который находится в политической сфере (осуждение коррупции во власти, безответственности власти, «вертикали» власти и монополизации политики «Единой Россией»)¹⁴.

Ключевое пространство формирования солидарного общества – городская политическая сцена. Но не стоит преувеличивать ее возможности. Все сегменты социального движения встре-

чают ощутимые препятствия на пути к консолидации и сталкиваются с большими трудностями по налаживанию *солидарных* взаимодействий. Солидарного общества не существует, а есть граждане и коллективные субъекты социальной активности. И как проект будущего нам видится борьба не с государством, а с менталитетом населения.

Эти трудности связаны как с общей социальной культурой россиян, во многом утративших понимание общности в российском его образе, так и с целенаправленными действиями оппонентов социальных движений (властей и/или бизнеса) по раскалыванию движений (причем эта тактика намного более эффективна, чем репрессии, которые чаще всего имеют обратный эффект – сплачивание рядов и рост решительности). Эти действия принимают самые разные формы.

Одна из них – отрицание конфликта между активистским сообществом и контрагентом через создание видимости союза. На практике это реализуется через регулярные призывы к единству народа и власти, к сплочению перед лицом терроризма или кризиса, парадные митинги «Единой России» и корпоративную солидарность на предприятиях и в учреждениях (как правило, бюджетных).

Другая форма более затейлива и заключается в попытке внести раскол изнутри через создание лояльных организаций, например Общественной палаты.

Третья форма подрыва солидарности – представление интересов разных групп как противоположных. Так, например, можно интерпретировать пропагандистские действия в отношении массовых выступлений автолюбителей г. Владивостока против повышения таможенных пошлин на иномарки. Их обвинили в предательстве интересов отечественных рабочих. В г. Москве противников «точечного» строительства обвинили в безразличии к интересам очередников или «обманутых соинвесторов». В г. Балаково Саратовской области протесты жителей против продления сроков эксплуатации ядерных реакторов и повышения их мощности до 104%, равно как и против строительства завода «Северстали», власть иногда оценивала как борьбу против инвестиционной привлекательности региона.

Четвертая форма раздробления активистского сообщества, наверное, наиболее коварная и тонкая – распространение слухов среди только что активизировавшихся людей, дискредитирующих передовых активистов или организации. Например, глава инициативной группы по созданию реального, «народного» ТСЖ (не насажденного сверху местными властями) вдруг становится «жуликом». На молодежные политические организации навешивается ярлык «экстремистов». Жители из других районов г. Москвы, приехавшие на сход жителей не своего района, публично называются «провокаторами».

Как было сказано ранее, городское пространство наиболее благоприятно для развития солидарного общества. На этом уровне местные власти все же ближе и доступнее. Есть возможность судить о них не только по телепередачам и есть ощущение возможностей воздействия на них, например, через сходы жителей, общественные слушания, встречи с избирателями и пр. Большинство граждан объединяет общая проблематика, которая давно вышла за рамки частных проблем: среда проживания, тарифы на коммунальные услуги, состояние дорог, здравоохранения и образования, экологические проблемы.

Следует особенно подчеркнуть, что подавляющее большинство лидеров и «завязанных», опытных активистов прекрасно осознают проблему и проводят большую деятельность по развитию солидарности в активистских группах. Деятельность эта состоит из «воспитательных» бесед, листовок, инициатив по проведению акций солидарности, собственного примера. Часто встречаются такие заголовки листовок и статей: «Один в поле не воин», «Солидарность не роскошь, а средство выживания», «В солидарности наша сила». Почему-то очень часто приводятся слова Мартина Нимеллера: «В Германии они сначала пришли за коммунистами, но я не сказал ничего, потому что не был коммунистом. Потом они пришли за евреями, но я промолчал, так как не был евреем. Потом они пришли за членами профсоюза, но я не был членом профсоюза и не сказал ничего. Потом пришли за католиками, но я, будучи протестантом, не сказал ничего. А когда они пришли за мной – за меня уже некому было заступиться»¹⁵.

Другая важная составляющая процесса формирования общности, «цементирующая» этот процесс, – коллективные действия, практический опыт совместной деятельности, чему способствует городское пространство.

Наконец, сближению и сплачиванию рядов нередко способствует конфликт с оппонентом, чаще всего – властью. И в целом ряде городов местные коалиции укреплялись и развивались, выбрав в качестве общего оппонента либо мэра, либо губернатора.

Пути достижения солидарного общества различны. Здесь нет единого стандарта. Принципиально лишь взаимоуважение. Солидарность – это общность, возникающая из понимания того, что мы все взаимозависимы друг от друга и что наилучшее общество – это то, которое строится совместными усилиями при взаимном внимании и уважении. Все должны иметь одинаковые права и возможность оказывать влияние на принимаемые решения. Солидарность не исключает стремление к индивидуальному развитию и преуспеваю, но она исключает эгоизм, допускающий использование других ради собственной выгоды. Кристаллизация солидарности в российском обществе будет иметь место тогда,

когда будут сведены в качестве ее оснований – микросоциальные практики повседневного взаимодействия и макросоциальные инициативы по формированию и поддержанию солидарности социетального уровня. Таким образом, вышеназванный солидаризм способен стать эффективной идеологией инновационной модернизации в современной России. Но это возможно только в том случае, если истинная солидарность будет базироваться не на отдельно взятой способности к сопереживанию, а на потребностях целостной коллективной человеческой деятельности, определенным образом организованной и мотивированной. В частности – из потребности в совместном сотрудничестве, органически требующем взаимопомощи.

Примечания

- 1 Гражданское общество : истоки и современность / науч. ред. И. И. Кальной, И. Н. Полушанский. СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 426–427.
- 2 Окара А. Н. Социальная солидарность как основа нового «миростроительного» проекта. URL: http://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=3315 (дата обращения: 10.11.2013).
- 3 См.: Идеология и философия солидаризма : Материалы науч. семинара. Вып. 9. М. : Научный эксперт, 2010. С. 7.
- 4 Шняева О. В., Зосименко И. А., Ключева Т. В. [и др.]. Формирование солидарного общества в регионе как фактор предотвращения социальных конфликтов и напряженности. Ульяновск : УлГТУ, 2011. С. 4.
- 5 Социальная Европа в XXI веке / под ред. М. В. Каргаловой М. : Весь мир, 2011. С. 223.
- 6 Тарасов Б. Н. Чаадаев. М. : Молодая гвардия, 1990. С. 18.
- 7 См.: Бабинцев В. П. Солидарное общество Белгородской области : перспективы и риски реализации // Белгородское солидарное общество. 2013. № 4. С. 34–41.
- 8 См.: Головин В. Волгоградская стратегия как мобилизационный проект. URL: <http://www.krivoe-zerkalo.ru/node/11060> (дата обращения: 10.10.2013).
- 9 См.: Формирование солидарного общества в регионе как фактор предотвращения социальных конфликтов и напряженности. С. 4.
- 10 См.: Зверев М. К. Особенности социальной солидарности в современном российском обществе : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Иркутск, 2009.
- 11 Ключев А. В. Политическое участие : состояние и тенденции развития в условиях современного российского общества // Управленческое консультирование. Науч.-практ. журнал Северо-Западной акад. гос. службы. 2005. № 2. С. 73.
- 12 Рябев В. В. К вопросу о перспективах становления гражданского общества современной России // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-perspektivah-stanovleniya-grazhdanskogo-obschestva-sovremennoy-gossii> (дата обращения: 14.10.2013).
- 13 См.: Клеман К., Мирякова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М. : Три квадрата, 2010.
- 14 Там же.
- 15 Цит. по: Марианна Беленькая. Бабий Яр – выучены ли уроки беспамятства. // URL: <http://www.rsnews.net/index.phtml?show=article&id=5792&lang=RUS> (дата обращения: 15.10.2013).

УДК 331.5

ИННОВАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ РЫНКА ТРУДА

Т. В. Черевичко

Саратовский государственный университет
E-mail: cherevichko@inbox.ru

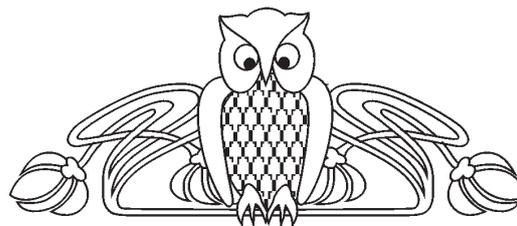
В статье рассмотрены особенности институционализации современного рынка труда. Особое внимание уделено институту занятости и самозанятости. Анализируются условия формирования инновационных институтов занятости.

Ключевые слова: рынок труда, институты рынка труда, занятость, мобильность труда, инновации трудовой сферы.

Innovative Aspects of Institutionalization of Labor-Market

T. V. Cherevichko

This article is devoted to features of institutionalization of modern labor-market. Special emphasis is devoted to institute of employment and self-employment. It is analyzed formation conditions of innovative institutes of employment.

Key words: labor-market, institutes of labor-market, employment, labor mobility, innovations of employment sphere.

Сегодня в мировом сообществе особое значение приобретает концепция инновационного развития общества. Согласно этой концепции в текущем столетии основным движущим фактором, наряду с инновациями и наукоемкими технологиями, станет инновационный человеческий капитал. Ядром инновационного человеческого капитала будут креативно мыслящие, обладающие предпринимательскими способностями специалисты в области технических и естественных наук, маркетинговых и управленческих технологий¹.

Гуманизация трудовой сферы – это направление общественного развития. В докладе ООН о развитии человека 2013 г. приводятся основные факторы достижения успешности развития: значительные инвестиции в человека и стремительное распространение качественной занятости. В связи с этим особенно актуальной становится проблема инновационных институтов рынка труда.

Рынок труда играет роль своеобразного индикатора, который отражает состояние национальной социально-экономической системы в целом: состояние рынка труда – это источник информации о благополучии населения, стабильности экономики и социальной сферы, эффективности проводимых социально-экономических преобразований.

В рамках институционального подхода рынок труда представляет собой институциональную систему, выполняющую ряд функций, реализуемых через институты. Институты рынка труда являются элементами национальной экономики, обеспечивая динамичное равновесие между спросом и предложением труда, связывая потоки рабочей силы и трудовые подсистемы в единый механизм, оптимизируя при этом трансакционные издержки.

Взаимодействие институциональных субъектов (предприятий и фирм, профсоюзов, объединений работодателей, государственных и негосударственных структур содействия занятости населения и мониторинга трудовой миграции и др.) способствует эффективному функционированию современного рынка труда и обеспечению регулирования уровня занятости в экономике. Нарушение взаимодействия вызывает деформацию институциональной структуры рынка труда и выводит систему из равновесия.

Достижение институционального равновесия в рамках рынка труда связано непосредственно с госрегулированием, и прежде всего с законодательной деятельностью, с социальной поддержкой незащищенных слоев населения.

Сегодня можно констатировать, что равновесие нарушено. Повсеместно отмечаются усиление гибкости и нестабильности трудовых отношений, ухудшение ситуации в сфере занятости, что, в свою очередь, обуславливает ухудшение качества жизни значительной части населения.

В опубликованном в январе 2013 г. докладе МОТ «Глобальные тенденции занятости в 2013 году» приводятся данные о том, что за 2012 г. численность безработных выросла на 4,2 млн человек (что в абсолютных цифрах составляет 192 млн человек). По прогнозам, рост этот продолжится как минимум до 210 млн человек за ближайшие пять лет.

При этом следует отметить, что если для стран Азии низкий показатель безработицы не является новостью, то для Европы – это катастрофа. Так, по данным Евростата, в апреле 2013 г.

каждый десятый (11,0%) трудоспособный гражданин в Европе являлся безработным (ЕИ-27), в Евростатной зоне этот показатель составляет 12,2%. Лидируют Греция, Португалия и Испания, в которых безработным уже в 2012 г. являлся каждый четвертый трудоспособный гражданин².

Функционирование рынка труда как институциональной системы определяется наличием системообразующих институтов – это политические, социальные и правовые нормы, образующие основу социально-трудовых отношений, которые составляют институциональную среду. В этой среде происходит отбор и формирование наиболее эффективных социально-трудовых институтов, определяются вектор развития рынка труда как системы и основные направления его институциональных изменений.

Иначе говоря, формирование правовых основ функционирования рынка труда и регулирования трудовых отношений, создание механизмов защиты трудовых прав и соблюдения контрактов, развитие соответствующей инфраструктуры определяют степень сформированности институтов рынка труда.

Институциональная структура рынка труда трансформируется во времени и в пространстве под влиянием изменений формальных и неформальных институтов.

Институциональные изменения на рынке труда в настоящее время проявляются в следующих тенденциях:

- сближение условий найма между развитыми странами и странами с формирующимися рынками;
- снижение общей потребности в рабочей силе в результате повышения технологичности современной экономики;
- рост «некачественной» – низкооплачиваемой, неформальной, частичной, принудительной – занятости;
- рост безработицы среди молодежи.

Названные тенденции позволяют охарактеризовать современную институциональную структуру рынка труда следующим образом.

Во-первых, доминирующую роль в структуре играют, как ни парадоксально, неформальные институты, к которым, помимо традиций, обычаев, правил, относят институт «некачественной» занятости. По данным МОТ, в 2009 г. в мире насчитывалось 1,53 млрд работников, охваченных незащищенными формами занятости, что составило более половины занятых (50,1%). Последнее время в мире получило распространение такое явление, как принудительная занятость – по официальным данным, принудительным трудом в мире занято свыше 1,2 млн человек. К институту «некачественной» занятости относят и частичную занятость – в 2011 г. каждый пятый работающий в ЕС (19,5%) занят неполное время³.

Во-вторых, институциональные изменения могут привести к замене сравнительно эффек-

тивных институтов субоптимальными или неэффективными, что находит проявление в так называемом «хредном эффекте». В этом случае и происходит развитие институтов с неоптимальными принципами. Нарастание данного эффекта приводит к возникновению институциональных ловушек – устойчивых самоподдерживающихся неэффективных институтов. Такой институциональной ловушкой на рынке труда, по нашему мнению, является «прекаризация» – новый тип социально-трудовых отношений, проявляющихся в ухудшении условий найма для значительной части занятых.

Выход из институциональной ловушки видится в реализации новых форм регулирования сферы труда. К таковым в настоящее время относят так называемые атипичные формы регулирования социально-трудовых отношений (аутсорсинг, аутстаффинг). В новых формах регулирования трудовых отношений основной акцент делается на отношения гражданско-правового характера, в рамках которых вся ответственность за социальную политику перекладывается на работника. В результате атипичных форм регулирования трудовых отношений значительное развитие получил институт незащищенной законодательной занятости.

В-третьих, неодинаков уровень развития институциональных структур, составляющих рынок труда как институциональную систему. Как уже отмечалось ранее, уровень занятости нестабилен, и если он не снижается, то только за счет роста низкодородных сегментов рынка труда даже в наиболее развитых странах.

В-четвертых, сохранение институтов, типичных для данной институциональной системы, одновременно с появлением новых институтов. Так, например, для рынка труда традиционным является институт самозанятости, и в настоящее время отмечается тенденция роста самозанятых не только в странах с формирующимися рынками, но и в развитых странах. Из примерно 3230 млн занятых около 1400 млн человек – самозанятые. Хорошо известно, что самозанятость – это нестабильная занятость без постоянных трудовых отношений.

Однако развитие информационных технологий расширяет интерактивные хозяйственные связи, что приводит к образованию новых институциональных структур, таких как интерактивная хаускомпания, а инновационное развитие общества порождает инновационную занятость. По мнению ряда исследователей, инновационные самозанятые встраиваясь в инновационные системы (национальную и/или глобальную), используя возможности современных информационных технологий, реализуют одну из главных своих функций – функцию создания и трансфера новых высоких технологий, создания и вывода на рынок высокотехнологичных товаров и услуг, а также формирования условий для широко-

го использования высоких технологий и нового знания (в форме информации) в производстве и быту⁴.

Иначе говоря, в рамках рынка труда как институциональной системы начинают функционировать новые интерактивные институты самозанятости. Следует отметить, что их можно рассматривать как элементы целостной институциональной среды и как самостоятельные институты, имеющих внутреннюю организацию.

Институциональные изменения, как правило, осуществляются непрерывно – трансформация одного института постепенно вызывает изменение другого (в силу взаимодополняемости институтов) – по определенной траектории и в пределах, которые приемлемы для заинтересованных политических и экономических организаций. Изменение институтов одной структуры может повлечь институциональные преобразования не только в другой структуре, но и национальной экономической системы в целом.

Так, например, в России прошедшие реформы 1990-х гг., а также последующие преобразования, обновление трудового законодательства сформировали и закрепили новые институты: МРОТ, социальное партнерство в сфере труда, коллективные переговоры, ЕСН, нормы охраны труда, социальной защиты работников и т. д. Они, в свою очередь, способствовали эффективному изменению институциональной среды и институциональной структуры российского рынка труда.

Обычно в любой среде быстрее закрепляются институты, имеющие возрастающую предельную отдачу для группы индивидов, которые следуют правилам и ограничениям, налагаемым институтами и в интересах которых эти институты применяются. Примером могут служить институты социальной справедливости, корпоративного интереса, солидарности и т. д. Также существуют и институты с убывающей предельной отдачей (по мере расширения круга лиц, подпадающих под влияние таких институтов, предельная отдача снижается), например, социальное страхование (выплаты на лечение и отдых). Институты, обладающие убывающей отдачей, обычно влекут за собой расслоение общества.

Однако новые тенденции в сфере занятости, современные процессы институционализации на рынке труда изменяют и роль институтов, регулирующих коллективные социально-трудовые отношения и обуславливают развитие инновационных институтов рынка труда. Так, недавно сформированный институт корпоративной социальной ответственности бизнеса не получает должного распространения, так как во многих странах традиционные механизмы регулирования социально-трудовых отношений утрачивают свои позиции. И груз социальной ответственности, как отмечалось ранее, перекладывается на плечи работника. Рост доли незащищенной

низкодоходной занятости оборачивается незащищенностью и после окончания трудовой деятельности

Наряду с этим происходит развитие институтов, влияющих на формирование инновационного человеческого капитала, качество рабочей силы и качество труда, мобильности труда. Иными словами, в системе инновационного развития общества доминирующее положение начинают занимать институты, ответственные за создание нового знания.

Это обусловлено сменой парадигмы инновационного развития и переходу к модели «открытых инноваций», в основе которой лежит глобальная мобильность человеческих ресурсов, проявляющаяся в глобальной «циркуляции умов». Отсюда растет внимание исследователей к вопросам формирования глобального рынка труда и глобальной рабочей силы. Постоянная востребованность в высококвалифицированной рабочей силе позволяет говорить о ней как об особой категории глобального рынка труда. В настоящее время глобальной рабочей силы как сложившегося сегмента рынка труда пока не существует, но имеет место категория профессионалов, у которой развита потребность в территориальной и профессиональной миграции. Они способны легко адаптироваться к новым условиям работы и жизни, переезжая из одной страны в другую. Эта рабочая сила, оставаясь в основе своей глубоко национальной, тем не менее приобретает новое качество, элемент глобальности (национальности), т. е. способность адаптироваться к инонациональным факторам в рамках международного труда⁵.

Это свидетельствует о том, что глобализация научного сотрудничества не исключает того, что в основе инновационного развития находятся национальные инновационные системы, развивающиеся и реализующие человеческий потенциал каждой отдельной страны.

В то же время национальная инновационная система – это комплекс институтов правового, финансового и социального характера, обеспечивающих инновационные процессы и имеющих прочные национальные корни, традиции, политические и культурные особенности. Проблема институционализации современного рынка труда является ключевой для инновационного развития общества. Инновационный процесс сопровождается дестабилизацией/флексibilизацией рынка рабочей силы в результате ускорения изменения требований к квалификации, исчезновения старых и появления новых профессий, что, с одной стороны, как отмечалось ранее, способствует расширению «некачественной» занятости, а с другой – активизирует развитие творческого потенциала общества.

В современном мире объем информации удваивается каждые три года, список профессий обновляется более чем на 50% каждые семь лет и,

чтобы быть успешным, человеку приходится менять место работы в среднем три-пять раз в жизни⁶. Нарращивание творческого потенциала, наряду с традиционным образованием, все в большей степени осуществляется за счет так называемого высокого образования – самостоятельного обретения знания из различных источников.

В этой связи одна из основных проблем инновационного развития рынка труда – это эффективность института инновационной мобильности. Последняя должна рассматриваться как уравновешивающая составляющая институционального механизма системы рынка труда.

Инновационная мобильность – это циклическая миграция высококвалифицированной рабочей силы, в процессе которой происходит обмен знаниями. Однако эта форма миграции в зависимости от условий может реализовываться либо в виде «научной эмиграции» или «утечки умов», либо в виде «циркуляции умов». Процесс «утечки умов» в широком смысле слова может быть определен как выезд научных и преподавательских кадров высокой и высшей квалификации из страны в виде трудовой миграции. Под «циркуляцией умов» понимается многогранное явление, охватывающее основные направления перемещения инновационного человеческого капитала между различными странами и организациями с целью создания, распространения и коллективного использования знаний и стимулирующее, таким образом, развитие национальных экономик⁷.

Безусловно, востребованность ученых и высокообразованных специалистов в экономике и других областях современного общества имеет ключевое значение для инновационного развития. Без реального спроса на научные и высококвалифицированные кадры, когда творческий потенциал не может быть реализован, инновационная мобильность способна оказаться и неэффективным институтом. «Утечка умов» как результат инновационной мобильности в условиях глобального рынка труда может привести к необратимым последствиям для стран-доноров не только в сфере науки, но и в общем социально-экономическом развитии.

В то же время институт инновационной мобильности может проявлять сравнительно высокую эффективность при переходе к процессу циркуляции человеческого капитала. Данный вид мобильности корректирует цели национальной инновационной системы – определяющим становится интеграция человеческого капитала в процесс глобальной циркуляции умов в последующем получением максимальных выгод и преимуществ.

Таким образом, инновационные институты рынка труда играют значительную роль в инновационном развитии общества. В этой связи, по нашему мнению, дальнейшее теоретическое изучение природы данных институтов и поиск практических мер, направленных на эффективное их

использование в реальной экономике, будет наиболее перспективным.

Примечания

- ¹ См.: *Чередников О.* Высокотехнологичные старты в мире и в России // *Мировая экономика и международные отношения.* 2013. № 10. С. 68.
- ² Цит. по: *Садовая Е.* Новые тенденции в социально-культурной сфере : институциональный аспект // *Мировая экономика и международные отношения.* 2013. № 11. С. 31.

УДК 303.1

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ НЕПРАВОВОЙ ДЕМОКРАТИИ

Н. Ю. Кравченко

Саратовский государственный университет
E-mail: kravchenko.n@gmail.com

В статье рассматривается цивилизационная специфика России, оказывающая влияние на процесс формирования гражданской идентичности. Автор пытается найти ответ на вопрос, что в большей мере соответствует цивилизационному коду России: неправовая демократия или гражданское общество западного типа?

Ключевые слова: гражданская идентичность, неправовая демократия, гражданское общество, правовое государство, цивилизационный подход.

Civil Identity in the Conditions of Unlawful Democracy

N. U. Kravchenko

The article discusses Russian civilizational specifics, which influence the process of the civil identity forming. The author is trying to answer the following question: what suits better to the Russian civilization code non-legal democracy or Rechtsstaat?

Key words: civil identity, non-legal democracy, civil society, Rechtsstaat, civilization approach.

«Гражданская идентичность» – понятие, существующее в парадигме национального государства. Конституция, правовое государство, развитое гражданское общество, гражданская идентичность – вот его компоненты. С начала XXI в. в современном реформирующемся российском обществе активно идет процесс националостроительства. Государство увеличивает финансовую поддержку НКО как одной из основ гражданского общества, а следовательно, и национального государства. Отметим, что сумма поддержки за год возросла почти в два раза (в 2012 г. было выделено 4,7 млрд руб., в 2013 г. – 8,285 млрд руб.). Несмотря на эти обнадеживающие цифры, из материалов доклада Общественной палаты за 2013 год следует, что гражданское

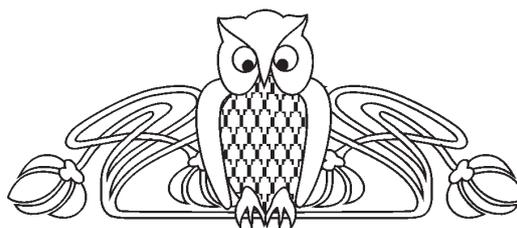
³ Там же.

⁴ См.: *Сербянский Б. Ю., Мужучан Р. Р., Калмыкова Н. Г.* Инновационная самозанятость и ее функции на рынке труда и в модернизируемой экономике России. URL: <http://ej.kubagro.ru/2012/08/pdf/60.pdf> (дата обращения: 23.01.2014).

⁵ См.: *Черевичко Т. В.* Миграционная динамика эпохи глобализации. Саратов, 2002.

⁶ См.: *Мосолова Е.* Ключевые компетенции специалиста : взгляд работодателя // *Профессиональное образование в России и за рубежом.* 2012. № 1 (5). С. 24.

⁷ См.: *Чередников О.* Указ. соч. С. 75.

общество в России формируется крайне медленно и резко отличается от европейского образца¹.

Одна из основ национального государства и гражданского общества – демократическая форма правления. Политический режим, при котором решения принимаются коллективно, с равным воздействием представителей гражданского общества, государственной власти, законодательной и исполнительной, на основании существующих в стране законов. Особенность цивилизационной специфики России – отнесение принципа демократичности не к области права, а к некоторым иным сферам, от божественной трансценденции до нравственно-религиозного начала. Это задает иные параметры демократическому политическому режиму и предполагает иной формат гражданской идентичности.

Гражданская идентичность в России связывается с правом, которое регулируется в горизонтальных и вертикальных проекциях. Исторически российская специфика проявляется в ином отношении к праву.

В истории общественно-научной мысли России существуют различные трактовки понимания права в Российском государстве. Русские мыслители Б. Н. Чичерин, П. И. Новгородцев пытались осуществить интродукцию права². Развивая идеи естественного права, Б. Н. Чичерин, по мнению А. М. Величко, основывает образование государства, политической власти и права на признании у лица свободной воли, которая и выступает в качестве творческой, созидательной силы³. Человек как носитель Абсолютного Разума, Абсолютной Идеи изначально наделен способностью мыслить, способностью жить по самостоятельным, установленным самим человеком законам⁴. Лицо не наделяется правами,

«но признание за лицом прав составляет коренное начало правоведения»⁵. Иными словами, основа государства – свободный, мыслящий индивид, за которым признаются права по закону.

Современный философ В. К. Кантор, говоря о не согласных с политикой СССР, о диссидентах, отмечает их требования прав. Диссиденты пытались превратить фиктивные, провозглашенные властью демократические лозунги и терминологию в реальность: «Все, чего мы хотим, – говорили диссиденты, – это исполнения демократических законов, которые объявлены в конституции. Они добавляли одно важное слово: не просто демократии, а *законов*, то есть неких прав, которые стоят *над* государем, *над* правительством, *над* любой партией, в том числе и *над* народом»⁶.

Н. А. Бердяев, В. С. Соловьев, напротив, оперировали к нравственности, а не к праву. Для В. С. Соловьева государство – главнейшее орудие «поддержания... вселенского тела»⁷. Три главных органических единства социальной троицы – церковь, государство и общество. Задача России, ее основная идея – восстановить на земле этот истинный образ. Истинность образа Соловьев объясняет с точки зрения нравственной позиции: «Ибо истина есть лишь форма Добра, а Добру неведома зависть»⁸.

У Н. А. Бердяева также находим важные сведения о менталитете русского крестьянства, о не восприятии закона: «Русским крестьянам всегда были чужды понятия римского права о собственности. <...> Присвоение земли помещиками-дворянами крестьяне всегда считали такой же неправдой, как и крепостное право. Общинное, коллективное владение землей было более свойственно русскому народу, особенно великороссам, благодаря существованию общины»⁹. В понимании крестьянства «правда» – это то, что по справедливости, а не по закону, даже по милосердию, в первую очередь.

Данная специфика обусловлена цивилизационным развитием страны, нельзя не согласиться с В. К. Кантором, что до конца XVIII в. в России не было общества, было только государство. Не случайно и в наше время гражданское общество «конструируется» государством «сверху». Примечательно, что гражданские структуры общества образованы *при* государстве (например Общественная палата при Президенте).

Одна из основ гражданского общества – развитая демократия. В. К. Кантор, вслед за Е. Н. Трубецким, выделяет два противоположных понимания демократии. В российский варианте на протяжении XX в. наблюдалось народовластие на праве силы. Такое понимание демократии несовместимо со свободой. Таким образом, подобная демократия неизбежно вырождается в массовый деспотизм, что мы и наблюдали после 1917 г.

Другое понимание демократии созвучно с позициями и Б. Н. Чичерина, и В. С. Соловье-

ва: это демократия, где в основе народовластия «незыблемые нравственные начала, и прежде всего – признание человеческого достоинства, безусловной ценности человеческой личности как таковой. Только при таком понимании демократии дело свободы стоит на твердом основании»¹⁰.

Таким образом, можно сделать вывод что демократия современного российского общества неправовая по своей сущности. Под неправовой демократией мы понимаем политическую форму правления, которая опирается не на неотъемлемые права и свободы личности, а на традиционно-коллективистскую установку. В этом, на наш взгляд, проявляется цивилизационная специфика установки народного сознания, которая задает параметры типу демократического режима.

Новую Россию, родившуюся в 90-е гг. XX в., новой можно назвать только условно, так же как «новую» страну ошибочно воспринимали большевики Россию после 1917 г. Глубинные цивилизационные основания, лежащие в основе общественного уклада, сознания народа перемололи и утопили не одну прекрасную по замыслам реформу.

Совместимы ли, с учетом цивилизационной специфики России, национальное государство, гражданское общество, гражданская идентичность и демократия? Для поиска ответа на заданный вопрос целесообразно применение цивилизационного подхода. Он применялся в работах многих отечественных и западных ученых (Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Дж. Тойнби, Х. Ортега-и-Гассет, П. А. Сорокин, К. Ясперс, Ф. Бродель, Н. Д. Кондратьев, Л. Н. Гумилев, Ш. Н. Эйзенштадт, А. Турен. В. Пантин и т. д.).

Огромное влияние на развитие исторического пути России оказал византизм. Влияние византийской культуры на формирование русского национального самосознания рассматривалось в философских, культурологических и исторических исследованиях О. Н. Забегайло, А. И. Зиминой, В. С. Зуйкова, А. П. Каждана, Ю. А. Лукина, И. К. Мишариной, Н. А. Нарочницкой, Г. В. Скотниковой, А. С. Панарина, С. В. Перевезенцева, Г. А. Цветковой и др.¹¹.

Российская средневековая идентичность складывалась под заметным влиянием византийского общества. Принятие христианства в его византийском варианте стало для Руси, прежде всего, интегрирующим фактором и приобретением к значительно более высокой форме государственности – Византийской империи. Русь вместе с православием обрела навыки гражданского строительства, приобщилась к римским правовым традициям, узнала о вотчинном имунитете и феодальной иерархии. Обычное славянское право было дополнено элементами византийского законодательства¹². Византизм, по мнению А. К. Дегтярева, способствовал формированию мессианской идеологии, которая и обрела статус

идеи нации, способной распространить по миру истинную веру во Христа¹³.

Принятие этой миссии означало невозможность и формирования подлинной гражданской идентичности. Для выполнения мессианского предназначения в христианстве, в отличие от иудаизма, национальность, т. е. принцип «крови», не имеет равным счетом никакого значения: особой русской нации как таковой не требовалось, достаточно было именовать себя «православными». Именно такое обращение к русскому народу со стороны власти и среди простого люда бытовало на протяжении столетий. Не случайно и образ Руси как православного государства идентифицировался не в категориях нации-государства, а в сакральном символе «третьего Рима».

Для византийских общественных и идеологических отношений был характерен относительный индивидуализм, контрастировавший с западноевропейским корпоративным строем. Индивидуализм данного типа еще меньше, чем средневековый западный, располагал к подлинному свободному развитию личности. Авторитарный, лишенный всяких демократических проявлений характер византийского общества обуславливало отсутствие феодальных договоров, принципов вассальной верности и корпоративной солидарности.

Если в Западной Европе наличествовали тесные «горизонтальные» связи между индивидами с одинаковыми социальными статусами, то для Византии были характерны «вертикальные» отношения подданных со своим правителем. Христианство же как духовная скрепа государства не заменяло собой развитые горизонтальные связи.

Западноевропейская взаимопомощь и цивилизационный обмен услугами заменялись восточной холопской зависимостью. Даже состоятельные и высоко статусные были абсолютно бесправны и не защищены законом перед верховной властью. «Великую хартию вольностей» – правовой компромисс между верховным сюзереном и вассалами, своего рода общественный договор – в Византии представить совершенно невозможно. За несколько лет до английской Хартии вольности, в 1213 г., Всеволод Большое Гнездо, собрав князей на съезд, предложил подобный закон для Руси, цель которого – соединить княжескую власть и вече. Но военно-географическая ситуация страны была несовместима с логикой этого документа, так как Русь постоянно подвергалась набегам кочевников.

Несмотря на наличие кодекса Юстиниана – крупнейшего законодательного свода, объединившего римское право, Византия известна полным отсутствием правосознания, уважения к закону как гаранту прав человеческой личности.

Если западноевропейское общество отличалось многообразием социальных групп, то мир восточного христианства не знал ни городов-

коммун, ни духовных и рыцарских орденов; объединения купцов и ремесленников там не имели существенного значения. Византийская самодержавная верховная власть не давала появляться и развиваться этим формам человеческой самоорганизации, представлявшим собой институты гражданского общества, в то время как в период отсутствия централизованной власти в Западной Европе население, по сути, само было вынуждено создавать те или иные формы собственной организации.

Государство Византийской империи поставило гражданское общество в полнейшую от себя зависимость. Западноевропейское общество на всех этапах своего развития тоже находилось в непростых и постоянно изменяющихся отношениях с государственной властью. Последняя, как пишет А. Я. Гуревич, всегда «серьезно считалась с социальными группами, отчасти используя их в собственных интересах», но при этом не покушалась на их существование¹⁴.

Можно сделать вывод, что исторически, цивилизационно в России сложилось особое отношение к праву, пониманию свободы и демократии в связи со спецификой российского пространства, включая военно-географические, уязвимостью страны для нападения завоевателей. «Византийское наследие» проявилось в следующем:

- принятии христианства, приобретении Россией особого мессианского статуса;

- особом относительном индивидуализме, который, в отличие от индивидуализма члена средневековой европейской коммуны или братства, не располагал к подлинному свободному развитию личности;

- развитию «вертикальных» отношений подданных со своим правителем в отличие от горизонтальных связей в Европе;

- восточной холопской зависимости, в то же время как в европейских городах развивались взаимопомощь и цивилизационный обмен услугами;

- полном отсутствии правосознания, уважения к закону как гаранту прав человеческой личности.

В результате в России был задан другой формат общества, выстроилась система подданничества, были заложены основы для неограниченной власти российского самодержавия, усиленного религиозной традицией. Византизм оказался как нельзя более соответствующим принципам тоталитарного общества с отсутствием гражданского общества с отсутствием гражданских свобод. В то же время западноевропейское общество не просто выстраивало диалог с государством, в системе отношений между гражданским обществом и государством последнее выступало как инструментальная форма, гарант прав и свобод.

Не случайно политологи приписывают современному российскому обществу подданнический (подчиненный) тип политической культуры

туры. Он присущ обществам, где население страны практически не влияет на политику правящего класса и где граждане не считают себя самостоятельными субъектами политики. Несмотря на достаточно высокий уровень знаний и понимания природы политической системы, большинство населения Российской Федерации политически пассивно, ориентируется на традиционные ценности и надеется на добрую волю и благодеяния начальства¹⁵.

Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод, что национальное строительство столкнулось с рядом проблем, обусловленных цивилизационной спецификой, которая проявляется в общественном укладе и сознании российского общества.

Наша демократия – неправовая по своей сути, ее подданническая социальная основа может форматировать или самодержавие, или имперскую тиранию (учитывая специфику российской территории). Неправовые формы организации общества не являются незаконными для граждан России, они воспринимают их как надправовые. Они-то и показывают специфику гражданской идентичности.

Общество и государство столкнулись с проблемой трансформации социальной основы из подданнической в гражданскую. Если общество апеллирует к праву, то подданнический социум – над правом к долгу, любви, нравственности и т. д. В результате гражданская идентичность современных россиян вариативна в плане применения закона.

Примечания

¹ См.: Горшков М. К., Тихонова Н. Е. Социо-культурные факторы консолидации российского общества. М.: Институт социологии РАН, 2013. 54 с. URL: <http://www.isras/>

inhab_2013_01/html (дата обращения: 01.02.2014). С. 39.

- ² См.: Чичерин Б. Н. История политических учений : в 3 т. Т. 3 / подг. текста, вступ. ст. и коммент. И. И. Евлampieва. СПб.: РХГА, 2010.
- ³ См.: Величко А. М. Развитие идеи естественного права в трудах Б. Н. Чичерина // Правоведение. 1994. № 3. С. 72–76.
- ⁴ См.: Чичерин Б. Н. Собственность и государство : в 2 т. Т. 1. М., 1882. С. 1–4, 10–14.
- ⁵ Чичерин Б. Н. Психологическая теория права // Вопросы философии : сб. ст. М., 1904. С. 364.
- ⁶ Кантор В. К. Преодолима ли в России неправовая демократия? // Русский Журнал / Политика. URL: www.russ.ru/politics/20020527-kant.html (дата обращения: 04.04.2014).
- ⁷ Соловьев В. С. Русская идея. Россия глазами русского : Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. СПб., 1991., С. 338.
- ⁸ Там же. С. 339.
- ⁹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 112.
- ¹⁰ Трубецкой Е. Н. Два зверя // Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М., 1994. С. 302–303.
- ¹¹ См.: Бородин А. В. Византизм как фактор формирования русской культуры : автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2007.
- ¹² См.: Кортунов С. В. Национальная идентичность : постижение смысла. М., 2009. С. 70–71.
- ¹³ См.: Дегтярев А. К. Генезис русского национализма : к вопросу о дефинициях идеологии // Социально-гуманитарное знание. 2002. № 2. С. 279–290.
- ¹⁴ Гуревич А. Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М., 2009. С. 141.
- ¹⁵ Тюленев А. И. Политическая культура как фактор электорального поведения избирателей // Социальная диагностика, мониторинг общественного мнения. № 3 (190) май – июнь 2012. URL: http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/109/2012_109_12_Tulenev.pdf (дата обращения: 23.02.2014).

УДК 332.1:316.334.52

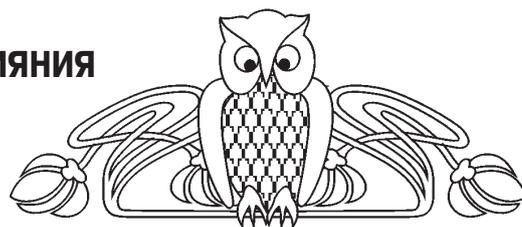
РОССИЙСКИЕ МОНОГОРОДА: АКТОРЫ ВЛИЯНИЯ И ТРЕНДЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

В. В. Гусев

Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов
E-mail: vladgus2006@yandex.ru

В статье исследуется проблема развития моногородов Российской Федерации на современном этапе. Анализируются основные акторы, способствующие появлению и развитию моногородов, причины их кризисного состояния в настоящее время, а также возможные сценарии развития ситуации в моногородах в будущем.

Ключевые слова: актор, банкротство, периферия, офшор, капитализм, глобализация.

Russian Company Towns: Actors Influence and Social Development Trends

V. V. Gusev

The paper investigates the problem of single-industry towns' development of the Russian Federation at the present stage. Analyzes the main actors are conducive to the emergence and development of

single-industry towns, the reasons for their state of crisis at the moment, as well as possible scenarios of the situation in the company towns in the future.

Key words: actor, bankruptcy, peripherals, offshore, capitalism, globalization.

Проблема развития моногородов (монопрофильных поселений) в политико-историческом контексте была всегда актуальной для такой большой и протяженной страны, как Российская Федерация. Вместе с тем необходимо отметить, что моногорода не являются специфическим российским явлением, они присутствуют везде, где развита промышленность, широко известны моногорода Великобритании, Германии и США. Последняя нашумевшая история, связанная с моногородом в США, – банкротство Детройта как муниципального образования, которое вынудило федеральные власти оказать в буквальном смысле погибающему городу достаточно серьезную финансовую помощь¹. Однако сама острота проблемы моногородов, дальнейшего их существования и проектирования в них социальных процессов наиболее проявилась в России и республиках бывшего СССР, что вызвано рядом политических и экономических особенностей развития государства. Первая особенность (ее также можно назвать государственным экономико-географическим актором) – огромная территориальная протяженность уже утраченной страны мира – бывшего Советского Союза (в пределах царской России). При такой протяженности даже в условиях территориального планирования не удавалось добиться равномерного размещения производительных сил на территории страны, и поэтому можно было условно разделить территории на «центр», «окраины» или периферийную территорию и некоторое промежуточное звено – «полупериферию», для которой было характерно наличие определенных ресурсов, но в недостаточном объеме. Соответственно, большое количество моногородов создавалось именно на российской периферии и полупериферии, что способствовало перераспределению ресурсов из центра на окраины. Создание моногородов, вернее, их прообраза, началось с походов казацкого атамана Ермака Тимофеевича, оседания русского населения на новых территориях, с деятельности купцов Строгановых и Демидовых².

Вторая особенность, способствовавшая появлению и развитию моногородов, – относительно небольшое население по сравнению с имеющейся территорией и, соответственно, низкая плотность населения (социальный актор). Освоение окраинных земель и внешняя враждебность окружения (дикие племена, суровая природа, опасность нападения зверей, стихийные бедствия) заставляли людей селиться компактно, пусть даже на отдаленном расстоянии от других населенных пунктов. По мере развития ремесел или открытия месторождений природных иско-

паемых у подобного поселения выявлялась определенная специализация, не случайно на Урале, где больше всего монопрофильных поселений, за открытие месторождений природных ископаемых или добросовестный труд на рудниках и приисках (например, Златоустовские, Кыштымские, Верх-Исетские горные заводы) заводские крепостные рабочие получали вольную³. Безусловно, ориентация моногорода на какую-либо специализацию и закрепление немногочисленных жителей в нем создавали предпосылки для развития моногорода.

Третий и важнейший актор, способствующий появлению и развитию монопрофильных поселений, – политический. Создание моногородов позволяло в буквальном смысле «столбить» территории, подводить их под российскую юрисдикцию, расширять владения российской короны, а впоследствии и советского флага. И уже в более поздний советский период в моногородах создавались условия для развития высоких технологий, пусть даже на автономной основе, что делало моногорода центрами инноваций, имеющих политическое значение (например, советский атомный проект реализовывался в основном в моногородах, закрытых территориальных поселениях). Соответственно, от того, насколько успешно работали заводы в моногородах, в конечном итоге зависела политическая составляющая международной безопасности и позиции государства на международной арене.

Четвертый актор можно было бы назвать футурологическим, обращенным в будущее, но он будет реализован лишь в том случае, если моногорода получат «второе дыхание», станут отстраиваться и развиваться в дальнейшей перспективе. Изоляция моногородов способствовала их автономному развитию, в результате сформировавшаяся уникальная технологическая база в будущем могла бы способствовать осуществлению в них новых технических открытий, принципиальных решений, которые были бы востребованы в передовых отраслях промышленности по профилю моногорода или в смежных производствах, а развитие моногорода, приращение его населения (в это в настоящее время трудно поверить, люди из моногородов уезжают, но в советский период в них наблюдался приток, прирост жителей) позволили бы усилить российское политическое влияние в регионе, в котором находится моногород, а кое-где (например на Северном Кавказе) сдерживать, усмирять политическую ситуацию, делать ее стабильной и предсказуемой.

В настоящее время, с превращением столицы России Москвы в международный финансовый центр и концентрацией в ней всех финансовых ресурсов, проблемы периферийных территорий и моногородов в них представляются определенной головной болью российского руководства. Моногородов в России достаточно большое ко-

личество, и что с ними делать в условиях современной экономической миро-системы, по большому счету, никто не знает. Основным условием благополучия моногорода является нормальная, стабильная деятельность градообразующих предприятий, их экономический рост, но как их обеспечить в условиях тотальной приватизации и негосударственных собственников, стремящихся к прибыли, – вопрос, остающийся без ответа. Отсюда возгласы в общественном дискурсе, раздававшиеся в период кризиса 2008–2009 гг., – закрыть моногорода, ликвидировать предприятия в них, переселить население в благополучные регионы и т. д. На наш взгляд, эти мнения являются, по меньшей мере, недальновидными, если не сказать хуже, ведь в подобных условиях значительная часть российской территории будет просто оголена. Чтобы не закрывать моногорода, нужно выкупать предприятия у неэффективных собственников (отсутствующих должников, проворовавшихся директоров, офшорных компаний и т. д.) и передавать их эффективным владельцам, в том числе делать государственными, либо с участием государственного капитала, на что потребуются значительные финансовые и организационные средства. В некоторых моногородах градообразующие предприятия необходимо восстанавливать, так как в ходе безостановочного реформирования экономики либеральными «эффективными менеджерами» они во многом пришли в упадок. Для того чтобы удерживать в моногородах население (разумеется, социально-экономическими, а не принудительными методами), следует создавать для него определенный льготный режим проживания, например, предоставлять жилье на условиях социального найма, взимать льготные тарифы за жилищно-коммунальные услуги и электроэнергию, что также требует определенных вложений и затрат и во многом проблематично из-за проводимой в настоящее время социальной политики, «утягивания» поясов и т. д.

И, наконец, одна из важнейших задач в политическом и экономическом плане – где взять большое число настоящих эффективных менеджеров в государственном, пророссийском, а не либеральном понимании, чтобы такие руководители заботились о работниках – своих подчиненных. Промышленные предприятия в моногородах под их руководством были бы прибыльными, а не растаскивались по кускам через технологии офшоризации, реструктуризации, перепрофилирования, конверсии оборонных производств, ухода от монопрофильности и т. д. Например, офшоризация бизнеса (прав собственности, товарных и денежных потоков), а также увлечение собственниками и менеджмента градообразующих предприятий от ответственности, социальных обязательств перед работниками приводят к социальной напряженности и акциям протеста в моногородах. Наиболее яркие

примеры «протестных взрывов» – социальный конфликт между работниками и работодателями в городе Пикалево Ленинградской области, тяжелая посткризисная ситуация в 2009–2010 гг. в моногородах Тольятти, Нижнем Тагиле, Златоусте, Череповце, Миассе, ряде других городов и населенных пунктов⁴.

Наиболее показательна история с предприятием ООО «Русский вольфрам» в Приморье (монопрофильный поселок Светлогорье), где градообразующее предприятие в 2009 г. пришло в упадок, население, которое в большинстве своем работало на вольфрамовом комбинате, погрузилось в долги и нищету. После этого ситуация в Светлогорье привлекла внимание тогда еще премьер-министра Владимира Путина. На встрече с губернатором (теперь бывшим) Сергеем Дарькиным председатель правительства поручил главе региона «заняться этим по-серьезному». Правоохранительные органы на тот момент с задачей поиска собственника «Русского вольфрама» не справились: по данным прокуратуры Пожарского района Приморья, руководство предприятием осуществляла фирма Capital Management Group, зарегистрированная в офшорной зоне на Сейшельских островах. В отношении же двух арбитражных управляющих, осуществлявших реструктуризацию предприятия, были возбуждены уголовные дела, имущество предприятия арестовано, поэтому новые инвесторы, заинтересованные в приобретении активов и финансовом оздоровлении предприятия, вынуждены были отложить свои намерения⁵.

В подобных условиях борьба с офшорами, объявленная президентом В. В. Путиным в Послании Федеральному собранию – 2013, приобретает новый, по-настоящему державный смысл. По мнению президента, до 1/5 всего товарооборота российских компаний (111 млрд долл. США) приходится на предприятия, зарегистрированные в офшорах, что приводит к большому убытку в экономике. Как сказал В. В. Путин: «Половина из 50 миллиардов долларов российских инвестиций в другие страны также пришлась на офшоры. За этими цифрами – выводы капиталов, которые должны работать в России, прямые потери бюджета страны». Что же касается российской собственности, зарегистрированной под иностранной юрисдикцией, то, согласно выступлению президента, эти компании будут лишены всех имеющихся налоговых льгот, а также будет осуществлен запрет на участие таких компаний в госзаказах и госпрограммах⁶. По нашему мнению, конечной целью данной борьбы может быть изъятие собственности у ряда акционеров градообразующих предприятий в моногородах и возврат этой собственности государству или передача «государственно ориентированному» бизнесу, однако это будет нелегкой задачей, которая может столкнуться с сопротивлением как либеральных сил внутри страны, так и за рубежом.

И здесь возникает, на наш взгляд, одна интереснейшая проблема – насколько моногорода приспособлены к функционированию в условиях развивающейся рыночной экономики. Дело в том, что моногорода появились в царской России, но пик их развития пришелся на расцвет плановой экономики СССР, выражаясь современной терминологией, на доминирование в нашей стране системы «антикапитализма». По мнению известного историка и социолога А. И. Фурсова, «антикапитализм» СССР представлял собой противоположность капиталистической системы в ее основных проявлениях, а именно в проявлениях отношений собственности («власть, очищенная от собственности») и распределении получаемого прибавочного продукта⁷. Денежных средств для развития советских моногородов хватало именно потому, что их активы (собственность, менеджмент, финансы) оставались в юрисдикции СССР («железный занавес»), продукция не прогонялась по офшорным схемам, предприятия были государственными и ими руководили директора – фактически государственные служащие. Поэтому крупные заводы за счет собственных доходов фактически могли содержать средние и небольшие моногорода и поселки (например Магнитогорск, Новокузнецк, Нижний Тагил, Златоуст, Пикалево, Вольск, Череповец и т. д., данный список можно продолжать). В условиях же системного капитализма права собственности и денежные потоки концентрируются в развитых странах или же в их прямой и косвенной юрисдикции, поэтому из российских моногородов, да и из экономики в целом, денежные потоки и права собственности плавно перетекают в страны с развитой рыночной экономикой, фактически оставаясь в России. Поэтому можно утверждать, что российские владельцы градообразующих предприятий часто не отождествляют себя с российским народом или обществом, но стремятся зарабатывать на нем деньги.

Таким образом, в настоящее время остро стоит вопрос о корректировке капиталистической системы, причем этот вопрос выносятся на политическую и социальную мировую повестку прежде всего ведущие идеологи системы капитализма. Например, в своей новой футурологической книге «Краткая история будущего» известный экономист и философ, один из рупоров рыночной экономики Жак Аттали предупреждает – рыночные силы взяли мир в свои руки, они стремятся к устранению национальных государств и могут снести на своем пути все, что им мешает: «Рынок станет единственным законом для всех, породив неприкосновенную гиперимперию рыночных богатств и новых форм собственности, баснословных состояний и крайней бедности. Природа будет нещадно эксплуатироваться. Все станет частным, включая армию, полицию и судебную власть». В качестве альтернативы подобному сценарию он предлагает ограничить рыночные силы

и приостановить процессы глобализации, что приведет к появлению нового свободного мира, гипердемократии: «Мы начнем жить по-новому и созидать вместе»⁸. На наш взгляд, российской власти следует внимательно прислушаться к рекомендациям ведущего идеолога капитализма и сделать определенную корректировку внутренней политики, включая ситуацию с развитием монопрофильных поселений.

В настоящее время просматриваются два сценария в развитии ситуации с моногородами – оптимистический и пессимистический, причем в условиях надвигающейся на Россию второй волны мирового финансового кризиса второй сценарий выглядит более вероятным. Оптимистический сценарий заключается в том, что на государственном уровне победит государственно-консервативная точка зрения и государственная власть в лице федерального правительства и региональных администраций начнет уделять должное внимание монопрофильным поселениям, градообразующие предприятия в моногородах будут реструктурированы, кое-где собственность предприятий будет необходимо изъять у нерадивых собственников. Предприятия получат государственные заказы на свою продукцию, средний и малый бизнес – налоговые льготы, а жители моногородов – реальную социальную поддержку от действующей региональной и муниципальной власти. В каждом моногороде будет реализована комплексная инвестиционная программа по строительству новых предприятий и объектов социальной сферы.

Второй сценарий, неблагоприятный, будет заключаться в следующем. На федеральном уровне победит либеральная точка зрения, в соответствии с которой монопрофильные поселения будут предоставлены сами себе («спасение утопающих – дело рук самих утопающих»). В соответствии с этим никакой поддержки промышленных предприятий в моногородах не будет, основные фонды и инфраструктура станут ветшать, а градообразующие предприятия подвергнутся массовому банкротству. В подобных условиях начнется массовый исход населения из моногородов, молодежь и среднее поколение будут активно уезжать в другие регионы, старшее поколение останется в моногородах, и они реально превратятся в «территорию доживания» (подобные явления уже наблюдаются: например, в уже упоминавшемся Детройте в 1950–1960-е гг., период расцвета американского автопрома, проживало около 2 млн человек, в настоящее время осталось чуть более 700 тысяч. Автомобильная промышленность Детройта пострадала из-за глобальной конкуренции и была вынуждена перенести производственные мощности в другие регионы. Сейчас в Детройте один из высочайших уровней преступности в США, значительные области города брошены людьми)⁹. В истощенных российских моногородах по схожему сценарию

может обостриться ситуация с преступностью, другими асоциальными явлениями. Усиление политической протестной активности вряд ли произойдет, по той причине, что протестовать будет некому. В результате подобной ситуации государство получит гигантские провалы в отношении плотности населения на всей территории, а по пограничным регионам это чревато прямой утратой российских земель.

Несмотря на столь нерадужные перспективы, подобная хронология событий в моногородах представляется вполне вероятной. Тем не менее многое будет зависеть от проводимой экономической политики, от ориентированности ключевых политических фигур на внутренние проблемы государства, от мудрости российского руководства в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Каким образом и по какому сценарию, оптимистическому или пессимистическому, будет развиваться ситуация в российских монопрофильных поселениях – покажут ближайшие годы.

Примечания

- ¹ См.: Перезапуск города моторов. Детройт признан банкротом – крупнейшее банкротство в США. URL: <http://www.gazeta.ru/business/2013/12/04/5782673.shtml> (дата обращения: 04.02.2014).

- ² См.: Гусев В. В. Социальное самочувствие молодежи в российском моногороде (на примере г. Вольска Саратовской области) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология 2013. № 2. С. 3.
- ³ См.: Тажные россыпи. URL: <http://liberea.gerodot.ru/neoglot/rosgold.htm> (дата обращения: 04.02.2014).
- ⁴ См.: Гусев В. В. Российские моногорода: проекты будущего или архаичное наследие прошлого // Власть. 2012. № 10. С. 24.
- ⁵ См.: У «Русского вольфрама» нашелся собственник. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1159424> (дата обращения: 10.02.2014).
- ⁶ Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2013 года. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (дата обращения: 10.02.2014).
- ⁷ См.: Фурсов А. И. Вперед, к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе. («Коллекция Изборского клуба»). М.: Изборский клуб; Книжный мир, 2014. С. 88, 246.
- ⁸ Амтали Ж. Краткая история будущего: пер. с фр. СПб.: Питер, 2014. С. 8–9.
- ⁹ См.: Упадок Детройта // Википедия: [сайт]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 11.02.2014).

УДК 316.37

СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ЛИЧНОСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПОНЯТИЯ

Ю. В. Селиванова, Д. В. Зайцев

Саратовский государственный университет
E-mail: juliaselivanova@mail.ru, dvzsaratov@mail.ru

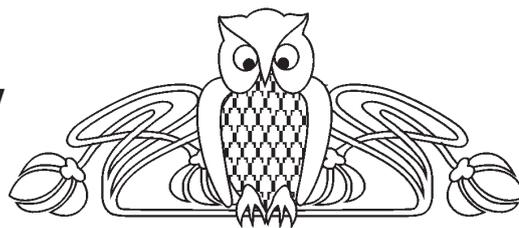
В статье с позиций социологического подхода проводится анализ понятия «социальная интеграция личности». Осуществляется исторический обзор развития данного термина, раскрывается его трактовка с точки зрения разных авторов. Социальная интеграция рассматривается как процесс системного включения индивида в социокультурные отношения посредством организации совместной интерперсональной деятельности с целью удовлетворения комплекса потребностей.

Ключевые слова: социальная интеграция личности, социализация, принадлежность индивида к социальной группе, совместная деятельность, социально-интеграционные процессы, инклюзия.

Social Integration of the Personality: Sociological Approach to Analysis of the Concept

Yu. V. Selivanova, D. V. Zaytsev

The article examines the sociological approach to the analysis of the concept of the personality's social integration. The development of this term from the historical perspective and its treatment by different authors are investigated. Social integration is regarded as the process

of systematic inclusion of the individual into social and cultural relations by means of interpersonal collaboration activities with the aim of satisfying the complex of needs.

Key words: social integration of personality, socialization, identity indie kind of a social group, joint activities, social integration processes, inclusion.

Каждая наука оперирует совокупностью категорий, понятий, которые отражают ее сущностные характеристики, содержательную направленность, а также являются междисциплинарными с учетом многоаспектности, вариативности и контекстуальности социального знания. Именно точность определения категорий, понятий способствует развитию методологии научных исследований, повышению степени достоверности их результатов.

Одним из понятий, социологическая трактовка которого отличается разнообразием мнений, наличием множества подходов, является «социальная интеграция личности». Данное понятие выступает одним из важных в контексте социального развития, социологического познания социальной реальности. Интеграция имма-

нентно присутствует в целевых установках как отдельных личностей, так и целых социальных групп, сообществ. Это определяется ее значимостью для успешной жизнедеятельности индивидов в терминальной и инструментальной перспективе.

Известно, что в социологии категория «интеграция» заимствована из таких наук, как математика, биология, физика. Интеграцию можно рассматривать и как *состояние* связанности отдельных дифференцированных частей в целое, и как *процесс*, ведущий к такому состоянию. Надо отметить, что интеграции сама по себе носит комплексный, междисциплинарный характер и поэтому является общим предметным полем различных наук: философии, социологии, педагогики, психологии, медицины, культурологии.

Процесс социальной интеграции личности исследовался классиками социологии и современными учеными. Проблема социальной интеграции традиционно рассматривалась на социальном и интерперсональном уровнях. Это обусловлено значимостью объединения, консолидации людей для оптимального достижения их личных и общих целей. Методологические подходы и теоретические предпосылки к пониманию интеграционных аспектов социального пространства, анализу социального порядка, социальной интеграции заложены, прежде всего, в фундаментальных классических работах Ф. Армстронга, П. Бурдьё, Э. Гидденса, Б. Малиновского, Т. Парсонса, П. Сорокина, Ф. Тенниса. Развернутый анализ проблем социальной интеграции представлен в аспекте глобализации как макроинтеграционного процесса в трудах У. Бека, И. Валлерстайна, В. Мура, Н. Лумана, Г. Терборна, М. Уотерса. Среди отечественных ученых здесь следует назвать Д. Иванова, М. Лебедеву, Н. Покровского, С. Татунц, М. Халикова.

Несмотря на явный интерес ученых к проблеме социальной интеграции, ее социологическая интерпретация требует продолжения изучения в плане теоретико-методологического оформления понятия, что, в свою очередь, и обуславливает актуальность представленного исследования.

Понятие «социальная интеграция» (от лат. *integratio* – соединение) характеризует процесс объединения частей в целое¹. Взгляды ученых на механизмы интеграции социальных систем претерпели определенную трансформацию. Наличие интеграции социальной системы на базе общих для всех ее членов ценностей и норм было установлено М. Вебером, Э. Дюркгеймом, В. Парето, Р. Парком². Представители функционалистской антропологии – Б. Малиновский, К. Клакхон, А. Радклифф-Браун – довели идею социальной интеграции до представления о полной интеграции общества³. Однако в данном случае нам представляется затруднительным дать ответ на вопрос о том, что выступает объ-

единяющим социальные системы – само общество, или что-то иное.

Э. Гидденс в своей социологической теории трактует интеграцию как упорядоченное взаимодействие между индивидами, социальными группами, построенное на отношениях автономии и зависимости между его участниками⁴. У П. Сорокина сходство индивидов становится фундаментом социально-интеграционных процессов. При этом крайне важна степень данного сходства и его специфика, характерные черты⁵. Общепринятым, в том числе и на повседневном уровне, является мнение, высказанное П. Бурдьё, – «нет ничего более универсального и объединяющего, чем трудности, которые необходимо преодолеть индивидам»⁶.

С точки зрения Д. Торнера, с учетом наличия полиморфизма дифференцированных социальных единиц, можно говорить об имманентности проблем интеграции процессу дифференциации⁷. Ее усиление «сопровождается усовершенствованием процесса интеграции»⁸, что позитивно сказывается на целостности всей социокультурной системы. В этом проявляется цикличность социальных процессов, соотносимых с цикличностью процессов мироздания.

В данном контексте заслуживает внимания социологический подход Т. Парсонса, отмечавшего наличие нормативной и ценностной интеграции и актуализировавшего важную роль социализации в процессе «включения» индивида в общество – в более широкие формы социального интеракционирования⁹. При этом важными становятся способность людей к координации своих усилий, символической унификации и трансформации деструктивных конфликтов в конструктивные (в риторике Л. Козера). Конфликты выступают фундаментом социального развития, в ряде случаев – его целью и итогом. Однако любое рассогласование интересов сменяется консенсусом, который знаменует часто начало нового этапа развития индивида, группы или сообщества.

Соответственно, с учетом социальности всей жизнедеятельности человека, его имманентного стремления к инклюзии в социум, интеграция является целью, насущной потребностью для каждого индивида. Основу интеграции составляют межличностные взаимодействия непосредственного и дистанционного формата. В любом случае объединяющим условием выступает совместная деятельность, в рамках которой происходят установление доверия, взаимная симпатия, принятие. Следовательно, чем выше степень данных процессов, степень выраженности данных состояний, тем выше оказывается степень социальной интеграции, и в таком случае, можно говорить об ее успешности.

По мнению Т. Парсонса, в основе всего этого лежит процесс интернализации культуры того общества, где родился индивид, который «вби-

рает» в себя общие ценности (аксиологические паттерны) в процессе общения со «значимыми другими», или, по П. Бергеру и Т. Лукману, перенимает их от «другого»¹⁰. В результате происходит изменение содержательных характеристик ментальности и как итог – формирование социально-интеграционного сознания, социально-интеграционной направленности личности.

Интеракция лицом-к-лицу, как указывает Р. Бернс, способствует конструированию совокупности представлений человека о самом себе¹¹, осознанию своих собственных физических, интеллектуальных и иных качеств, формированию самооценки, а также субъективного восприятия внешних факторов. Соответственно, социальная среда, группа, общество в целом с позиций интеракционизма (Г. Блумер, Э. Гоффман, Г. Келли, Дж. Г. Мид) являются определяющими факторами специфики процесса социализации индивида. Поэтому можно говорить, что в ходе реализации определенного рода социальных отношений, воздействий, как целенаправленного, так и стихийного характера, из индивида как биотипа формируется социотип¹².

В связи с вышесказанным социальная политика государства должна быть направлена на создание социально-интеграционных условий, сред, развитие культуры эффективного социального включения в различные группы общества, интериоризации (принятия) иных культур, развитие способности к установлению продуктивных практик межличностного взаимодействия на основе «освоенных ранее социальных ролей... и социального статуса, связанного с определенными правами и обязанностями»¹³.

Результаты проведенного теоретического анализа позволяют в качестве приоритетных условий и факторов социально-интеграционных процессов рассматривать ценности большинства, интерперсональные связи, зависимости, практики, консенсус взаимодействия¹⁴. При этом «высота» уровня социальной интеграции, с позиций дюркгеймовой теории солидарности, определяется наличием и степенью выраженности чувства принадлежности индивида к социальной группе на основании совместно разделяемых норм, взглядов, ценностей, убеждений, представлений¹⁵.

Можно сказать, что социальное объединение осуществляется всегда для достижения определенной цели. В случае социально-интеграционной инициативы личности для удовлетворения конкретной (одной) потребности совместная деятельность будет необходимой, так как только она сможет обеспечить устойчивость результата. Если личность одномоментно достигла своей цели (удовлетворила потребность) и «вышла» из межличностного взаимодействия, то это нельзя назвать интеграцией. Именно совместную деятельность и следует считать основой социальной интеграции и ее детерминирующей харак-

теристикой. Однако фундирование социальной интеграции только элементами культурного порядка не является достаточным, что обусловлено полиморфизмом как конкретных людей, так и социальных групп, общностей.

В связи с этим нами предлагается определение понятия *социальной интеграции* как процесса системного включения индивида в социокультурные отношения посредством организации совместной интерперсональной деятельности с целью удовлетворения комплекса потребностей¹⁶.

В рамках данного включения, деятельности возможно формирование объединяющих интересов, важных ценностей, которые в будущем могут составить фундамент социально-интеграционных процессов. В процессуальном контексте последовательность и успешность интеграции индивида определяются множеством факторов, на них влияют, в частности: онтогенетический потенциал личности; собственная активность индивида; семья; среда неформального общения; место жительства, географическое расположение региона; социокультурное воздействие; экономические факторы.

Социально-интеграционный процесс по своей содержательно-структурной сущности изначально бинарен. Это проявляется во взаимных усилиях части и целого, общества и личности к объединению, что может быть взаимовыгодным. Общество в идеале должно создавать условия для успешной интеграции человека, который, в свою очередь, обязан предпринять шаги к максимально эффективному «встраиванию», интрузии в социокультурные отношения. Данный процесс может осуществляться с учетом принципов социальной сплоченности, подробно рассмотренных в трудах М. Алешиной и В. Антоновой¹⁷. Реализация этих принципов и предопределяет успех интеграционных механизмов, эффективность процесса включения человека в общество, а также процесс и результат предоставления индивиду прав, реальных возможностей участия в различных (в том числе доступных) видах и формах социокультурной жизни.

Таким образом, социальная интеграция представляет собой процесс включения индивида в различные социальные группы и отношения посредством организации совместной деятельности (вначале – игровой, затем – образовательной, трудовой, досуговой и т. д.). С позиции индивида данное стремление изначально имманентно (внутренне присуще каждому индивиду). Отношения системности наблюдаются в процессе социальной интеграции вследствие взаимовлияния составляющих ее компонентов и структур, а также их изменений. Понятие «социальная интеграция личности» отражает совокупность различных взаимодействий человека и социокультурной среды. поэтапное линейно-концентрическое развертывание процесса со-

циальной интеграции, стабильное участие в его реализации различных социальных институтов позволяет рассматривать включение индивида в общество как систему.

Примечания

- ¹ Энциклопедический социологический словарь / под общ. ред. Г. В. Осипова. М. : Изд-во ИСПИ РАН, 1995. С. 233.
- ² См., например: *Park R. Assimilation // Introduction to the Science of Sociology / ed. by R. Park and E. Burgess. Chicago ; L. : Chicago Univ. Press, 1969. P. 734–739.*
- ³ См.: *Седов Л. А. Концепции социальной интеграции // Энциклопедический социологический словарь. С. 318.*
- ⁴ См.: *Гидденс Э. Устроение общества : Очерк теории структуризации. М. : Академический проект, 2005. С. 74.*
- ⁵ См.: *Сорокин П. А. Социальная аналитика. Анализ элементов взаимодействия // Теоретическая социология : Антология : в 2 ч. : пер. с англ., фр., нем., ит. / сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М. : Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 2. С. 144.*
- ⁶ *Бурдые П. Опыт рефлексивной социологии // Там же. С. 374.*
- ⁷ См.: *Тернер Д. Аналитическое теоретизирование. Процессы интеграции // Там же. С. 237.*
- ⁸ *Ярская-Смирнова Е. Р. Социокультурный анализ не типичности. Саратов: Изд-во СГУ, 1997. С. 120.*
- ⁹ См.: *Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с*

англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева ; под ред. М. С. Ковалевой. М. : Аспект Пресс, 1998. С. 15–17.

- ¹⁰ См.: *Парсонс Т. Функциональная теория измерения // Американская социологическая мысль / под ред. В. И. Добренкова. М. : Изд-во МУБиУ, 1996. С. 474–476 ; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М. : Медиум, 1995.*
- ¹¹ См.: *Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание : пер. с англ. М. : Прогресс, 1986. С. 45.*
- ¹² См.: *Зиммель Г. Социальная дифференциация // Тексты по истории социологии XIX–XX вв. М. : Наука, 1994. С. 339.*
- ¹³ См.: *Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 109.*
- ¹⁴ См.: *Аберкромби Н., Хил С., Тернер Б. С. Социологический словарь / пер. с англ. под ред. С. А. Ерофеева. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1997. С. 108 ; Giddens A. Central problems in social theory : Action, structure and contradiction in social analysis. L. : Macmillan Press, 1979. P. 77.*
- ¹⁵ См.: *Дюркгейм Э. Самоубийство. М. : Мысль, 1994.*
- ¹⁶ См.: *Зайцев Д. В. Социальная интеграция детей с инвалидностью. Саратов : Научная книга, 2003. С. 31.*
- ¹⁷ См.: *Алешина М. В. Социальная сплоченность : концептуализация понятия и социальные реалии. М. : Изд-во ООО «Вариант», 2013 ; Антонова В. К. Мультикультурализм как фактор усиления социальной природы государственной службы в США и Канаде // Управление общественными институтами и процессами в России : вопросы теории и практики. Саратов : Изд-во ПАГС, 2002. С. 185–190.*

УДК 316.4

СПЕЦИФИКА ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В СТРУКТУРЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА

Е. В. Сайганова

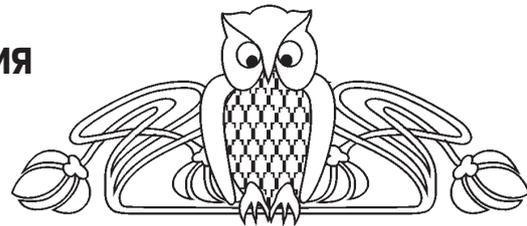
Саратовский государственный университет
E-mail: SaiganovaEV@yandex.ru

В статье рассматриваются основные причины и факторы избирательной активности и пассивности молодежи в избирательном процессе. Проводится анализ электоральной активности молодежи на базе опроса организаций и социологического исследования. **Ключевые слова:** процесс выборов, избирательная активность, электоральная пассивность, электоральное поведение молодежи.

Specificity of electoral behavior of youth in the structure of political culture of society.

E. V. Saiganova

The article discusses the main reasons and factors of electoral activeness and passiveness of the youth in the election process. The research is carried out the analysis of electoral activity of youth, conducted the survey of organizations and sociological research.

Key words: election process, electoral activity, electoral inactivity, electoral behavior of the youth.

Современный этап экономического и социального развития влечет за собой многоплановые изменения ценностных ориентиров всех социальных групп общества, и в частности молодежи. Молодежь как особая социально-демографическая группа в возрасте от 14 до 30 лет¹, проходящая стадию социализации, составляет примерно пятую часть населения страны. Это поколение, которое обеспечивает сохранение целостности нашего общества, принимая активное участие в его преобразовании на основе своего инновационного потенциала.

Реализация в общественной жизни молодежи непосредственно зависит от целенаправленной политики государства по обеспечению эффективной деятельности всех ее институтов на данном

этапе. Дезинтеграция старой системы традиционных институтов общества (семьи, государства, системы образования, культуры и др.) привела к трансформации у молодого поколения социально значимых ценностей и норм поведения в обществе и проявилась в ряде негативных показателей, таких как: нигилизм, абсентеизм, ухудшение физического и нравственного здоровья молодежи, расширение границ девиантного поведения и др. Вместе с тем среди способов интеграции и реализации энергии и потенциала, объективно присутствующим молодым людям, увеличилось значение таких институтов социализации, как общественные объединения и молодежные учреждения, являющиеся неперенным элементом гражданского общества. Активность молодежи, проявление и формирование ее гражданской и жизненной позиции, желание участвовать в принятии различных государственных решений – это залог дальнейшего процветания страны.

Однако, если обратиться к практике проведения выборов на различных уровнях власти, то можно проследить, что активность молодежи в роли молодого избирателя за последнее время значительно снижается. Существует ряд причин, которые оказывают влияние на электоральное отчуждение молодежи, можно перечислить несколько из них: психологические, исторические, социальные, экономические и др. В российской политической науке их подразделяют или объединяют в три основные группы: правовой нигилизм или абсентеизм, недоверие к властным структурам, негативная социальная адаптация. Таким образом, становятся необходимыми выработка и проведение комплекса мероприятий по формированию политико-правовой культуры молодого поколения, преодолению и переосмыслению ее электоральной пассивности, выстраиванию диалога между молодым поколением и органами власти не только на федеральном, но и на региональном уровне.

Рассматривая и проводя анализ теоретических разработок и эмпирических данных, можно выявить противоречия в заинтересованности общества и самих органов государственной и региональной власти в сознательном и эффективном участии молодежи в электоральных процессах и дезориентированности мотиваций молодежного участия. На данном этапе ведется огромная работа разными учеными для выявления факторов, которые оказывают влияние на молодежный электорат, следовательно, и формируют избирательную культуру молодежи, для применения и совершенствования механизма управления избирательным поведением молодежи.

Электоральное поведение можно определить как изменение в численности и удельном весе отданных голосов за партии или кандидатов на выборах. Поведение электората изучается на основании электоральной активности, статистические данные собираются и обрабатываются,

что непосредственно в социологической сфере предполагает исследование самого процесса формирования выбора и факторов, влияющих на него, на сохранение избирателями своих предпочтений или отказ от них, а также обстоятельств, определяющих окончательный выбор избирателей, не имеющих устойчивый политических предпочтений. Электоральное поведение в таком понимании может анализироваться как объективными (различными характеристиками социального положения), объясняющими специфику поведения отдельных групп, так и субъективными (самоидентификация с политическими партиями, символами, идеологиями, восприятие отдельных в данный момент политических проблем, воздействие средств массовой коммуникации, личного общения и др.) факторами².

*Электоральное поведение – это совокупность действий и поступков граждан, связанных с осуществлением местных или общенациональных выборов в органы власти, а также их участием в референдумах*³. Огромное значение при изучении и проведении исследования по электоральной активности на данном этапе имеет участие различных слоев населения региона в избирательном процессе, в особенности это касается молодых избирателей. Здесь говорится не только о самой явке на избирательные участки, но и о сознательном выборе и умении использовать инструмент выборов для отстаивания собственных интересов и достижения социальных целей. Исследуя электоральное поведение молодежи, мы в той или иной степени изучаем и специфику молодежной избирательной культуры, определяем основные тенденции ее развития. Это позволяет сформировать ясное представление о молодежи как субъекте политики в современном российском обществе, предложить концептуальные решения проблемы ее социальной субъективности в целом. Проводя и исследуя электоральное поведение молодежи на региональном уровне, необходимо учитывать не только состояние дел в молодежной среде, но ее предпочтения и ориентиры.

Важными или даже одними из главных показателей являются степень заинтересованности политикой и участие в ней, а также самоидентификация молодежи с политическими силами в современной России. Все эти аспекты позволяют выяснить отношение молодежи к политике, выступающей в качестве одного из главных инструментов в механизме реформирования общества. Молодежь не торопится вступать в ряды политических партий. Молодых людей сложно бывает обмануть, так как они очень чувствительны, замечают все, что происходит в обществе. Возможно, какая-то часть и идет в политику ради денег и красивой оболочки, но для большинства важнее собственные убеждения.

Однако молодежь не всегда индифферентно относилась к участию в политическом

процессе. Например, в 1995–1996 гг. в России наблюдался пик молодежной активности. Молодые люди вступали в политические партии, и это считалось даже престижным. Нынешняя же политическая ситуация в стране заставляет молодежь задуматься над многими вопросами: способен ли депутат самостоятельно принимать решения, выступать с законодательными инициативами, что он вообще может сделать? Также на политическую активность молодежи влияет вера в соблюдение государством законов и правил⁴.

Если в советское время молодому поколению прививали политическую культуру и ему не были безразличны события, которые происходили в жизни страны на различных этапах развития, то в настоящее время молодежь не доверяет политике и политикам, что и проявляется в нежелании участвовать в выборах. Также заметно снижается интерес к событиям, происходящим в стране.

Представители современного молодого поколения в свободное время занимаются в основном тем, что сидят дома возле своих компьютеров, смотрят телевизор, читают книги и газеты. Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что современное поколение молодежи ведет пассивный образ жизни, что напрямую отражается на политической активности. Значительно высокий процент молодежи редко ходит на выборы в органы власти различного уровня. Многие посещают избирательные участки ради интереса. Как выяснилось, наиболее политически пассивным населением на данном этапе развития российского общества являются представители молодежи мужского пола.

Один из важнейших факторов, способных подтолкнуть молодых людей к активным гражданским действиям, – уверенность в том, что они в силах что-то изменить. В сегодняшних условиях неуверенных оказывается больше. В настоящее время в России сформировалась устойчивая группа пассивных людей, согласных с целями, которые провозглашает общество, и со средствами их достижения. В данной группе содержится наибольшее количество представителей молодого поколения. Несмотря на то, что эти люди как раз и являются залогом стабильности общества, бороться за свои права они вряд ли станут. И лишь незначительная часть захочет участвовать именно в политической деятельности⁵.

Нежелание молодежи посещать избирательные участки во время выборов в органы власти различного уровня проявляется в недоверии к предложенным кандидатурам. На настоящий момент наибольшее количество респондентов выделяют среди политических деятелей, внушающих доверие, президента, молодежь уважает и гордится им, но и президенту следует больше уделять внимания молодежи, а также приорите-

там молодежной политики. Тогда, возможно, и молодые проявляли бы себя активнее.

Что касается доверия либо недоверия молодых людей в соблюдение законов и правил, по которым в настоящее время проводятся выборы в органы власти различного уровня, то можно говорить, что большинство представителей современной молодежи в основном не верят в соблюдение данных законов и правил. Основной причиной своего недоверия респонденты отмечают коррумпированность структуры; считают, что соблюдение законов и правил организации и проведения выборов являются недействительными, а также что все заранее решается до выборов, не давая права выбора избирателям.

Относительно проявления интереса к деятельности органов государственной власти можно констатировать, что наибольшее количество современной молодежи периодически интересуется происходящим. Наиболее распространенным источником получения информации о политической ситуации в стране являются средства массовой информации, что характерно для развивающегося информационного общества в России.

Участие в деятельности политических партий, движений общественных организаций, безусловно, влияет на политическую активность молодежи. В настоящее время в нашей стране существует множество различных политических партий. Участие в деятельности политической партии также является одной из форм проявления политической активности. Однако большинство представителей молодого поколения не принимает активного участия в общественной и политической жизни нашей страны. Это связано с тем, что молодежь не становится членами различных общественных организаций и политических партий и, соответственно, не участвует в их деятельности.

В основном, проявлением активности современной молодежи, является участие в различных политических и общественных мероприятиях: коллективном благоустройстве подъездов, домов, детских площадок, а также в сборе средств, вещей для людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. И поступают так в большей части по личным убеждениям. Следует отметить, что молодежь практически в одинаковой степени как одобряет, так и не одобряет отношение органов государственной власти к молодежи.

Одним из важных индикаторов, характеризующих политическую активность населения региона, является намерение участвовать либо не участвовать в голосовании. Участие в голосовании – это свидетельство об уровне развития политической культуры в обществе и определяющий фактор исхода выборов. При низкой явке – менее половины от списочного состава избирателей – выборы признаются несосто-

явшимися и объявляются повторные со всеми вытекающими политическими, финансовыми и прочими издержками. Большинство мужского населения Саратовской области планирует обязательно участвовать в выборах (57%), 24% от общего числа опрошенных скорее всего пойдут голосовать, 6% скорее всего не пойдут голосовать, ни при каких обстоятельствах не пойдут голосовать 11%, 2% затруднились ответить. У женщин политическая активность выше: 75% респондентов обязательно будут участвовать в выборах, 14% скорее всего пойдут голосовать, 5% скорее всего не пойдут на выборы и 5% женщин отказываются в них участвовать, 1% от общего числа ответивших не определились с данным вопросом. Распределение ответов респондентов относительно намерений участвовать в голосовании показывает, что в той или иной степени свое участие в голосовании допускают порядка 81% мужчин и 89% женщин. При этом явка избирателей на выборы по факту обычно бывает на 15–20% ниже, чем по данным опросов общественного мнения.

Вопрос информированности избирателей о выборах имеет ключевое значение, поскольку от ответа на него зависит их электоральная активность. Возраст респондента также влияет на уровень осведомленности о предстоящих выборах. Наиболее информированы о политических событиях люди в возрасте 30–45 лет (43%), на втором месте – 46–60-летние (31%), на третьем – 18–29 лет (16%) и на последнем месте – население в пожилом возрасте (61 год и более), их 10%. Среди частично информированных также большинство людей в возрасте 30–45 лет, они лидируют во всех трех категориях (45%). Практически поровну голоса распределились между населением в возрасте 46–60 и 18–29 лет (27 и 22% соответственно). Менее осведомленными оказались вновь люди в возрасте 61 год и более (6%).

Впервые услышали о выборах 44% людей в возрасте 30–45 лет, 31% – 18–29 лет, 19% – 46–60 лет, 6% – 61 год и более. Таким образом, во всех трех группах населения по уровню информированности лидирует население в возрасте 30–45 лет, оно наиболее активно в политических вопросах. Также среди полностью осведомленных большой процент людей 46–60 лет. Обратная ситуация с молодыми людьми, их количество увеличивается в группе неосведомленных⁶.

В современной политической науке присутствуют представления о том, что электоральный выбор имеет не столько устойчивый и закономерный, сколько случайный, стохастический характер. Е. Г. Морозова отмечает в связи с этим, что в России зачастую специалисты либо отрицают всякую предсказуемость итогов голосования, либо утверждают, что результаты выборов абсолютно прогнозируемы, ибо прямо зависят от сумм, вложенных кандидатами,

степени искушенности нанятых ими команд профессионалов, доступа к средствам массовой информации и административным рычагам власти.⁷ Эта категория отражает политические ориентации населения и предугадывает исход выборов.

Разные возрастные группы населения имеют разную политическую активность и разные политические предпочтения. Наиболее активными в политических вопросах и осведомленными о политических событиях оказалось население, работающее в государственных структурах – здравоохранении, образовании, культуры и т. д. При этом, наоборот, неактивными в политических планах и неосведомленными о выборах оказались учащиеся и студенты, что объясняется их возрастом, импульсивностью и другими интересами, характерными для данной социальной группы. Электоральные предпочтения являются одним из главных показателей политической активности населения, особенно в среде молодых людей. Это происходит, на наш взгляд, в связи с тремя основными негативными факторами, выявленными в процессе опросов населения: правовой нигилизм, недоверие к власти, негативная социальная адаптация.

Делая выводы, хотелось бы отметить, что исследование электорального поведения вообще и по молодежи в частности имеет огромное значение для создания в России развитого демократического общества. Понимание и отношение молодежи к выборам дает возможность определить приверженность молодого поколения к демократическим ценностям. Накопленный потенциал правового воспитания молодежи и формирования у нее правовой культуры пока очень малы не только на государственном уровне, но и на муниципальном. Данным вопросом должны заниматься все уровни и органы власти, начиная от государственной до муниципальной, и только тогда мы сможем увидеть интеграцию молодежи в электоральный процесс. Необходимо, и незамедлительно, менять отношение молодого поколения к политике. Только когда молодежь будет чувствовать себя реальным участником и субъектом всех происходящих процессов в нашей стране, молодежная политика займет свое место в России не формализовано, а фактически.

Примечания

- 1 См.: Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации : распоряжение Правительства РФ от 18 декабря 2006 г. № 1760-р. Доступ из Справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 2 См.: Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред.-координатор Г. В. Осипов. М., 2000.

- ³ См.: Бетехтина А. В., Олухов Н. В. Электоральное поведение молодежи : почему молодежь не ходит на выборы? // Вопросы Управления. 2012. № 3(20). С. 82.
- ⁴ См.: Шаталова Е. Гражданская активность молодежи. URL: <http://www.asi.org.ru> (дата обращения: 14.03.2014).
- ⁵ См.: Политические проблемы современного общества : сб. науч. ст. Саратов, 2006.
- ⁶ См.: Региональные трансформации: социологический мониторинг (Информационный бюллетень ЦРСИ СГУ) Саратов, 2013.
- ⁷ См.: Морозова Е. Г. Политический рынок и политический маркетинг : концепции, модели, технологии. М., 1999.

УДК 316.25

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ТЕНДЕНЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ И МОЛОДЕЖИ

О. В. Мунина

Саратовский государственный университет
E-mail: Munina-DevinaOV@yandex.ru

В статье раскрываются социально-исторические предпосылки и научно-идейные традиции исследования отклоняющегося поведения, оценивается их познавательный и социально-практический потенциал, а также перспективы применения в качестве базиса социологического анализа отклоняющегося поведения подростков и молодежи в современном российском обществе.

Ключевые слова: молодежь, поведение, отклоняющееся поведение.

The Oretical and Methodological Traditions and Trends the Study of Deviant Behaviour Adolescents and youth

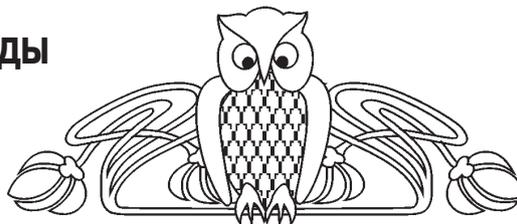
O. V. Munina

The article describes the socio-historical background and scientific-ideological tradition of the study of deviant behaviour, evaluated the cognitive and socio-practical potential and prospects of application as the basis of sociological analysis of deviant behavior of teenagers and youth in the modern Russian society.

Key words: young people, behavior, deviant behavior.

В условиях современного российского общества наблюдается трансформация статусных характеристик молодежи. Новое поколение превращается в дискурс, одновременно обсуждаемый учеными, политиками и журналистами. Специалисты начинают говорить о «новой молодежной эре» – эпохе, когда молодежь изменяет характер всей мировой культуры, а наиболее востребованным товаром становится сама «идея молодости»¹.

В эпицентре государственного и общественного интереса молодежь оказалась не в последнюю очередь в результате ее социально-политических выступлений в конце XX– начале XXI в. Старт реального понимания важности молодежного вопроса был дан в ноябре 2004 г. событиями «оранжевой революции» на Украине. Последние события, происходящие в этом государстве,

только актуализировали молодежную проблематику и наглядно продемонстрировали, что недостаточное внимание к молодежи может превратить ее в фактор дестабилизации общества.

Поскольку молодежь во многом предопределяет векторы происходящих в современном обществе процессов, от ее социального самочувствия и поведения зависит не только экономическое и социальное развитие страны, но и ее безопасность и стабильность. По этой причине крайне актуальным стало изучение отклоняющегося поведения подростков и молодежи, тенденции которого в последние годы характеризовались определенными изменениями. Статистика зарегистрировала незначительное снижение количественных показателей отклонений в поведении несовершеннолетних и молодежи, но при этом сами исследователи отметили их качественную трансформацию, а именно значительное омоложение наркотизации, рост числа умышленных убийств и случаев нанесения тяжких телесных повреждений, совершенных несовершеннолетними, причем в большинстве случаев их действия характеризовались исключительной жестокостью по отношению к своей жертве².

Развитие научного знания в рамках теоретико-методологического плюрализма обусловило необходимость критического анализа существующих подходов к исследованию отклоняющегося поведения, выявления их эвристических особенностей и возможностей применения к изучению отклонений в социальном поведении в России последних двух десятилетий.

Прежде чем перейти к оценке познавательного и социально-практического потенциала имеющихся направлений, отметим, что под термином «отклоняющееся поведение» в науке понимается поведение, получившее такую оценку общественного мнения ввиду несоответствия официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе социальным нормам. Следовательно, отклоняющееся пове-

дение представляет собой результат социальной оценки, социальный конструкт, зависящий от социального контекста.

Интерес исследователей к отклоняющемуся поведению имеет давние и глубокие традиции. История развития общественной мысли показывает, что люди издавна задумывались о сущности и причинах отклонений от общепринятых норм, а сами представления об отклоняющемся поведении постоянно расширялись, углублялись и уточнялись. Каждая новая ступень в развитии суждений об отклонениях в поведении возникала на основе уже существующих с удержанием всего ценного, что было накоплено раньше.

В мифологических системах наблюдались попытки осмысления проблемы истоков происхождения правильного и неправильного в человеческих отношениях и поступках. Для мифологии, в частности, было характерно развитие представлений о божественной интерпретации «нарушений меры». Согласно положениям древнеиндийского правового памятника – Законов Ману – различие правильного и неправильного (дхармы и адхармы) есть результат действия божественного творца. В Законах Ману также шла речь об изменчивости дхармы и адхармы от эпохи к эпохе, смене основных (эпохальных) принципов образа жизни и поведения, кроме того, отмечалась тенденция движения от дхармы к адхарме³. Следовательно, уже тогда была подчеркнута относительность и изменчивость норм и отклонений.

В эпоху Античности изучение причин отклоняющегося поведения вышло на уровень теоретических разработок. Демокрит, Протагор, Сократ, Платон, Аристотель, Эпикур и другие представители античной философии заложили основы понимания происхождения и роли нравственности, морали, права и законов, смысла социальных норм и социальных отклонений⁴.

Творчество римских юристов, как и само римское право, оказало большое влияние на последующие представления о системе и роли норм, социальной регуляции в целом, соотношении различных видов социальных норм, форм и средств реагирования на отклоняющееся поведение⁵.

Богословские доктрины и теологические концепции, господствовавшие в Средневековье, наложили отпечаток на существующие учения о социальных нормах и отклонениях, о праве, законе, преступлениях и наказаниях⁶. Отклоняющееся поведение той эпохи носило характер ереси, антирелигиозного действия, прямого или косвенного отклонения от истинной веры и ее требований⁷.

В период Нового времени в рамках зародившегося светского мировоззрения были созданы рационалистические концепции общественной жизни. Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Б. Спиноза, Г. Гроций предложили естественные законы су-

ществования государства, предприняли попытки выявления специфики соционормативных сфер и средств регуляции.

Рационалистический и гуманистический подходы к проблематике социальных норм и отклонений наиболее ярко и отчетливо были представлен в творчестве представителей эпохи Просвещения. Ш. Л. Монтескье в своих трудах уделял особое внимание логике происхождения и действия соционормативных регуляторов, определению «духа законов» (закономерного в социальных нормах). Основные причины нарушений социальных норм он видел в способности заблуждаться и подверженности человека влиянию страстей⁸.

Ж. Ж. Руссо все формы отклонений от социальных норм считал порождением и неизбежным результатом появления частной собственности, углубления неравенства между людьми и расколом общества на богатых и бедных. За разного рода аморальные действия, правонарушения и преступления, по его мнению, ответственность должно нести общество, их породившее. Выход из социального тупика Руссо видел в радикальной реорганизации существующих общественных отношений, государства и права⁹.

Итальянский юрист Ч. Беккариа – основоположник «классической школы» в уголовном праве – полагал, что разумные законы являются главным средством преодоления существующих социальных недостатков¹⁰.

На мудрого правителя, разумные законы и надлежащее воспитание людей делали ставку выдающиеся французские материалисты и просветители XVIII в. К. Гельвеций, Д. Дидро и П. Гольбах. Умелое управление человеческими страстями и интересами они считали важной целью политики и средством предотвращения социальных отклонений, порожденных невежеством людей¹¹.

Французские материалисты также обращали внимание на роль имущественного неравенства, собственности и частных интересов в формировании социально-политических институтов, норм и ценностей, стремились выявить влияние этих факторов на характер человеческих поступков, механизм поведения людей. Мысль о социальной обусловленности позиций и действий человека наиболее отчетливо прослеживается в работах П. Гольбаха, который рассматривал человека как продукт общества, окружающей социальной среды. В этой среде преимущественное и в конечном счете решающее значение он придавал идеологическим и политико-правовым факторам (общественному мнению, нравам, форме политического правления, надлежащему качеству законов)¹².

Глубокая теоретическая разработка вопросов социальных норм и отклонений в контексте философских учений о природе и обществе, государстве и праве, морали, религии и эстетике

была осуществлена представителями классической немецкой философии, и прежде всего И. Кантом, И. Г. Фихте и Г. Гегелем.

Проблематику социальных норм и отклонений от них И. Кант разрабатывал во всемирно-историческом масштабе, применительно не только к отношениям внутри общества, государства, но и к международному и межгосударственному общению – в перспективе движения к установлению вечного мира между народами¹³.

И. Г. Фихте все социальные отклонения классифицировал в религиозной категории «греховность», причем степень этой «греховности» (ее нарастания или убывания) служила принципом различения и типологизации исторических эпох. Основные средства для преодоления социальных пороков он видел в надлежаще организованной социальной действительности. В этой связи среди социальных задач и мероприятий государства Фихте называл такие, как всеобщее распространение культуры, содействие развитию промышленности, сельского хозяйства, увеличение материальных благ, обеспечение всех необходимыми средствами существования и досугом для духовных занятий.

Большое внимание соционормативной проблематике уделял Г. Гегель. В его трактовке все социальные нормы являются условиями свободы, объективированной как право, а все социальные отклонения – проявлениями неразумной и несвободной воли¹⁴.

В XIX–XX вв. исследователи предложили множество объяснений отклонений в поведении, каждое из которых имело свой собственный угол зрения на феномен отклоняющегося поведения. Традиционно все многообразие общих и частных теорий отклоняющегося поведения сводится к трем типам: биологические теории, психологические и социологические.

Большинство биологических теорий создавалось в рамках криминологического изучения общества. Первые научные попытки исследования отклоняющегося поведения биологами появились в конце XIX в.; биологическому направлению было присуще объяснение отклонений от социальных норм естественными, в том числе и наследственными свойствами человеческого организма.

Традиционно родоначальником биологического направления считается итальянский ученый Ч. Ломброзо. Основными детерминантами склонности к отклоняющемуся поведению он считал наследственно-биологические факторы (например особое строение черепа), подкрепленные воздействием внешних условий. Следует сказать, что Ломброзо одним из первых обратил внимание на полипричинную обусловленность отклоняющегося поведения, но, к сожалению, он не смог достаточно четко сформулировать связь отклоняющегося поведения с объективными социальными факторами¹⁵.

В последующих разработках представителей биологического направления воспроизводство отклоняющегося поведения связывалось с такими факторами, как наследственность, физическая конституция (Э. Кречмер, У. Шелдон), гормоны (М. Шлапп), хромосомы (П. Джекобс). Результаты, полученные исследователями, лишней раз доказали, что биологическая предрасположенность к различным формам отклоняющегося поведения проявляется при наличии соответствующего влияния социальной среды¹⁶.

Психологические теории западных и отечественных исследователей раскрывают роль социально-психологических и индивидуально-психологических факторов отклоняющегося поведения. Данные концепции подразделяются на теории, использующие подходы психологии личности, и социально-психологические теории. Первые связывают отклоняющееся поведение с внутриличностным конфликтом, саморазрушением личности, блокированием личностного роста. С точки зрения вторых, поведенческие отклонения являются результатом устойчивых закономерностей психологических механизмов, которые формируются и проявляются под влиянием взаимодействия человека с другими людьми.

Особое место среди психологических концепций отклоняющегося поведения занимают психоаналитические теории, основоположником которых является З. Фрейд. Основным источником отклоняющегося поведения, по Фрейду, – постоянный конфликт между бессознательными влечениями (инстинктивной порочной природой человека, образующей структуру «Оно») и существующими ограничениями (моральными нормами и ценностями, растворенными в «Я» и «Сверх-Я»)¹⁷.

Последователи З. Фрейда произвели социологическую модификацию классического психоанализа. Они считали, что все типы проявлений психики есть эффект погружения человека в определенную социокультурную среду¹⁸. Следует сказать, что отечественная психология (Л. С. Выготский, Л. И. Божович, А. Н. Леонтьев и многие другие) также отстаивала позицию, что склонность к отклоняющемуся поведению формируется при участии и под воздействием других людей, но не путем простого усвоения, а в результате сложного взаимодействия социальных и внутренних психофизических задатков¹⁹.

Представители бихевиоризма (Б. Скиннер, Д. Уотсон) доказывали, что окружающая среда полностью определяет поведение человека. Теория социального научения, выделившаяся из бихевиоризма, рассматривала отклоняющееся поведение как результат социальных взаимодействий, в ходе которых люди научаются моделям поведенческих отклонений и получают соответствующие стимулы, способствующие научению и закреплению реакций в виде отклоняющегося

ся поведения (например, одобрение со стороны представителей референтных групп, материальная выгода, викарный опыт). Крупнейшим представителем теории социального научения является А. Бандура, исследовавший прямое (на собственном опыте) и викарное (на основе наблюдения за другими) научение отклоняющемуся поведению²⁰.

По мнению представителей когнитивной психологии, некоторые отклонения в поведении могут быть связаны с феноменами конформности и подчинения авторитету, искажающими индивидуальную оценку ситуации и создающими условия для отклоняющегося поведения. Д. Филлипс пришел к выводу, что в ситуациях неопределенности (внутренняя неуверенность, отсутствие ясных идеалов, ценностей, высокий уровень тревожности, сложные, нестандартные ситуации) люди склонны копировать реакцию окружающих²¹.

Психологи обратили внимание также на то, что поведение человека в толпе резко меняется (феномен социального агрегата). По мнению Г. Лебона, автора теории заражения, люди, составляющие социальный агрегат (большую, неорганизованную группу, состоящую из множества разных людей, объединенных какой-либо целью), теряют чувство ответственности за свои поступки²². Действующие в агрегате эффекты заражения способствуют мгновенному распространению моделей отклоняющегося поведения.

Социологическое объяснение отклоняющегося социального поведения фокусируется на социальных и культурных факторах, предопределяющих отклонения в поведении.

У истоков возникновения социологических теорий отклоняющегося поведения и развития статистических и конкретно социологических методов исследования стояли А. Кетле («Социальная физика или опыт исследования о развитии человеческих способностей», 1835) и К. Герман («Изыскание о числе самоубийств и убийств в России за 1819 и 1820 годы»), которые в своих работах предприняли попытку обобщения эмпирических данных с целью выявления закономерностей воспроизводства отклоняющегося поведения.

Основания методологического анализа отклоняющегося поведения были заложены в трудах Э. Дюркгейма «Метод социологии» (1895) и «Самоубийство» (1897), а затем получили развитие в работах Р. Мертона. Э. Дюркгейм ввел в научный оборот понятие «аномия», Р. Мертон, используя данный термин, разработал теорию структурной напряженности, в которой интерпретировал отклоняющееся поведение как результат несогласованности между порождаемыми культурой целями и социально-организованными средствами их достижения.

Можно сказать, что теоретико-методологические проблемы отклоняющегося поведения достаточно активно разрабатывались в западной

социологии. К. Маркс, У. Томас, Ф. Знанецкий, Т. Селлин, Э. Сатерленд, К. Шоу, Г. Мак-Кей, Д. Рисмен, Г. Блох, Э. Лемерт, А. Коэн, У. Миллер, Л. Оулин, Р. Клауорд, Г. Беккер, Д. Матца, Г. Сайкс, Л. Уилкинсон, Р. Дубин, Т. Парсонс, Р. Макайвер, Т. Хирши, Д. Кресси, Д. Глейзер, Ф. Танненбаум, Э. Гофман, Д. Волш, О. Турк, У. Янг, Р. Квинни предложили различные социологические теории отклоняющегося поведения, в которых обозначили отдельные его характерные черты и причины: социальную дезорганизацию, конфликт между нормами культуры, культурную трансмиссию и делинквентные субкультуры, реакцию общественности и стигматизацию, социальный конфликт, социальные изменения и т.д.²³

Проведенный анализ дает основание говорить о том, что к настоящему времени в научной литературе имеется большой опыт исследования отклоняющегося поведения, но ни одно из рассмотренных теоретических построений не объясняет всех его видов. Отдельные теории объясняют лишь отдельные стороны данного сложного явления. Это связано с тем, что любая теория представляет собой лишь модель, упрощение той реальности, которую она объясняет. Постигая реальность, теория выделяет некоторые ее характерные черты, отбрасывая остальные. Это необходимо, поскольку реальность, а особенно социальная, невероятно сложна, и учет всех ее черт и качеств не всегда возможен. Поэтому описание реальности, даваемое той или иной теорией, всегда схематично.

Несмотря на присущие теориям различия, они не являются взаимоисключающими – каждая концепция высвечивает какой-то один важный фактор отклоняющегося поведения, и лишь совокупность теоретических моделей, в том числе и противоположных, способна стать основой нового знания об отклоняющемся поведении. Обязательным условием применения концепций должна стать их адаптация к существующим условиям, к конкретной социальной среде.

Кроме того, большинство теорий, за исключением некоторого числа (теории аномии и теорий дезорганизации, возникших на основе первой), так или иначе апеллирует к стабильному обществу, в то время как концептуально-методологические изменения современной науки, связанные с активным внедрением в социальное познание идей и методов синергетики, привлекли внимание исследователей к нестабильным (бифуркационным) открытым системам. По причине этого четко определились тенденции научной интерпретации отклоняющегося поведения в условиях общества риска (среди огромного массива публикаций на тему риска в этой связи можно отметить работы У. Бека, М. Дугласа, С. Лаша, Н. Лумана, А. П. Альгина, С. М. Никитина, Н. Л. Смакотиной, О. Н. Яницкого)²⁴.

Общество риска в социологической науке определяется как особый способ организации

жизнедеятельности людей, соответствующий условиям риска. В подобном обществе влияние риска распространяется не только на организованные формы жизнедеятельности, но и на глубинные слои сознания и на ситуативную мораль в обществе, которая передается молодому поколению.

Риск современного российского общества обусловлен его непрекращающимся транзитом, динамикой ценностных ориентаций, потребностей и интересов, на основе которых выстраиваются и перестраиваются качества личности. Ценностные асимметрии, характерные для современного общества и его институтов, вносят свои акценты в проблему социализации молодежи и ее адаптацию к условиям социума. Кроме того, общие и специфические условия деятельности и социального опыта преломляются в сознании людей и по-разному проявляются в их реальном поведении (различия в структуре ценностных ориентаций и жизненных ценностей молодых людей выступают причиной существенных отличий в поведении одного молодого человека от другого).

Проблемы риска применительно к молодежной среде освещаются в работах М. Янга, Т. Шуллера (риски, связанные с возрастной дискриминацией молодежи), Л. Махачека, С. Ковачевой, Р. Уайта (риски, связанные с социальным неравенством), П. Аллата, Дж. Байнера (риски, связанные с социальным исключением), Д. Н. Аштона, Б. Коллса, Р. Макдональда, У. Нэйгела, Э. Ферлонга, К. Эванса, К. Уолласа, Д. Филда, Л. Чизолма (риски, связанные с самореализацией и социальной мобильностью молодых людей).

Подводя итоги обзора теоретико-методологической базы исследований отклонений в поведении индивида, мы можем отметить следующее: анализ отклоняющегося поведения подростков и молодежи в современном российском обществе должен предполагать комплексный междисциплинарный подход, синтез всего разнообразия различных теоретико-методологических концепций и их адаптацию к изучаемой достаточно подвижной, бифуркационной социальной реальности.

Примечания

- 1 См.: *Омельченко Е.* Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? Молодость в публичном пространстве современности. URL: <http://www.polit.ru/analytics/youthculture.html> (дата обращения: 05.03.2014).
- 2 См.: *Степанов В. Г.* Психология трудных школьников : учеб. пособие. 2-е изд. М., 2010.
- 3 См.: *Социальные отклонения / под ред. В. Н. Кудрявцева.* М., 1989. С. 23.
- 4 См.: *Антология мировой философии : в 4 т. М., 1969.* Т. I, ч. 1. С. 493, 500–501.
- 5 См.: *История политических и правовых учений. Древний мир / под ред. В. С. Нерсисянца.* М., 1985.
- 6 См.: *Историко-правовые исследования : проблемы и перспективы / Академия наук СССР. Институт государства и права ; ред. кол. : В. С. Нерсисянц (отв. ред.) и др.* М., 1982. С. 43.
- 7 См.: *Григулевич И. Р.* История инквизиции (XIII–XX вв.). М., 1970.
- 8 См.: *Социальные отклонения.* С. 38.
- 9 См.: *Руссо Ж. Ж.* Трактаты. М., 1969. С. 72, 100, 102, 160.
- 10 См.: *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 199, 411–412.
- 11 См.: *Гельвеций К.* Сочинения : в 2 т. М., 1974. Т. II. С. 345, 504.
- 12 См.: *Социальные отклонения.* С. 40.
- 13 См.: *Трактаты о вечном мире.* М., 1963. С. 183–184.
- 14 См.: *Гегель Г.* Сочинения : в 14 т. / пер. Б. Г. Столпнера, Г. Г. Шпега, А. М. Водена, П. С. Попова. М., 1929–1958. Т. VII. 1934. С. 31, 45, 111.
- 15 См.: *Ломброзо Ч.* Преступление. М., 1994. С. 5.
- 16 См.: *Айхенвальд Л. И.* Криминальная психология. Л., 1928. С. 8.
- 17 См.: *Фрейд З.* Введение в психоанализ. М., 1991.
- 18 См.: *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности // Социос. 1992. № 7. С. 128–131.
- 19 См.: *Психологические проблемы социальной регуляции поведения / под ред. Е. В. Шороховой, М. И. Бобневой.* М., 1976. С. 350.
- 20 См.: *Хагуров Г. А.* Введение в современную девиантологию. Ростов н/Д, 2003. С. 241–257.
- 21 С. Аш заметил, что некоторые из «естественных» нормативных стандартов поведения довольно легко отменяются под влиянием группового конформизма. Данный механизм лежит в основе групповых проявлений отклоняющегося поведения (См.: *Хагуров Г. А.* Указ. соч. С. 258–259, 260–261).
- 22 См.: *Громов И. А., Мзцкевич А. Ю., Семенов В. А.* Западная теоретическая социология. М., 1996. С. 25.
- 23 К числу крупнейших социологических теорий отклоняющегося поведения относятся: теория аномии, теория социальной дезорганизации, теория структурной напряженности, теория социальных оброчей, теория травмы, теория дифференциальной ассоциации, теория дифференциальных возможностей, теория субкультуры, теория делинквентных культур, теория присваивания ярлыков, теория стигмы, теория усиления/спирали отклоняющегося поведения, теория конфликта.
- 24 См.: *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000 ; *Дуглас М.* Риск как судебный механизм / пер. А. Д. Ковалева // THESIS. 1994. № 5. С. 242–253 ; *Зубок Ю. А.* Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. М., 2007 ; *Луман Н.* Общество как социальная система. М., 2004.

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 316.4

СПЕЦИФИКА ПРОФИЛАКТИКИ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ

Е. О. Арефьева

Саратовский государственный университет
E-mail: arefevaeo@mail.ru

В статье рассматриваются особенности молодежного экстремизма, обосновывается необходимость участия в системе профилактики экстремизма в молодежной среде органов местного самоуправления как координирующего элемента комплексной работы.

Ключевые слова: экстремизм, молодежный экстремизм, профилактика экстремизма в молодежной среде, местное самоуправление.

The Specifics for the Prevention of Youth Extremism at the Municipal Level

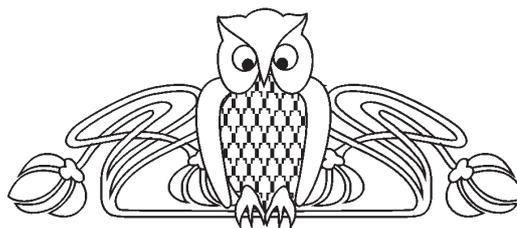
Е. О. Arefeva

This article discusses the characteristics of youth extremism, the necessity of participation in the system of prevention of extremism in the youth environment of local government as a coordinating element of comprehensive work.

Key words: extremism, youth extremism, prevention of extremism in the youth environment, local government.

Одной из основных характеристик современного социума является появление новых угроз интересам личности, общества и государства, и в целом внутренней и внешней безопасности страны.

Последние 30 лет российское общество и государство вовлечено в процессы значительных трансформаций. В связи этим в России значительно усилились тенденции, влияющие на рост радикальных настроений как на личностном уровне, так в обществе в целом, и ее молодежном сегменте как в специфической социально-демографической группе. Стремясь обрести самостоятельность и независимость от взрослых, молодые люди часто вынуждены преодолевать внутренние противоречия, являющиеся порождением амбивалентных проявлений, таких как застенчивость и агрессивность, открытость и замкнутость, нигилизм и фанатизм. Реализация противоречий способствует формированию экстремальных типов сознания и поведения молодежи как ее социально-групповых сущностных характеристик¹. Радикализация общих настроений сознания и поведения в кризисных ситуациях, обострения и столкновения интересов различных групп способна перерасти в проявления экстремистского характера.

Сегодня в России достаточно полно сформирована современная законодательная база, направленная на противодействие экстремистским проявлениям различного толка: неонацизму, расизму, ксенофобии, религиозной и социальной розни. В рамках этой системы работа органов государственной власти по обеспечению безопасности Российской Федерации строится на основе официально принятой концепции обеспечения безопасности, включающей многоуровневую профилактическую и превентивную деятельность. Но при этом, несомненно, слабым звеном всей структуры противодействия экстремизму, и в частности его профилактики в молодежной среде, остается участие институтов местного самоуправления, не входящих в систему органов государственной власти, но являющихся публично-властными структурами.

Местное самоуправление дает возможность сочетать социальные, политические интересы и права человека в рамках региональных и государственных интересов. В частности, в системе профилактики молодежного экстремизма местное самоуправление имеет реальные возможности для заблаговременного выявления и устранения предпосылок, порождающих экстремистские проявления на начальном этапе их формирования, что особенно актуально в ситуации противодействия молодежному экстремизму. В решении данного вопроса муниципальные структуры должны блокировать распространение условий, формирующих молодежный экстремизм, так как бороться с данным феноменом исключительно посредством силовых методов неэффективно. В компетенцию органов местного самоуправления входит принятие и осуществление профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности.

На территории Саратовской области, и в частности муниципального образования «Город Саратов», молодое поколение в возрасте от 14 до 30 лет на 1 января 2014 г. составляет 213 177 человек – около 23% от общей численности населения², что делает вопрос профилактики молодежного экстремизма очень актуальным. Профилактика экстремизма осуществляется в рамках нескольких ведомств и по направлениям. Так, в Саратове реализуется ведомственная целевая программа «Профилактика терроризма и экстремизма в му-

ниципальном образовании «Город Саратов» на 2012–2014 гг. Целью ее является совершенствование системы профилактических мероприятий антитеррористического и антиэкстремистского направлений, предупреждение террористических и экстремистских проявлений на территории муниципального образования «Город Саратов». Однако реализация данной программы имеет свои значительные недоработки как в плане программного, методического наполнения (все мероприятия направлены исключительно на обеспечение технических средств), так и в вопросах финансирования (объем финансирования мероприятий: в 2012 г. – 4835,4 тыс. руб., в 2013 г. – 65 584,6 тыс. руб., в 2014 г. – 0 руб)³.

Образовательные учреждения города проводят работу по профилактике экстремизма среди учащихся и молодежи в рамках ведомственной целевой программы «Молодежь Саратова». Ее приоритетные направления включают:

- совершенствование системы мероприятий по патриотическому воспитанию молодежи, повышению уровня правовой грамотности молодых людей, профилактике экстремизма в молодежной среде;

- организация и проведение мероприятий, направленных на патриотическое, духовно-нравственное воспитание молодежи;

- создание условий для развития добровольческого (волонтерского) детского и молодежного движения;

- организация и проведение городских молодежных мероприятий (конкурсов, фестивалей, концертов, акций, встреч, круглых столов), направленных на формирование толерантности и законопослушного поведения детей и молодежи.

Среди наиболее значимых мероприятий, организованных городским комитетом по образованию в рамках программы, можно назвать следующие:

- городской молодежный форум «Стратегия. Миссия. Перспектива», на котором состоялись презентация достижений молодежи (научных открытий, изобретений, реализованных социальных проектов), обсуждение предложений в проект концепции работы с молодежью на территории Саратова, в том числе по профилактике экстремизма;

- выездной обучающий семинар для делегатов Молодежного общественного собрания города, в том числе членов Координационного совета молодежных национальных общественных организаций;

- городские конкурсы творчества работающей молодежи «Молодость», «Лучшая молодая семья года»;

- гражданско-патриотическая акция «Выпускники года – выпускникам рокового 1941 года»;

- ежегодный День толерантности, проводимый в память о жертвах Беслана (в муниципальных общеобразовательных учреждениях).

В образовательных учреждениях Саратова ведется целенаправленная работа по развитию детских и молодежных общественных объединений как альтернативы экстремистским группировкам. Создано и функционирует 471 молодежное общественное объединение (охват детей – более 29 тыс. человек), имеющее разнообразные направления деятельности, в том числе: 63 – патриотическое, 125 – волонтерское, 54 – творческое, 41 – органы ученического самоуправления и др.⁴

Однако все вышеуказанные мероприятия в структуре профилактики в достаточной степени опосредованы. Несомненно, они в значительной степени несут определяющий характер для развития сознания молодежи в благоприятном, толерантном и созидающем ключе, но при этом молодежь «группы риска», имеющая в своем сознании и поведении зачатки радикального, экстремистского поведения, остается не охваченной профилактическими мероприятиями. Поэтому при анализе профилактических программ возникает логичный в данном случае вопрос о том, почему профилактику молодежного экстремизма не включают в качестве сегмента в программу по профилактике экстремизма и терроризма муниципального образования? Ведь совершенно понятно, что молодежный экстремизм – явление разноплановое, и к вопросам его профилактики необходимо подходить комплексно, используя наиболее широкий спектр возможностей и опыт различных ведомств.

Ведь распространение экстремизма в молодежной среде свидетельствует о недостаточной степени адаптации молодежи в разных сферах общественной жизни, о криминализации массовой культуры, недостаточности развития системы альтернативных форм досуга для молодежи, отсутствии взаимосвязи школьного и семейного воспитания.

Проведенный анализ показал, что, исходя из интересов защиты личности, общества и национальной безопасности государства от молодежного экстремизма, эффективная профилактическая деятельность должна включать: научное определение и осмысление данного асоциального феномена, перспектив распространения; активизацию гражданского общества и государства в лице региональных и муниципальных структур по профилактике экстремизма; масштабную информационную работу со всеми категориями населения; широкую правовую, морально-психологическую подготовку молодежи; единство действий всех заинтересованных сторон (как органов государственной и местной власти, так и общественности) и др.

Примечания

¹ См.: Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежный экстремизм: сущность и особенности проявления // Социс. 2008. № 5. С. 37.

- ² См.: Администрация муниципального образования «Город Саратов» : [сайт]. URL: <http://www.saratovmer.ru/news/2014/02/19/30552.html> (дата обращения: 14.03.2014).
- ³ См.: О внесении изменений в Постановление Администрации муниципального образования «Город Саратов» от 24 августа 2012 года № 1973 «Об утверждении ведомственной целевой программы «Профилактика терроризма и экстремизма в муниципальном образовании «Город Саратов» на 2012–2014 г.» : постановление администрации муниципального образования «Город Саратов» от 28 декабря 2012 г. № 3011. URL: <http://www.saratovmer.ru/documents/rubrics/9/4440.html> (дата обращения: 14.03.2014).
- ⁴ См.: «Об утверждении ведомственной целевой программы «Молодежь Саратова» на 2014 год» : постановление администрации муниципального образования «Город Саратов» от 21 октября 2013 г. № 2599. URL: <http://www.saratovmer.ru/documents/rubrics/9/4468.html> (дата обращения: 14.03.2014).

УДК 316.346

НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Т. Р. Марунова

Саратовский государственный университет
E-mail: marunovatr@mail.ru

Анализируются социальная активность пожилых людей и различные механизмы активизации социального поведения пожилых людей в современном российском обществе. Предложены различные пути активизации социального поведения пенсионеров.
Ключевые слова: социальная активность, пожилые люди, пенсионеры.

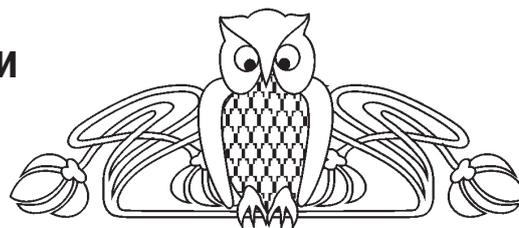
The Factors of Social Activity in Older People

T. R. Marunova

Social activity of the seniors and various mechanisms of activation of social behaviour of the old in a modern Russian society are analyzed in the article. Various ways of activation of social behaviour of pensioners are offered in the article conclusion.
Key words: social activity, seniors, pensioners.

Процесс старения общества существенно изменяет его возрастную структуру. С каждым годом число людей третьего возраста увеличивается, возрастает их роль и значимость во всех сферах общественной жизни. В связи с этим актуальной становится задача создания «общества для всех возрастов», конструирования позитивного образа старости, эффективного использования потенциала геронтологической группы населения.

Социальная активность – деятельность личности, индивида, направленная на удовлетворение потребностей, создание благоприятных социальных условий, реализацию социальных инициатив, формирование активной жизненной позиции. Показателями социальной активности являются мотивированность, желание и инициативность субъектов. Социальная активность людей старшего возраста заключается, главным образом, в деятельности, направленной на семью и родных, удовлетворение собственных интересов и потребностей. Однако изменения в обществе

приводят к постепенному расширению сфер деятельности и интересов пожилых людей, к разнообразию форм социальной активности. Это, в свою очередь, способствует устранению чувства одиночества и отчужденности в старших возрастных группах.

Социальная активность пожилых людей зависит как от субъективных (личностных качеств отдельного человека, уровня его образования, его мотивации и жизненной позиции), так и от объективных факторов (отношения общества к пожилым людям, совершенствования социального управления, согласования интересов и действий различных социальных институтов)¹.

В качестве причин снижения социально-экономического статуса пожилых людей в обществе в научной литературе выделяются следующие: прекращение трудовой деятельности, низкий уровень пенсии, отсутствие у большинства пожилых людей других источников доходов и помощи со стороны родственников, высокие расходы на оплату жилищно-коммунальных услуг и медицинское обслуживание; слабая адаптация к новым условиям жизни, невозможность повысить уровень образования, невостребованность на рынке труда в связи с возрастом; слабое здоровье².

Сегодня социальный статус пожилых людей в России находится на довольно низком уровне. Не случайно у многих пожилой возраст ассоциируется исключительно с болезнями, снижением всех видов активности, выходом на пенсию, одиночеством и бездеятельностью. Это противоречит тому факту, что большинство людей пенсионного возраста довольно долго сохраняют свою социальную и личностную активность. Не стоит забывать также и об огромном жизненном и профессиональном опыте старшего поколения.

Основная проблема современного российского общества и государства заключается в том,

что социальная и государственная политика направлена в основном на молодое поколение как наиболее динамичную и развивающуюся социально-демографическую группу. Настало время обратить внимание на старшую возрастную группу и если не полностью обеспечить ей достойное материальное обеспечение, то дать возможность для реализации своего неистраченного потенциала, проявления активности и оказать разного рода поддержку. Главными особенностями социальной активности пожилых людей являются: инициативность, непритязательность, эмоциональность. Все это приводит в результате к более успешному достижению поставленных целей и задач.

Таким образом, социальную активность пожилых людей можно охарактеризовать как деятельность, направленную на изменение общественной среды и формирование социально активных качеств личности, зависящей во многом от настроения, самочувствия и субъективного состояния пожилого человека. Присматривается определенная закономерность в направлениях деятельности лиц пожилого возраста. Можно определить конкретные виды деятельности, наиболее характерные для данной социально-возрастной группы: трудовая, общественно-политическая, семейно-бытовая, культурно-досуговая, образовательная деятельность. имеют место различного рода общественные объединения и организации. Все эти направления деятельности способствуют более успешной интеграции в новый социальный статус, раскрытию и реализации накопленного опыта, сохраненной энергии саморазвития.

Продолжение трудовой деятельности позволяет пожилому человеку самореализоваться, не чувствовать себя ненужным и отстраненным от повседневности. Мотиватором к этой деятельности выступают жизненные потребности личности, стремление в определенной мере повысить свой профессионализм или поделиться имеющимся опытом, оставаться и в пенсионном возрасте нужным и востребованным. Общественно-политическая и социальная деятельность проявляются в соответствии с личностными потребностями в форме участия пожилых людей в различных видах деятельности. Все это позволяет им ощущать себя способными контролировать самостоятельно свою жизнь, стать востребованными и активными участниками общественных отношений, стать не потребителями социальных услуг и помощи, а активными организаторами и активистами различных обществ, советов и клубов. Задача состоит в том, чтобы создать условия для активной жизни именно в тот период, когда подступают старческие болезни, слабости и недомогания. Решить многие проблемы старости призван принцип активизации ресурсов для улучшения социального положения представителей третьего возраста.

Семейно-бытовая сфера определяет семейные обязанности и ритм жизни. Семья представляет собой матрицу любого проявления социальной жизни в старости. Усиливается посредническая функция пенсионеров, которая реализуется в том, что пожилые члены семьи нередко являются своего рода мостиком между родственниками, связующим звеном в межличностных отношениях, хранителями истории семьи, традиций, семейных альбомов и воспоминаний о «семейном дворе».

Культурно-досуговая и творческая деятельность способствуют более успешной социально-психологической адаптации пожилых людей, возрастанию активности и стремлений во многих сферах жизнедеятельности. Активный досуг и творческая деятельность позволяют людям старшего поколения развивать креативное и нестереотипное поведение, осваивать зачастую новые для себя виды искусства, находить творческие подходы в решении жизненных ситуаций. Свободное время становится более структурированным, что в то же время не мешает им заниматься давно любимыми видами деятельности и осваивать новые.

Образовательная деятельность способствует личностному развитию пожилых людей, сохранению их активной жизненной позиции и приобщению к изменениям современного информационного общества. Геронтологические данные позволяют сделать вывод о том, что структурные изменения, обусловленные возрастом, не являются препятствиями для включения представителей третьего возраста в образовательный процесс. Люди в зрелом и более старшем возрасте обладают хорошей организацией памяти, способностью к верным суждениям относительно неопределенных жизненных ситуаций. Кроме того, обучение в третьем возрасте – наиболее эффективная форма тренировки психических функций. Важным итогом образования в третьем возрасте должно стать позитивное изменение имиджа пожилых людей в обществе, инициация разных форм активности.

Активная жизненная позиция позволяет развивать и удовлетворять различные потребности пожилых людей, а именно: в новых знаниях и образовании, коммуникации, самовыражении, поддержании нормальной бытовой сферы и семейных отношений. Сегодня необходимо создание условий для увеличения и реализации социальной активности людей пожилого возраста. На данный момент корпус эмпирических данных свидетельствует о негативных явлениях, имеющих место в геронтологическом секторе социальной жизни: уровень стресса людей старших возрастных групп неизменно выше, чем у молодых, отмечается тенденция его роста у пенсионеров; пенсионеры по возрасту относятся к группам повышенного суицидального риска. Существуют разнообразные геронтологические

риски: социальная изоляция, бедность, вдовство, плохое самочувствие, болезни, нарастание степени зависимости, отсутствие собственного жилья, семейного уюта, которые неблагоприятно отражаются на пожилых людях, попадающих в группу социальных аутсайдеров.

Нужны новые подходы к решению традиционных социогеронтологических вопросов, связанные со становлением мирового информационного пространства, новыми геронтологиями. Необходимы активные действия государства в направлении повышения социальной активности людей пожилого возраста:

- содействовать активизации интеграции граждан третьего возраста во все сферы жизни общества;
- содействовать распространению позитивного имиджа старости в обществе;

УДК 316.35.39

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В ЭТНИЧЕСКИХ КАЗАХСКИХ СЕМЬЯХ

С. А. Узакова

Западно-Казахстанский инженерно-гуманитарный университет, Уральск
E-mail: Salima1966@mail.ru

В статье обсуждаются особенности и отличия культурной самоидентификации казахов в традиционную эпоху и современность, влияния западной и восточной цивилизации, рыночной экономики, языковой ситуации, что говорит о сложности формирования новой казахстанской идентичности. По мнению автора статьи, массовая культура, несомненно, оказывает влияние на размывание традиционной культурной идентичности казахов, делая ее фрагментарной и многомерной.

Ключевые слова: семейные ценности, этничность, культура, культурная самоидентификация, русификация, вестернизация, традиционность

Features of Cultural Self-Identification in Ethnic Kazakh Families

S. A. Uzakova

Features and differences of Kazakhs cultural self-identification during a traditional era and modernity, influences of western and east civilization, market economy, and a language situation that speaks about complexity formation of new Kazakhstan identity are discussed in article. According to the article's author, the mass culture, undoubtedly, has impact on erode of Kazakhs traditional cultural identity, doing it fragmentary and multidimensional.

Key words: family values, ethnicity, culture, cultural self-identification, russification, westernisation, traditional character.

Формирование своеобразия казахской культуры происходило под мощным влиянием четырех основных факторов: природных условий, особенностей социальной жизни, тенгрианско-

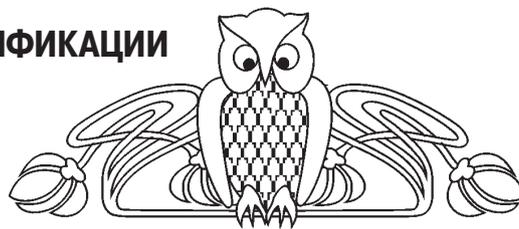
– совершенствовать социальные программы, мероприятия, направленные на людей старшего возраста;

– обучать квалифицированные кадры для специальных служб, деятельность которых направлена на удовлетворение потребностей и осуществление гарантий граждан пенсионного возраста.

Примечания

¹ См.: Интегрированная старость : практики социального участия / под ред. М. Э. Елютиной. Саратов : Изд. центр «Наука», 2007. С. 89.

² См.: Старость в современном российском обществе : интеробъективный и интересубъективный контексты / под ред. М. Э. Елютиной. Саратов : Изд-во Саратов. гос. техн. ун-та. 2010. С. 54.

мусульманской религии и специфических особенностей национального воспитания. Исследуя своеобразие казахской духовной культуры, можно констатировать, что она сформировалась на основе ислама, и это во многом обусловило доминирование в ней сердечного, чувственно-зеркального начала. Своеобразное творческое сочетание мусульманского и домусульманского начала в казахском народе сформировало характерное чувство любви к Родине как особую форму религиозных чувств. Достижение суверенитета привело к возрождению этнического самосознания и культурной идентичности казахов. Вместе с тем культура казахов сегодня отличается мозаичностью, смесью вестернизации с традиционализмом, маргинальности с самобытностью.

Казахская цивилизация является традиционной, а казахстанская – современной. Как верно указывает С. Б. Алимova, в социогуманитарных науках главной и определяющей чертой традиционного общества признается доминирование традиции над инновацией. Сущность традиционного общества определяется в большей степени тем, что оно воспроизводит себя на основе традиций, традиционного опыта. Российский ученый А. Агаджанян выделяет три значения понятия «традиционность»:

– значение, близкое по содержанию к определению понятия «традиционное общество»,

обозначающее такое общество, которое ориентировано на простое самопроизводство, «вечное возвращение» к неизменным, от века существующим образцам. Таковы классические кочевые общества, к которым относится и казахское;

– «традиционность» в смысле «автохтонности», «эндогенности», «почвенности», когда все местные структуры рассматриваются как традиционные;

– «традиционность» как совокупность принципов общественной организации, составляющих структурное ядро общества, переходящее от одного этапа истории к другому и обеспечивающее преемственность¹.

Что же касается казахстанской цивилизации, то в ней пространство модернизации и пространство традиции соседствуют друг с другом, в чем проявляется «цивилизационный дуализм» современности – локальное взаимодействие двух разных цивилизаций – западной и восточной. Западная индустриальная цивилизация представлена в столице, промышленных центрах и районах механизированного сельского хозяйства, а восточная – аграрная (доиндустриальная) – по всей остальной территории республики. Ареал западной цивилизации в Казахстане – это пространство модернизации, в котором получили развитие либеральные ценности, космополитичная культура, научное мировоззрение, свободно устанавливаемые социальные связи, межнациональные браки. Ареал восточной цивилизации – пространство традиции, в котором сильны наследственные социальные связи, прежде всего кровнородственные, патриархальные ценности, родовой коллективизм, религиозное мировосприятие. Деление на западную и восточную цивилизации внутри казахстанской условно, поскольку в реальности пространство обеих цивилизаций перемешано между собой и мозаично. Поэтому анализ путей культурной идентификации современных казахов предполагает учет имеющегося «оптимума различий» в казахстанской реальности, знание методологии постмодернизма в сочетании с культурным релятивизмом.

С одной стороны, мы видим усиливающуюся национальную и государственную идентичность казахов, их внимание к своей истории, языку, религии, традициям, отечеству, что является естественным следствием достигнутого суверенитета. С другой стороны, массовая культура, родиной которой являются США, оказывает влияние на размывание традиционной культурной идентичности казахов, делая ее фрагментарной, многомерной. Этому способствует связанный с научно-техническим прогрессом феномен «ускользающей социальности», т. е. расплывчатой домашней публики, сидящей за экранами телевизоров и мониторами компьютеров, имеющей возможность обзора всех мировых процессов, в том числе процесса глобализации культу-

ры и ее доминирующего содержания. У наиболее ориентированных на западный образ жизни казахстанцев, независимо от их национальности, можно отметить внешне «гомогенизированную» вестернизированную культурную идентичность. Влияние рыночной экономики сказывается на появлении «новых казахов» и, следовательно, «новоказахской» культурной идентичности. Тотемами, стремящихся идти в ногу с современностью казахстанцев, независимо от национальности, стали престижные иномарки, сотовые телефоны, компьютеры, квартиры с евроремонт. Вестернизация и традиционализм, доходящий до фундаментализма, соседствуют друг с другом, причем первая, бесспорно, утверждает себя в материальной сфере и в урбанистическом способе бытия, а традиционализм завоевывает свои позиции в духовной области².

В условиях взаимодействия цивилизаций религия становится последней инстанцией, конкретным критерием, по которому человек определяет свою культурную идентичность. В Казахстане ислам является общим культурно-идентификационным фактором для русскоязычных и казахоязычных казахов. Причем казахи воспринимают ислам в той мере, в какой он обеспечивает им сохранение культа предков как важнейшей ценности номадической культуры и отправление обряда погребения умерших родственников. Мазары с мусульманским стилем архитектуры и символикой – полумесяцем над мавзолеем – обязательный культурный артефакт Казахстана, свидетельствующий о его принадлежности к исламской цивилизации.

Идентичность исламу становится формой противостояния культурному, идеологическому, информационному империализму Запада для того, чтобы сохранить неприкосновенными ценности, составляющие «срединное ядро» номадической культуры – культ предков, родовой коллективизм, уважение к старшим. Вместе с тем включенность Казахстана в мировой цивилизационный процесс, особенно в глобальные информационные процессы, сказывается на возрастании плюрализма религиозной идентичности населения, в том числе казахов. Исследователями отмечается «мозаичность» религиозной ситуации в Республике Казахстан. Наряду с исламской и христианской конфессиями на ее территории сегодня насчитывается свыше 1200 религиозных объединений, группирующихся вокруг более 40 конфессий. Однако некоторые эксперты утверждают, что на самом деле сейчас в стране действует до 6000 общин религиозной направленности³.

Присоединение Казахстана к России привело к изменениям в культурной идентичности казахов. С точки зрения России, это присоединение имело благоприятные последствия как для нее, получившей дополнительные возможности усиления своей экономической и политической

мощи, так и для Казахстана, который, по ее мнению, получил возможность цивилизованного развития. В ходе этого процесса изменениям подверглись все структуры повседневности казахов, начиная от «жизненного пространства», из которого были изъяты лучшие земли для выпаса скота под русских поселенцев, что привело к ускорению седентаризации коренного населения, и заканчивая духовной сферой, так как официальное делопроизводство стало осуществляться на русском языке, что привело к постепенной русификации казахов. Седентаризация и русификация явились двумя серьезными факторами, вызвавшими постепенные изменения в культурной идентичности казахов.

Если до присоединения к России традиционная казахская цивилизация имела относительную закрытость и защищенность своего культурного пространства, то теперь она ощутила серьезную брешь, все более расширяющуюся в нем. Одним из результатов этого стало осмысление и отрицательная оценка происходящих событий как коллективной культурной травмы казахского народа. Эта культурная травма предстала как столкновение исконных ценностей казахского социума с «чужим», чуждым, враждебным. Всякое действие со стороны колониальных органов стало восприниматься как неизбежное зло. Согласно концепции П. Штомпки, культурная травма связана с негативными последствиями быстрых социальных изменений и их коллективным осознанием. Социум могут поразить биологическо-демографическая травма (эпидемия, голод, резкий рост смертности, падение рождаемости и т. п.), социально-политическая травма (анархия, крах рынка, революция) и культурная травма (падение основополагающих ценностей и поведенческих моделей). Наиболее опасной Штомпка считает культурную травму, обладающую «самой сильной инерцией»⁴.

В настоящее время все еще остро стоит проблема интеграции казахов в общество «недавно обретенной» родины. Тот факт, что казахское национальное самосознание не претерпело изменений, равных по глубине ренессансу национального самосознания у других народов бывшего СССР, говорит само за себя. Казахи проходят разные пути интеграции, поскольку оказались как бы разделенными на две субнации – русскоговорящую («обрусевшую») и казахоязычную. Их менталитет и самоидентификация различны. Попытки объединить эти две субнации в одну монолитную национальную общность до сих пор слабо реализованы. Негибкость этнических стереотипов и различие в поведенческих моделях сформировали сложный круг проблем в современном объединяющемся Казахстане. Крах некогда единого института советского гражданства, новые реалии самостоятельного политического существования Казахстана предъявили иные требования к гражданам республики. Ока-

залось не просто сменить идентичность, перейти к рынку и демократии, опираясь на европейскую модель «нации-государства». Попытки молодого государства совместить потребность в возрождении этноказахской идентичности с необходимостью создания новой казахстанской идентичности на общегражданской основе привели к возникновению у населения проблем, связанных с функционированием этнического самосознания. Казахские русские и представители других национальностей оказались поставлены перед необходимостью осознать себя этническими меньшинствами по сравнению с титульным этносом, пройти нелегкие этапы этнопсихологической адаптации к официальному переходу страны на государственное казахское одноязычие.

Принятый закон о языках (1997 г.) закрепил статус государственного языка за казахским языком и одновременно с этим легитимировал употребление русского языка наравне с казахским в государственных организациях и в органах местного самоуправления. Таким образом, в настоящее время реализуется либеральная модель нации, в которой наличествуют гражданский и лингвистический компоненты. Но применение закона о языках до сих пор неоднозначно воспринимается как русскими, так и казахами. Утверждение государственного языка титульного этноса рассматривается большинством русских как антидемократическая мера, ставящая их в неравное положение по сравнению с казахами. Что же касается казахоязычного населения, особенно творческой интеллигенции, то многие усматривают в официальном двуязычии пренебрежение языком коренной нации. Так или иначе, но национальное строительство в условиях политического транзита неизбежно сталкивается с проблемами непонимания. И это понятно, так как «перенос» на нашу почву западных демократических институтов идет под знаком национального возрождения Казахстана и при посредничестве русской культуры и русского языка, которые составляют достаточно прочную основу в механизме, определяющем гражданскую идентификацию. Отсюда – не теряющий своей актуальности «русский вопрос» и трудности преодоления напряженности между властью и оппозицией⁵.

Сложная языковая ситуация говорит о трудоемкости механизма формирования новой казахстанской идентичности. Когда мы говорим о России, Украине, Узбекистане, Грузии или любой другой стране СНГ, то естественным образом предполагаем титульную нацию как интегрирующую основу для всех этнических групп, проживающих на ее территории, их ассимиляцию в господствующей языковой среде. Так сложилось исторически. Что касается Казахстана, то в силу указанных факторов способности титульной нации «оказахить» своих русскоговорящих соотечественников представляются весьма проблема-

тичными. И дело не только в том, что введение государственного языка – относительно недавнее явление. Напомним, что речь идет о народе, в отношении которого длительное время проводилась политика русификации. Поэтому «казахская идея» до настоящего времени не является базовой в структуре гражданской идентификации⁶.

Незнание государственного языка большей частью русскоязычного населения способствует их вымыванию из общественно-политической жизни общества. Русский язык в качестве языка межнационального общения будет вытеснен государственным языком уже в ближайшем будущем. В настоящий момент русский язык является для государственного языка объективным препятствием, не позволяя полностью раскрыть потенциал казахского языка, сужая сферу его применения. Государство должно направить свои усилия на расширение сфер применения казахского языка, стимулировать процессы языковой ассимиляции, в хорошем смысле слова.

Задача сегодняшней национальной модернизации – это не только реализация статуса государственного языка, но и создание новой нации, что предполагает идентификацию, трансформацию национального пласта с включением инонациональных этнических групп. В ближайшем будущем необходимо в рамках основополагающих демократических принципов создать возможность для добровольной ассимиляции и интеграции представителей неказахских этносов в единую казахскую нацию. Назрела необходимость в создании общенациональной концепции, без партикуляризации отдельных этнических начал, с выраженной интеграционистской формой, без сегрегации и деления людей на нации и религии. Таким образом, национальная модернизация предполагает добровольную ассимиляцию и интеграцию неказахского населения в состав государствообразующего этноса. Следует отметить, что тюркским и мусульманским этносам интегрироваться значительно легче, чем, скажем, славянам, что объясняется языковой, религиозной и исторической общностью этих народов. Славянам же предстоит определиться с выбором: либо овладеть государственным языком, чтобы полноценно участвовать в жизни общества и государства, либо самоизолироваться в небольшие этнические общины без каких-либо перспектив на будущее. Это неизбежный исторический процесс. Часть неказахского населения будет адаптироваться к современным реалиям и постепенно ассимилируется⁷.

Геополитические устремления казахского и русского этносов разнонаправлены, разновекторны и малоприемлемы друг для друга в силу объективных обстоятельств. Сейчас происходит сближение казахского мира с тюркоязычным миром посредством овладения последними государственным языком. Несомненно, что позиции казахского мира с каждым годом будут усиливаться, «отвоевывая» все новые и новые позиции у русскоязычного мира, причем без какого-либо силового варианта развития событий.

Казахскую толерантность, доброту и много терпение нельзя принимать за слабость, казахскую интеллигентность нельзя принимать за отсутствие воли. Все государства и нации пекутся о своих национальных интересах, ставят эти интересы во главе угла. Поэтому они живут и процветают. Те же, кто махнул рукой на свое национальное достоинство, обречены на умирание как нация и сливаются с более сильными народами. Казахи как нация развиваются очень динамично и в плане демографии, и в плане амбиций. Это добрый знак. Актуальнейшая задача на сегодня – внедрение государственного языка в качестве языка межнационального общения. Решим этот фундаментальный вопрос – легко и свободно решим и остальные⁸.

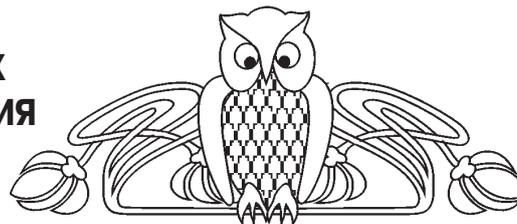
Примечания

- 1 См.: *Алимова С. Б.* Модернизация и постмодернизация: специфика азиатской современности // *Вестн. КазНУ им. аль-Фараби. Сер. Психология и социология.* 2001. № 3(16). С. 115.
- 2 См.: *Байдаров Е.* Глобализация влияет на социокультурные процессы // *Казинформ.* 2013. 30 окт.
- 3 См.: *Бектурганова Б.* Казахстанская идентичность : трудности обретения // *Байтерек.* 2013. № 11–12 (82–83).
- 4 Там же.
- 5 См.: *О древних союзах киргиз-кайсаков.* СПб., 1886. С. 550.
- 6 См.: *Артыкбаев Ж.* Казахское общество : традиции и инновации. Астана, 2003. С. 107.
- 7 См.: *Курганская В.* Новые тенденции в духовной жизни казахстанского общества // *Центральная Азия и Кавказ.* 2002. № 3(21). С. 121.
- 8 *Гали А.* Самоидентификация казахов. Перспективы становления национального государства // *Интернет-газета Zona.kz.* 11 июля 2006. URL: www.zonakz.net/articles/?action=author&id=3374 (дата обращения: 27.01.2014).

УДК 316.346; 316.344.24

МЕХАНИЗМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЬИ

Ф. С. Кудзиева

Северо-Осетинский государственный университет
им. К. Л. Хетагурова, Владикавказ
E-mail: kudz-fatima@yandex.ru

В современных социокультурных условиях, когда произошли трансформация прежней системы социализации молодежи, семья как среда формирования ценностных ориентаций подрастающего поколения начинает приобретать доминирующее место в структуре факторов социализации. Именно в семье происходит усвоение ценностных ориентации и выявление их духовно-культурной составляющей. Процесс трансформации функций семьи определяется, в первую очередь, радикальными изменениями, происходящими в современном мире под воздействием общецивилизационных тенденций (глобализации, информационной, сексуальной и иных революций). В то же время на эволюцию семейных функций оказывают существенное влияние и особенности российской социокультурной действительности.

Ключевые слова: семья, ценностные ориентации, трансформация, социализация личности, молодежь, функции семьи, российское общество.

Mechanisms of Formation of Value Orientation Younger Generation in Transformation of Family

F. S. Kudzieva

Under the modern social and cultural conditions, when the transformation of the previous system of socialization of youth occurred, the family as an environment of value orientations of the younger generation is beginning to acquire a dominant position in the structure of socialization factors. That kind of family is the assimilation of value orientations and it identifies their spiritual and cultural component. The process of transformation of the family functions is determined primarily by the radical changes taking place in the modern world under the influence of civilization trends (globalization and also informational, sexual and other revolutions). At the same time the evolution of family functions has a significant impact and features of the Russian socio-cultural reality.

Key words: family, value orientations, transformation, personal socialization, youth, functions of family, Russian society.

Современный период существования российского общества характеризуется коренными преобразованиями всех сфер общественной жизни, которые не обошли стороной и российскую семью. Сущность этих преобразований проявляется в переносе центра тяжести в системе взаимодействий «социум – семья – индивид» с общества на индивида. Подобная переориентация неизбежно приводит к изменениям в массовом сознании и поведении, когда на первый план выходят развитие и удовлетворение индивидуаль-

но-личностных потребностей отдельных представителей семейной общности.

На протяжении всей своей истории семья служила в большей степени обществу, чем индивиду. Однако в наши дни семья как малая группа становится фактором, жизненно необходимым для отдельной личности и особенно для детей. Это позволяет ей взять на себя ответственность за происходящее, в частности за формирование ценностных ориентаций подрастающего поколения.

В результате трансформации система образования, которая традиционно в советском обществе занималась формированием ценностных ориентаций подрастающего поколения, утратила воспитательную функцию. Это привело к возрастанию влияния российской семьи на функции воспитания и социализации. Семья в условиях социально-экономических преобразований остается одним из немногих «островков» относительной стабильности и благополучия, символов сплоченности и близких отношений, трансляторов социокультурного «капитала», поступающего к ребенку со стороны родителей.

В то же время в современном обществе семья, являясь частью динамичной социокультурной реальности, испытывает изменения своих основных функций, их ценностного содержания. В связи с этим актуализируется необходимость исследования процесса трансформации семейных ценностей и механизма их влияния на систему ценностей подрастающего поколения. В этом контексте важным представляется выявление тех изменений, которые происходят в роли российской семьи с точки зрения социально значимых качеств и черт личности, позволяющих такой личности ориентироваться в кризисном социокультурном пространстве. Социализация ребенка являет собой длительный процесс становления личности, включающий в себя ряд воспитательных приемов, с помощью которых родители стремятся достичь наилучших результатов в этом процессе. Эти приемы образуют триаду – родительские контроль, поддержка и власть (авторитет).

Одним из признаков трансформаций общественной жизни в России является потеря социальными институтами своей устойчивости или частичная утрата ими своих функций.

Советскими социологами функции семьи подразделялись на основные и дополнитель-

ные, материальные и духовные. А. Г. Харчевым и М. С. Мацковским в 1980-х гг. были выделены следующие функции семьи: репродуктивная, воспитательная, хозяйственно-экономическая, рекреативная, первичного социального контроля, эмоциональная, коммуникативная. В качестве основных рассматривались функции воспроизводства населения и социализации молодого поколения¹.

В настоящее время в среднем в мире на 100 браков приходится от 40 до 60 разводов. Неполных семей в разных западных странах – от 10 до 30% и больше и матрифокальных 21%; внебрачных рождений – от 10 до 50% (в Швеции более 50%). Число неполных семей и внебрачных рождений в России колеблется от 20 до 40 % – по отдельным территориально-этническим регионам страны².

В ходе проведенного в 2012 г. в г. Владикавказе исследования были определены и проанализированы ценностные ориентации молодежи. Согласно квотной выборке по параметрам пола, типа учебного заведения, уровня образования было опрошено 500 учащихся колледжей и институтов в возрасте 17–22 лет. Среди опрошенных мальчики составили 43,8%, девочки – 56,2%.

В качестве цели исследования была выдвинута гипотеза о влиянии трансформаций функций семьи на ценностные ориентации молодежи.

Исследование предполагало анализ демографической и медицинской статистики, статистики правонарушений и школьных программ, анкетного опроса учащейся молодежи и интервьюирования экспертов. Были проанализированы особенности ценностных ориентаций молодежи.

В ходе исследования было подтверждено, что молодое поколение ориентировано на одиночный образ жизни, не спешит связывать себя брачными обязательствами, потому что супруги с детьми «упускают возможности для других радостей» – 17,3%, что «дети отнимают очень важную часть жизни взрослого» – 30,4% и что «уход за детьми требует слишком больших усилий», отвлекая от профессиональной карьеры – 68,7%. Именно поэтому девушки планируют замужество после 25 лет – по достижении «независимости и стабильности положения в обществе», а юноши – еще позже – 27–30 лет.

Если в 2000 г. среди всех мужчин, вступивших в брак, на группу до 18 лет приходился 1,0% всех браков, на группу 18–24 года – 52,5%, на группу 25–43 года – 29,5%, то к 2010 г. соответствующие показатели уже были 0,4, 45, 33,8%. Среди женщин – аналогичная динамика: в 2000 г. среди всех вышедших замуж 5,4% вступили в брак в возрасте до 18 лет, 59,1% – в возрасте 18–24 года, 20,7% – в 25–34 года, к 2010 г. соответствующие показатели составили: 3,3, 57,0, 23,7%³.

При этом видят себя бездетными 18 %, а более четверти опрошенных хотели бы иметь толь-

ко одного ребенка. Здесь отмечается еще одна тенденция изменения репродуктивных установок – положительное отношение к возможному отказу от рожденного ребенка вне брака или до совершеннолетия.

Так, лишь 5,1% боятся морального осуждения в случае отказа от ребенка. Процесс уменьшения потребности в детях продолжается. Все меньшая часть населения испытывает потребность иметь в семье то число детей, которое обеспечивает нормальное воспроизводство населения и социализацию социально компетентных личностей.

Семьи разных типов испытывают материально-технические трудности и в похожей степени ввиду наличия одной общей проблемы – низкого уровня заработной платы и, соответственно, невысокого уровня жизни в российском обществе.

Эффективность следующей, социализационной, функции семьи трудно измерить в сравнении с влиянием на детей школ и дошкольных учреждений, а также других агентов социализации. Отсутствуют общепринятые критерии «хорошего» воспитания или «социальной компетентности» личности. Функция социализации семьей и другими институтами предполагает наряду с полноценной социализацией и девиантную. Характеризуя социализацию подрастающего поколения в семье, отметим, что важную роль играет практика в семье доверительных отношений детей и родителей, а высокий авторитет последних обеспечивает успешность воспитательных воздействий, эффективность реализации воспитательного потенциала семьи.

Если мы обратимся к обычным семьям, то обнаружим, что в большинстве своем дети чаще общаются с матерью, чем с отцом. При обращении за советом к родителям 72% выбирают мать и только 31% отца. Следствия такого положения дел также весьма плачевны. В семьях традиционного типа авторитет родителей, особенно отца, был «вне критики», дети выросли в условиях жесткой дисциплины и весь процесс их социализации шел по накатанной дороге. Наличие отца имеет важнейшее значение для развития с самого момента рождения ребенка: он является первым внешним объектом для ребенка и играет роль модели при ранней гендерной идентификации. Отцы к тому же поощряют процесс отделения ребенка от матери, ускоряя тем самым процесс социализации. Но в наши дни отцы не справляются со своей ролью, именно поэтому у многих детей наблюдается затянувшийся инфантилизм. Затягивание учебы и студенчества ставит подростков и юношей в положение социально не признаваемых взрослыми людей, не говоря уже об отсутствии финансового подтверждения полноценности. Результаты опроса молодежи в 2010 г. показали, что 72% молодых людей в возрасте 16–25 лет находятся на полном обе-

спечении родителей. Как показывают социологические исследования, не уменьшается помощь детям и в более старшем возрасте. В результате в 43% случаев родители помогают своим взрослым детям материально, в 55,7% – в уходе за детьми, в 42,6% – в бытовых делах, в 33,3% – в покупке продуктов и в 62,0% – советами.

С функцией социализации тесно переплетается хозяйственно-бытовая. Данная функция кардинально изменилась в российском обществе. В недалеком прошлом семья была не только первичной ячейкой воспроизводства населения, но и первичной экономической единицей, так как обеспечивала средствами к существованию своих членов⁴.

Важным фактором снижения уровня и качества жизни россиян является рост цен. Индекс потребительских цен возрос с 2008 по 2012 г. почти в 9 раз. По показателям уровня жизни, используемым экспертами ООН, Россия входит лишь в восьмую десятку стран. Исследования показывают, что у 60% населения произошло значительное падение реального уровня жизни. Всероссийские опросы (2010–2012 гг.) демонстрируют, что около 50% населения имеет доход ниже прожиточного уровня, 30,1% россиян являются малообеспеченными.

Следующая функция семьи – первичного социального контроля. Ее задачей являются моральная регламентация поведения членов семьи в различных сферах жизнедеятельности, регулирование ответственности и обязательств в отношениях между супругами, родителями и детьми. В прошлом данную функцию семья осуществляла крайне жестко, и в этом помогало все ее окружение. Человек постоянно находился на виду у всех окружающих. При этом его труд, быт, досуг, вся его жизнь до мельчайших деталей были строго регламентированы или ритуализированы вековыми традициями⁵.

Сегодня же в результате отсутствия родителей рядом с детьми лишь 43% родителей знают всегда, где и с кем их дети проводят свободное время; 47% – не всегда точно знают и 20%, как правило, не знают. Общественное мнение предполагает, что пребывание матери дома повышает социальный контроль над детьми, они растут более здоровыми, ухоженными. Но в то же время, как показывают социологические исследования, женщины, посвятившие себя семье, пребывают в домашней среде и это сужает их кругозор, их интересы замыкаются на домашних делах. Вследствие этого мать перестает быть авторитетом для детей, которые не обращаются к ней за советом и помощью, считая неспособной дать компетентные рекомендации.

Помимо этого, семья выполняет функцию духовного общения, направляя личностное развитие ее членов, их духовное взаимообогащение. С момента рождения ребенок через общение воспринимает от родителей социальный опыт, под-

ражая родителям, затем идентифицируя себя от окружающих его людей. В результате общения между ребенком и родителями возникает эмоциональная близость, которая психологически основана на аффилиации.

Для нормального психологического состояния ребенка очень важно, чтобы именно в семье, общаясь с близкими людьми, он чувствовал себя открытым, эмоционально раскрепощенным, защищенным, не метался между своими эмоциональными побуждениями и противоречивыми требованиями, исходящими от окружающих. Внутри семьи наиболее легко реализуется важная потребность, которую ребенок испытывает, вступая в общение: получить от родителей сочувствие, одобрение как подтверждение общего расположения к себе. В первую очередь, семья является основным источником сочувствия и поддержки и может оказать их своевременно, тонко и ненавязчиво. Роль матери в семье чрезвычайно важна – мать удовлетворяет первичные потребности ребенка, ласкает его, стимулирует, общается с ним, дает ощущение защищенности, эмоционального тепла и уюта.

Немаловажное влияние на эмоциональную и духовную функцию семьи оказало изменение отношения супругов на совместное времяпровождение в кругу семьи. Распространены и такие семьи, где у детей вообще отсутствуют доверительные отношения как с отцом, так и с матерью. Поэтому неудивительно, что неудовлетворенность отношениями в семье с родителями компенсируется отношениями в неформальной группе сверстников, которая постепенно становится референтной для подростка, и он активно усваивает нормы и ценности, зачастую ассоциального свойства.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что возникновение негативных качеств личности характерно при дефиците родительской любви, когда дети обделены вниманием близких и не получают необходимого заряда положительных эмоций, лишены родительской опеки.

Именно поэтому при отсутствии полноценных отношений дети ищут другие источники общения и информации. Согласно социологическим исследованиям А. Г. Харчева и В. Алексеевой, проведенным в конце 1970-х гг.⁶, основными источниками информации о половой жизни для подростков выступали литература (61,1%), друзья-одногодки (49,4%), старшие по возрасту товарищи (35,8%), а затем родители (10%) и учителя (8,2%). Сегодня картина несколько иная – родители и школа теряют свои позиции в вопросе сексуального просвещения молодежи. Современные подростки информацию о сексе получают в первую очередь из общения с друзьями и из личного опыта половых контактов. Тем не менее дети из благополучных семей чаще, чем другие, обсуждают с родителями проблемы секса, и чаще других говорят на эти темы с отцом (в 3 раза больше, чем

дети из конфликтных семей). Больше половины детей из конфликтных семей никогда не говорят о сексе с матерью и 78% – с отцом.

Таким образом, мы видим, что на сегодняшний день дети испытывают недостаток общения с родителями. В результате среди подростков, лишенных общения с родителями, неадекватная самооценка встречается в 87,9% случаев. Среди подростков, имеющих доверительные отношения с родителями, только 8,3% имеют неадекватную (заниженную) самооценку.

При ослаблении эмоциональных и психологических связей не происходит духовного взаимообогащения и нарушается личностное развитие детей. Таким образом, мы можем сделать вывод, что лишь когда психологическое и социальное становление ребенка – цель родителей, только в этом случае можно говорить о надежном фундаменте отношений между поколениями, которое реализуется посредством общения в семье. Она имеет приоритеты перед другими социальными общностями в области воспроизводства и совершенствования социального механизма, направленного на удовлетворение потребности в коллективе, которое первоначально осуществляется через общение с близкими людьми.

Для характеристики текущего этапа современной семьи невозможно не упомянуть о такой стороне ее существования, как сексуальная. Патриархальная семья не допускала добрых связей женщин и в то же время не осуждала за них мужчин. Мужчина мог требовать от женщины нежности и теплоты чувств, а она не всегда могла рассчитывать на взаимность.

Также в сознании молодых людей изменился взгляд на добрые половые связи. Добрые половые поведение становится более свободным, просматривается тенденция перехода к единой половой морали, с более динамичными оценками у женщин. Тем не менее традиционной «двойной» оценкой полового поведения мужчины и женщины придерживается немалая часть населения. Степень данной свободы зависит от региональных и национальных особенностей, уровня урбанизации региона и интенсификации миграционных потоков⁷.

В начале прошлого века П. А. Сорокин отмечал, что «семья как священный союз мужа и жены, родителей и детей будет разрушаться, разводы и расхождения будут увеличиваться». При этом компонент семейной дезорганизации он видел в плохой брачной адаптации. Внутрисемейная дезорганизация определялась им «конфликтностью ролевых отношений, исходящей из демагогии равенства и фактического неравноправия мужчины и женщины, а внесемейная – разрушением системы родства и трудностью приспособления семьи к другим общественным институтам (школа, церковь и т. д.)»⁸.

Одной из причин семейной дезорганизации является ослабление действия внешних регуля-

торов брачно-семейных отношений, таких как общественное мнение, экономическая зависимость и подчиненность женщин и т. д. и, как правило, неспособность внутренних сил, внутренних регуляторов (чувства любви, долга, заинтересованности) обеспечить стабилизацию семьи. История человечества не знает примера, когда ценностные ориентации формировались бы без участия семьи. Ценностные ориентации молодежи и стиль воспитания детей зависят не только от социальной структуры общества, но и от социокультурной среды, которую создает семья.

Изменения в жизни затрагивают не столько состав, сколько структуру ценностей, т. е. их иерархическое соотношение. Параллельно изменение брачной структуры общества сказывается на ценностных ориентациях подрастающего поколения.

В связи с этим выделяют три фактора влияния семьи на личность ребенка: во-первых, это социальная микросреда семьи, в которой осуществляется приобщение детей к социальным ценностям и ролям; во-вторых, внутри- и внесемейная деятельность, по преимуществу работа по дому; в-третьих, семейное воспитание (как комплекс целенаправленных педагогических мер).

В современной системе ценностей размытой оказалась также важная социализирующая составляющая – трудовая. Трудовые заслуги родителей могут вызвать уважение у молодежи и готовность брать пример, если дом и быт снабжены всеми атрибутами высокообеспеченного существования. Деформация трудовой мотивации связана, на наш взгляд, и с ослаблением «трудовой ауры» в семье, с прекращением воспитания подрастающего потомства на примерах трудовых достижений семьи и рода.

Свою лепту внесли СМИ – «играйте, угадывайте – и вы разбогатеете!», быстрые и легкие деньги в челночном бизнесе, на тотализаторах, посредничестве. Как следствие – в числе первых жизненных ценностей «труд» не значит. Если труд и признается в качестве ценности, то только высокооплачиваемый. Разумеется, к ориентации молодежи на труд и учебу следует подходить дифференцированно: есть немало тех, кто настроен на хорошую учебу и получение профессии. Характер отношений в сфере труда абсолютно пропорционально отражает характер потребностей. Сама работа должна стать разновидностью развлечения, отдыхом.

Таким образом, результаты проведенного опроса подтвердили, что ориентации на семью с несколькими детьми, семейный образ жизни, родительство становятся менее значимыми, чем ориентации на профессиональную деятельность и статусные характеристики. Подавляющее большинство опрошенных, имеющих несовершеннолетних детей, ориентированы на продолжение профессиональной деятельности даже в

случае достижения высокого уровня материального благосостояния. Вероятно, это объясняется возникновением определенных трудностей в процессе воспитания ребенка. Последнее, в свою очередь, делает более напряженной семейную жизнь, на фоне которой внесемейная деятельность представляется более предсказуемой и захватывающей.

В группе респондентов как из полных, так и из матрифокальных семей доминируют современные ценностные ориентации. На первое место выходят материальный успех и семья, здоровье и образование делят вторую и третью позиции, четвертое место делят карьера и работа, на последнем месте оказывается свобода и независимость. Здесь явно просматривается приоритет достигнутости комплекса ценностей, хотя и с российской спецификой. Семья увеличивает свою автономию, а влияние традиций, норм и ценностей со стороны общества становится менее значимым по сравнению с индивидуальными нормами и ценностями.

Если раньше традиционным было противостояние таких ценностей, как работа vs семья, то сейчас семья становится жизненной целью, достижение которой возможно только в результате финансовой независимости посредством стабильной и хорошо оплачиваемой работы. Это, по-видимому, является примером в матрифокальных семьях и из-за отсутствия другой альтернативы, дети из этих семей в большей степени ориентированы на получение образования, что подтверждается данными исследования. Его результаты выявили следующее:

- в иерархии жизненных ценностей подростков наблюдается относительное единообразие: материальный достаток, здоровье, семья;
- семья в оценках молодого поколения остается важной организацией жизни людей;
- сложные отношения между родителями способствуют увеличению дистанции и отчужденности между родителями и детьми;
- оценка сексуальных установок и норм полового поведения не выявила значительных различий у подростков из разных типов семей, наиболее оказались различия по полу;
- наблюдается тенденция сведения к минимуму роли отца в реализации воспитательной функции в полной семье.

В ценностном сознании преобладают пассивность и потребительство. Вместе с тем обнаруживаются и положительные тенденции, связанные с формированием и распространением новых ценностных ориентаций, раскрывающих

возможности карьерного роста, самосовершенствования, образования. Юноши и девушки сегодня смотрят на жизнь прагматично, полагаясь больше на себя, нежели на оказавшиеся призрачными идеи или властные структуры, не способные создать молодому поколению условий для достойного существования, что зачастую определяет массовый характер ценностных ориентаций подрастающего поколения⁹.

Именно изменение ценностных ориентаций под воздействием семьи и современных социокультурных условий обуславливает трансформацию старых и формирование новых ценностных ориентаций, содействуя в достижении молодежью формирующихся у нее своих новых целей.

Но все-таки семья сохраняет в условиях нестабильности относительно устойчивый набор ценностей. Это неизбежно отражается на процессе формирования ценностных ориентаций молодежи. В системе которых приоритет сохраняют те ценности, которые являются социально значимыми для семьи, например: семья как психологический образ дома, образование, материальный достаток, здоровье.

В наши дни российское общество актуализирует ценностные ориентации, отвечающие требованиям общества с рыночной экономикой, а именно: работа как карьера, диплом о высшем образовании, деньги, свобода. Эти ценности нередко находятся в антагонизме с теми, которые традиционно были характерны для российской семьи: взаимопомощь, дружба, забота. Значимость семьи для подрастающего поколения как фактора, определяющего ее ценностный мир, актуализирует проблему защиты семьи и повышения ее престижа.

Примечания

- ¹ См.: Харчев А. Г., Мацковский М. С. Современная семья и ее проблемы. М., 1978. С. 3–47.
- ² См.: Демографический ежегодник России. М., 2011. С. 62.
- ³ Там же. С. 53.
- ⁴ См.: Российская социологическая энциклопедия. М., 1999. С. 207.
- ⁵ Магомедов А. А. Семья на Северном Кавказе. Ставрополь, 1999. С. 132.
- ⁶ См.: Харчев А. Г., Мацковский М. С. Указ. соч.
- ⁷ Карцева Л. В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества // Социс. 2003. № 7. С. 68.
- ⁸ Сорокин П. А. Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал для всех. 1916. № 2. С. 174.
- ⁹ Карцева Л. В. Указ. соч. С. 66.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32.019.51

«МЯГКАЯ СИЛА» КАК ЭЛЕМЕНТ ИМИДЖЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ВО ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

А. А. Вилков

Саратовский государственный университет
E-mail: vil57@yandex.ru

В статье рассмотрены основные трактовки понятия «мягкая сила» и особенности ее использования как элемента имиджевых технологий во внутренней и внешней политике. Дана оценка роли soft power в реализации либерального и социалистического идеологических мегапроектов в мировой истории, в противостоянии США и СССР в период холодной войны, в реализации технологий «цветных революций» в постсоветский период.

Ключевые слова: «мягкая сила» в политике, имиджевые технологии в политике, идеологические мегапроекты, «цветные революции», внешняя политика России.

«Soft Power» as an Element of Image Technologies Used in Home and Foreign Policy

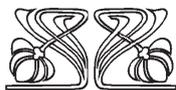
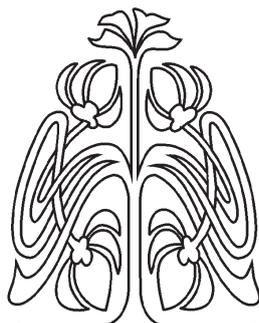
A. A. Vilkov

The article examines main interpretations of the term «soft power» and intricacies of its usage as an element of image technologies in domestic and foreign policy. The author estimates the role of soft power within realization of liberal and socialistic megaprojects of world history, confrontation between the USA and USSR during the «cold war», implementation of «colored revolution» technologies in post-soviet period.

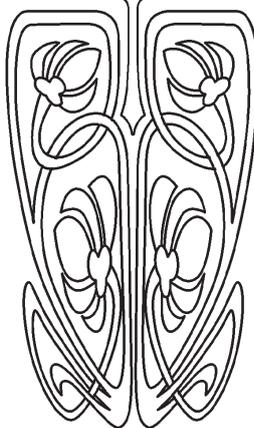
Key words: «soft power» in politics, image technologies in politics, ideological megaprojects, «colored revolutions», Russian foreign policy.

Одной из самых актуальных и социально значимых проблем современности является соотношение внутренней и внешней политики национальных государств в условиях глобализации. После поражения СССР в холодной войне американский политолог Дж. С. Най обосновал целесообразность и перспективность использования soft power в мировой политике. Несмотря на некоторые нюансы с переводом данного понятия, наибольшее распространение получила его трактовка как «мягкой силы», в том числе и в изданной на русском языке книге¹.

По мнению О. Ф. Русаковой, концепт soft power – это нечто сложное, обладающее «многослойной смысловой структурой, многозначностью и интерпретативным разнообразием», которое исследователи наделяют новыми смыслами, «вписывая в тот или иной предметно-исследовательский и методологический контекст»². Однако большинство исследователей сходятся в том, что главный «смысл “soft power” заключается в формировании привлекательной власти, то есть в способности влиять на поведение людей, опосредованно, заставляя их делать то, что в ином случае они никогда бы не сделали»³. Фактически суть данной трактовки сводится к созданию привлекательного имиджа власти, социально-политического строя, совокупности идеологических ценностей и принципов, политических институтов, образа жизни в целом какого-либо государства (или социально-политической системы) для информационного воздействия на какую-либо страну с целью формирования в ней группы активных сторонников данных ценностей, готовых к борьбе за их внедрение в собственной стране.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

На наш взгляд, стремление представить такую политику как нечто принципиально новое и самодостаточное, обусловленное переходом к постиндустриальному информационному обществу не вполне оправдано. На самом деле понятие soft power, активно используемое последние два десятилетия политиками и исследователями, своим реальным содержанием уходит корнями глубоко в историю. Сочетание «кнута и пряника» во внешней и внутренней политике использовалось многими правителями всех времен и народов. Соотношение этих двух начал и технологии их использования в политике прекрасно описал Н. Макиавелли в своем всемирно известном трактате «Государь». Наполеон позиционировал себя как «освободитель Европы», подкрепляя данный имидж достаточно прогрессивными реформами во многих завоеванных странах. Даже Гитлер стремился использовать на завоеванных территориях образ освободителя народов СССР от «ига еврейского большевизма».

Своеобразные модели soft power использовали многие правители средневековой Европы, которые после разрушительных войн и массовых эпидемий практиковали «перезыбы» поданных из соседних государств, привлекая их всевозможными льготами для обустройства на новом месте. Такую политику, например, активно использовала Екатерина II, в результате чего в малонаселенном Поволжье и некоторых других регионах России возникли многочисленные поселения немецких колонистов.

Первым масштабным политическим мегапроектом использования soft power можно считать США, которые успешно эксплуатировали положительный образ своей страны для привлечения потоков иммигрантов из самых разных стран. Одним из идеологов формирования такого образа в XIX в. стал А. де Токвиль, который в своем труде «О демократии в Америке» подробно описал все преимущества республиканского демократического устройства в США по сравнению с другими странами. «Американская мечта» стала для многих жителей старого континента главным мотивом переселения в Новый свет, чтобы в условиях максимальной свободы рыночных отношений и частной собственности попытаться реализовать ее на практике. Кроме того, данный проект сыграл не последнюю роль в разрушении абсолютистских монархий и распространении конституционализма и демократических начал в Европе и других странах.

Не менее масштабной альтернативой стала социалистическая модель общественно-политического и социально-экономического устройства, которая должна была продемонстрировать всему капиталистическому миру и народам развивающихся стран преимущества нового строя. По сути, сама идея коммунизма была нацелена на осознание пролетариатом разных стран прогрессивности уничтожения частной собствен-

ности и внедрения плановых начал в обобществленное производство. Именно осознанная сила этих идей должна была консолидировать сторонников социализма в ведущих капиталистических странах и обеспечить их победу во всемирном масштабе. Несмотря на то что в России победили сторонники радикального варианта социал-демократии, уверенные в том, что возможно лишь вооруженное свержение существующего капиталистического строя, идеологическая борьба на международной арене стала для них одним из важнейших направлений деятельности в противостоянии двух мировых систем.

Сама концепция СССР, основывающаяся на возможности построения социализма в отдельно взятой стране, в значительной степени представляла собой своеобразный вариант soft power. Обоснование готовности поддержать развитие мировой революции сопровождалось формированием положительного образа первого в мире социалистического государства, которое, «вопреки проискам внутренних и внешних врагов», добивается невиданных успехов в экономической, социальной и культурной сферах. Этот положительный образ должен был вселять уверенность и оптимизм в те силы, которые вели борьбу за социализм в капиталистических и развивающихся странах.

Ее случайно, что разработчики советской военной доктрины в предвоенный период исходили из идеологически обоснованного тезиса «войны на чужой территории малой кровью». Доктрина основывалась на том, что в случае нападения империалистов на СССР пролетариат в этих странах встанет на защиту первого в мире социалистического государства, прокладывающего дорогу в «светлое будущее всего человечества» без эксплуатации, насилия и социальной несправедливости. Поэтому И. В. Сталин уделял такое большое внимание западным журналистам и писателям, которые после организации им поездки для ознакомления с положением дел в Стране Советов смогли рассказать всему миру свое видение достижений социалистического строя.

Антагонистическая борьба мегапроектов социализма и капитализма, в том числе и на уровне символических образов, составляла основу противостояния двух блоков в период холодной войны. В это время тактика soft power фактически была одним из главных средств идеологического противоборства США и их союзников и возглавляемого СССР социалистического лагеря. С учетом наличия «железного занавеса» возможности сторон для пропаганды своих преимуществ были достаточно ограниченными. Союзники США использовали поддержку диссидентских движений и самиздат, и различные «радиоголоса», которые разоблачали тоталитарный советский строй и расписывали прелести западного свободного мира и его образа жизни. СССР мог использо-

вать в качестве свидетельств своих достижений в экономике науке, культуре, образовании неоспоримые факты своего первенства в освоении космоса, мирного и военного атома, в строительстве гигантских предприятий, электростанций и оросительных каналов.

Однако после того как СССР при Н. С. Хрущеве фактически включился в потребительскую гонку с западным миром, качественные и модные импортные товары, допущенные на отечественные прилавки, стали тем «вирусом», который исподволь подтачивал официальную трактовку превосходства социалистического планового хозяйствования. Западные фильмы, попадавшие в этот период в кинопрокат в достаточно большом количестве, также формировали определенное представление о материальных и иных преимуществах западного образа жизни (например о возможностях свободно перемещаться по всему миру). Внедрение этих потребительских стандартов и индивидуалистических ценностей и стало одной из главных причин поражения СССР и его союзников в холодной войне.

Провозглашенный «конец истории» в результате «окончательной» победы либеральной доктрины общественно-политического и социально-экономического устройства стал главной методологической предпосылкой формулирования концепции *soft power*. Кроме того, именно в начале 1990-х гг., информационная революция обрела свое практическое технологическое воплощение в виде Всемирной сети и повсеместно используемой мобильной связи.

Устранение без применения силы с мировой арены своего основного политического, экономического, военного и идеологического конкурента заставило американцев поверить в исключительную эффективность *soft power* в достижении своих внешнеполитических целей. Поэтому, несмотря на наличие мощных вооруженных сил (сдерживать которые в 1990-е гг. у России, как правопреемницы СССР, не было ни желания, ни возможности), на первый план американской внешней политики вышла стратегия «мягкой силы» как экономически и идеологически более выгодная. Она стала использоваться как «притягательная сила различных ценностей, устойчиво ассоциируемых с некоторой страной. К их числу относятся культурные ценности данной страны, организация и уровень жизни в ней, качество образования и т. д.»⁴.

Это вовсе не означает, что США и их союзники отказались от использования военной силы в достижении своих целей. Война в Ираке, в Югославии, в Афганистане, военное вмешательство в Ливии, во многие другие локальные конфликты свидетельствуют, что «железный кулак» США и НАТО, основанный на технологическом преимуществе, может быть использован в любое время и в любой точке земного шара, независимо от решения ООН и норм международного права.

Для поддержания своих вооруженных сил США постоянно наращивают военный бюджет. Если в 2000 г. он составлял 294,363 млрд долл., то, в 2011 г., по предварительным оценкам, он составил уже 768,217 млрд долл. Для сравнения, военный бюджет Китая и России, по данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира, в 2010 г. составил 114,300 млрд долл. и 52,586 млрд долл. соответственно⁵.

Поэтому вряд ли оправдана несколько односторонняя трактовка *soft power*, в соответствии с которой основные причины ее повсеместного использования заключаются в особенностях постиндустриального информационного общества, к которому переходит большая часть западноевропейских государств. По мнению С. В. Новоселова, в таком обществе «управление через прямое подавление, насилие теряет свою эффективность. Снижается значение и такого инструмента, как подкуп, взятки, широко используемые властью в индустриальном обществе. Командно-приказная система управления постепенно отмирает, потому что невозможно командовать миллионами материально обеспеченных, высокообразованных, хорошо информированных и прекрасно сознающих свою самоценность интеллигентов, ученых, инженеров»⁶. Как представляется, это лишь одна сторона медали, объясняющая повышение роли информационно-коммуникационных технологий и усиление их функциональности в управлении общественными процессами. Обратная сторона заключается в том, что высокие информационные технологии создают гораздо больше возможностей для изощренного манипулирования массовым сознанием, делают их более незаметными для рядовых граждан, а следовательно, и более эффективными.

Важнейшим направлением внешней политики США и их союзников, нацеленным на изменение политической конфигурации мира в постсоветский период, стала организация и поддержка так называемых цветных революций. По мнению Е. Г. Пономаревой, ключевым элементом технологии таких революций является именно стратегия использования *soft power*. В значительной степени она реализуется посредством предоставления услуг высшего образования и развития наук, «в том числе общественных, основная задача которых заключается в производстве смыслов – теорий и концепций, легитимизирующих позицию и взгляды этого государства»⁷. В результате США и страны НАТО получают подготовленную «пятую колонну» в составе образованной части общества тех стран, в которых реализуется стратегия «цветных» революций. Она необходима для того, чтобы подготовить необходимую социальную базу и социокультурные предпосылки для революционных преобразований.

По мнению исследователей, любая социальная революция сопровождается переворотом в

символическом восприятии окружающего мира в его историческом, настоящем и будущем измерениях. Алгоритм этого переворота реализуется по такой примерной схеме: «1) происходит смена сакральной зоны: общество снимает защиту со своих прошлых богов – разворачивается критика, которая расчищает место для новых богов; 2) новая сакральность воплощается в точном отборе символов – происходит смена названий городов, улиц, замена памятников; 3) как результат предыдущих этапов – смена зоны агрессии: общество меняет иерархию в системе «друг – враг»; 4) старые тексты теряют свою актуальность; производится большое количество идеологических текстов, призванных обосновать смену политических декораций; 5) на политическую сцену выходят специалисты вербального плана – журналисты, писатели, ученые; 6) символические процессы, кажущиеся неуправляемыми, на самом деле четко направлены к определенной цели»⁸.

Эта цель, как показывает опыт большинства «цветных» революций на постсоветском пространстве (в Грузии, Киргизии, Украине), а в определенной степени и опыт «арабской весны» (Тунис, Египет, Йемен, массовые протесты во многих других арабских странах), состоит в свержении правительства, которое в своей политике не отвечает (или перестало отвечать) в чьей-либо интересам США и их союзников.

При этом существует достаточно серьезный риск, что в результате революционного переворота к власти придут политические силы, которые в своей деятельности не захотят ориентироваться на интересы США и их союзников. Но даже в этом случае стратегическая задача-минимум «цветной» революции оказывается достигнутой – неугодное правительство оказывается свергнутым, в стране чаще всего наступает постреволюционный хаос и обострение внутренних проблем общества, а следователно, минимизирована реальная или воображаемая угроза американским геополитическим интересам. Гражданские войны в Ливии, Сирии показывают, что если у оппозиции в «стране-изгое» недостаточно сил для свержения действующего правительства, то ей может быть оказана не только информационная, но и финансовая, материальная, организационная и иная поддержка, вплоть до вооруженной интервенции силами натовской коалиции.

Вторая война США в Ираке, которая началась в 2003 г., стала наглядным примером соотнесения «кнута и пряника», жесткой и мягкой силы в отношении «стран-изгоев». Решив задачу свержения режима С. Хуссейна, американцы использовали масштабную программу «строительства гражданского общества» в оккупированном Ираке. Вот как характеризует ее один из руководителей реализации данной программы: «И вот мы снова оказались на войне по образцу вьетнамской. Недостаточно было просто уби-

вать людей и сравнивать с землей их деревни. Мы должны были завоевывать сердца тех, кто остался жив, заставлять их принять демократию и стать нашими союзниками. Мы должны были одержать победу, не усмирив Ирак при помощи нашего оружия, а только тогда, когда страна станет достаточно стабильной, чтобы существовать без нашей поддержки. Это была борьба против повстанцев за сердца и умы населения, мягкая сила – называйте, как хотите»⁹. Проект обошелся американскому налогоплательщику более чем в 63 млрд долл., но, как «выяснила правительственная инспекция, усилия были сведены на нет огромным количеством бессмысленных трат, неэффективностью, управленческими ошибками, неверным выбором направлений и уязвимостью структуры»¹⁰. Реальным результатом такой «демократизации» Ирака стала продолжающаяся по сей день кровопролитная гражданская война, социально-политическая и социально-экономическая нестабильность.

Своеобразным примером использования soft power для подготовки «цветной» революции стали события на Украине.

Темы сталинского «голодомора», поиски примеров «колониального угнетения» Украины со стороны России культивировались и поддерживались с помощью выделения западных грантов на научные исследования по данной проблематике и зарубежные поездки студентов, аспирантов и преподавателей украинских вузов. Огромное количество разнообразных западноевропейских НКО активно работали на территории Украины на протяжении всего постсоветского периода.

Характерное для стратегии soft power пространство либерально-демократических ценностей среди украинского населения сопровождалось разжиганием националистических настроений, направленных против России, против общих культурных и религиозных корней, против многовекового братства славянских народов, скрепленного и освященного участием в кровопролитных войнах по защите единого Отечества. Вместо этого стал культивироваться и героизироваться образ борцов за украинскую самостоятельность и исторические эпизоды борьбы против России. Наиболее одиозным образом героя независимой Украины стал фашистский пособник С. Бандера и возглавляемое им движение ОУН.

В результате украинское общество оказалось расколотым не только географически, но и идейно. На Западе преобладают те, кто ориентирован на вхождение в Европейский союз и тесную политическую, экономическую, военную и культурную интеграцию с Западной Европой. На востоке и юго-востоке преобладают сторонники тесного сотрудничества с Россией в рамках Таможенного союза и сохранения всесторонних братских связей во всех сферах общественной жизни.

Первый опыт «цветной» революции в его «оранжевом» варианте был реализован в период с ноября 2004 г. по январь 2005 г. и представлял собой постоянно действующий митинг и палаточный лагерь на Майдане в знак протеста сторонников В. Ющенко против победы В. Януковича на выборах Президента Украины. Главным инструментом проявления политики «мягкой силы» стала моральная и информационная поддержка протестующих со стороны США и Евросоюза, заявлявших, что их наблюдатели выявили многочисленные нарушения в ходе выборов. Это стало главным стимулирующим фактором протестного движения, которое привело в конце концов к тому, что Верховный суд Украины отменил результаты выборов и обязал провести повторный тур голосования, на котором В. Ющенко одержал победу с перевесом в 8%.

Однако политика прозападного Президента Украины не получила поддержки и уже на следующих выборах победу одержал В. Янукович. Его легитимность не подвергали сомнению даже США и их союзники. Тем не менее после того как украинский президент временно отложил в ноябре 2013 г. подписание соглашения об ассоциации с ЕС (ввиду того, что Президент РФ, используя «мягкую силу», предложил программу выгодного экономического партнерства), в Киеве вновь начались митинги протеста против политики Януковича. С течением времени радикализм оппозиционных требований нарастал, и главной ударной силой Майдана стали хорошо организованные националистические силы «Правого сектора» и движения «Свобода». Протестующие получили полную информационную и моральную поддержку со стороны Европейского союза и США. На Майдане побывали видные официальные представители западноевропейских стран, которые открыто призывали украинскую оппозицию вести «демократическую» борьбу до победного конца. Среди них – американские сенаторы Джон Маккейн и Крис Мерфи, заместитель госсекретаря США Виктория Нуланд и посол США в Украине Джеффри Пайетт, спикер литовского Сейма Лорета Граужинене, комиссар ЕС по внешней политике Кэтрин Эштон, главы внешнеполитических ведомств Канады и Германии Джон Бэрд и Гидо Вестервелле, экс-премьер Польши Ярослав Качиньский, а также экс-президент Грузии Михаил Саакашвили. Виктория Нуланд, например, раздавала печенье на Майдане, символически подчеркивая мирный характер демонстрации.

Фактически это стало грубейшим нарушением норм международного права и открытым вмешательством во внутренние дела суверенного государства. Именно США и их союзники открыто угрожали Януковичу в случае силового варианта разгона «мирных» демонстрантов, которые в это время уже демонстрировали всему миру активное использование «коктейлей Молотова» против безоружных сил правопорядка.

Проявление двойных стандартов в оценке происходящего было и остается очевидными. Например, во Франции, Германии, США, Канаде законодательно закреплен запрет на ношение на демонстрациях шлемов, щитов, масок. Нарушение этого требования влечет за собой серьезные последствия для митингующих. Но их повсеместное использование на Майдане не вызвало никаких негативных оценок со стороны западных правозащитников. Насильственный захват власти сторонниками евроинтеграции был официально признан как легитимный по причине того, что, по мнению западных наблюдателей, на Майдане были представлены «все» регионы Украины, а следовательно, «весь» украинский народ. Вопросов о том, кто и каким образом уполномочил двух-трех человек в палатке с надписью «Симферополь» представлять интересы всего населения Крыма или в палатке с надписью «Донецк» – все население Донецкой области – у западных правозащитников не возникало. Не возникало их и в отношении ярых националистов, деятельность которых против законных представителей власти Украины носила явно экстремистский характер.

На наш взгляд, концепт *soft power* не представляет с теоретической точки зрения ничего принципиально нового и не является самодостаточным, выступая лишь одним из известных и взаимосвязанных инструментов внутренней и особенно внешней политики ведущих мировых держав.

С точки зрения особенностей его использования во внутренней политике, данный концепт всесторонне раскрывается через современные теории демократии, социального и правового государства. Не последнюю роль в их формировании сыграл мотивирующий внешний фактор в виде наличия альтернативной модели общественно-политического и социально-экономического устройства в СССР. Данный фактор вынуждал усиливать регулируемую роль государства в устранении противоречий капиталистической системы и делать акцент на «мягкой силе» для разрешения возникающих внутренних конфликтов.

В то же время, с инструментальной точки зрения, концепт *soft power* действительно приобрел в последние десятилетия принципиально новые возможности во внешней политике. Это обусловлено двумя ключевыми предпосылками. Первая состоит в том, что после разрушения СССР США осознали себя доминирующей силой в однополярном мире, уверовали в свое моральное превосходство в качестве единственного лидера и в свое право в качестве демократии навязывать свои ценности и представления о социально-политическом прогрессе всему остальному миру. Этому способствовала вторая предпосылка, связанная с появлением революционных технологических возможностей ком-

муникации, фактически не ограниченных границами суверенных государств. Они позволяют значительно расширить возможности ведущих держав в манипулировании массовым сознанием и целенаправленном формировании общественного мнения в различных странах для достижения своих целей.

Процессы глобализации стали главным инструментом политики *soft power*, которые взламывают политическую, экономическую, культурную, правовую самодостаточность национальных государств, превращая их в определенным образом структурированное мировое пространство. Характер и конфигурация этого конструируемого единого глобального проекта в значительной степени определяется США на основе их понимания своих национальных интересов. В соответствии с ним все национальные государства делятся, с одной стороны, на ранжированных союзников и друзей США, а с другой – на противников и «изгоев», несущих различные степени угрозы американским интересам. Критерии демократичности государств для данной классификации используются, но не абсолютизируются. Поэтому Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт – это друзья (несмотря на полное отсутствие в этих государствах демократических начал), а Иран, Сирия (Ирак при С. Хуссейне, Ливия при М. Каддафи) – это враги, несущие «угрозу демократии» для всего мира.

В соответствии с такой стратегией и используется политика *soft power*, позволяющая создавать внутренние предпосылки для свержения неугодных правительств и прихода к власти политических сил, следующих в фарватере политики США и их союзников. Внимательный анализ американской внешней политики по отношению к России на протяжении всего постсоветского периода позволяет констатировать, что основной ее смысл сводится к максимальному ослаблению российского государства как мировой державы и отторжению бывших советских республик из сферы российского влияния. Одним из главных инструментов реализации американской стратегии и выступает концепт «мягкой силы». Как представляется, для успешной ее нейтрализации России объективно необходимо, прежде всего, укрепление обороноспособности своей страны. Но этого будет недостаточно, если Россия не сумеет предложить собственный вариант «мягкой силы», основанный на своем варианте мегапроекта, понятном и привлекательном для всех народов евразийского пространства.

Однако решение данной задачи имеет ряд объективных и субъективных препятствий. Первое обусловлено тем, что после разрушения СССР Россия заявила о своей приверженности общедемократическим либеральным ценностям и тем самым утратила идеологическую уникальность, которая в предшествующий период позволила создать мировую систему социализма.

Можно по-разному оценивать неоднозначные способы, которые использовались для расширения социалистической системы, но вряд ли кто будет оспаривать удивительную привлекательность и притягательность коммунистических идей, представлявших собой реальную альтернативу капиталистическому устройству. Обусловлено это было тем, что социалистический мегапроект вообрал в себя многовековые мечты угнетенных и являл собой образ максимального воплощения реального равенства, социальной справедливости и социального прогресса.

Радикальный отказ от социалистического мегапроекта, по замыслу либеральных реформаторов, должен был вернуть Россию в семью цивилизованных демократических государств. Однако такое желание одновременно означало признание со стороны команды Ельцина превращения России из мировой державы в «новопришельца», которому еще нужно было учиться демократии и доказывать свое право на достойное место в западноевропейском сообществе.

Сама процедура разрушения СССР была проведена таким образом, что ни в малейшей степени не соответствовала прописанным конституционным нормам. В рамках этой процедуры даже формально было проигнорировано мнение многих народов, входивших в состав СССР. Бывшие советские республики фактически получили «октроированную» свободу, дарованную им «старшими» братьями по союзу в ходе подписания Беловежского соглашения. Тем самым процессы самостоятельного политического развития на территории евразийского пространства были пущены на самотек и во многих бывших советских республиках привели к формированию авторитарно-диктаторских режимов с клановой системой управления.

Расчеты на то, что Россия сумеет удержать бывшие братские республики в сфере своего политического влияния благодаря развитию новых «демократических» отношений (на основе политики *soft power*), не оправдались по многим причинам. Главная заключалась в том, что процессы радикальных либерально-демократических преобразований в самой России были настолько негативны по своим результатам, что не могли быть использованы в качестве образца не только для мегапроекта мирового уровня, но и в качестве основы евразийской региональной модели для бывших народов СССР. Резкое снижение уровня жизни большинства населения, грабительская приватизация, радикальное ухудшение социально-экономических показателей, резкая поляризация и социальный раскол, социокультурная и моральная деградация российского общества не могли стать реальной притягательной силой на постсоветском пространстве 1990-е гг. В массовое сознание активно внедрялся негативный образ России как «Верхней Волты с баллистическими ракетами». Процессы приватизации и

внедрение рыночных отношений разрывали единую ткань бывшего народного хозяйства СССР и еще более усугубляли социально-экономическую ситуацию в независимых государствах.

Институционализация новых независимых государств сопровождалась тем, что политическая элита многих из них стала использовать националистическую идеологию с целью консолидации своих сограждан. Одним из элементов такой идеологии стала антироссийская риторика, основанная на «разоблачении» имперской политики в отношении бывших советских республик. Этому способствовало активное продвижение на постсоветском пространстве интересов США, Китая и других ведущих мировых держав, которые были заинтересованы в ослаблении позиций России. При этом следует отметить, что политика Китая в использовании «мягкой силы» стратегически более выигрышна, так как основывается на значительных инвестициях без их обусловленности состоянием прав человека в данных государствах. В ее основе лежит внешнеполитическая доктрина «мирного возвышения Китая» и концепция гармоничного мира, публично озвученные руководством КНР в 2003–2005 гг.¹¹ Ключевое преимущество Китая в использовании soft power по сравнению с США состоит в том, что КНР на практике в большинстве случаев в своей внешней политике демонстрирует отказ от силового давления и приверженность к взаимовыгодному экономическому и культурному сотрудничеству.

Стратегию использования «мягкой силы» в имидже России условно можно разделить на два вектора. Первый состоял в том, чтобы сформировать в западноевропейских странах образ демократической России, которая зафиксировала в своей Конституции основные ценности и принципы демократии и последовательно реализует их в своей внутренней и внешней политике. Эта задача особенно активно реализовывалась в 1990-е гг., когда Б. Н. Ельцин стремился доказать приверженность демократии во внутренней и особенно внешней политике тем, что фактически поддерживал все инициативы США и их союзников, без учета своих национальных интересов. В результате беспрепятственно произошло расширение НАТО на восток, включая Прибалтику (несмотря на то, что в момент объединения Германий натовское руководство публично давало гарантии против такого расширения). Россия значительно снизила свой военный потенциал, свернула многие программы перевооружения, фактически поддержала агрессию НАТО против Югославии, отказалась от своих обязательств в отношении поставок вооружений бывшим союзникам в Ираке и Ливии, отказалась от сотрудничества с Кубой и многое другое. Однако «экзамен» на соответствие демократии был «сдан» не полностью. С одной стороны, Запад положительно оценил проведенные по его калькам либераль-

но-демократические преобразования, поддержав кандидатуру Ельцина на выборах 1996 г. (учитывая аргументацию о возможности возвращения к власти коммунистов). С другой стороны, Россия, несмотря на значительные уступки, так и не смогла завоевать доверия США и их союзников. Ее преимущественно негативный имидж в западноевропейских странах определялся доминированием в информационном пространстве критики войны в Чечне, недостаточно последовательно проведенной приватизации и гипертрофированной социальной и регулирующей роли государства, авторитарных тенденций и многих других «отклонений» от рекомендованной западными консультантами программы либеральных преобразований.

Политика стабилизации социально-экономической ситуации и укрепления позиций Российского государства в 2000-е гг. встретила резкое противодействие США и их союзников, которые увидели в этом возрождение авторитарных начал и имперских амбиций России. Негативный имидж России в этот период определялся в значительной степени «делом Юкоса», а впоследствии раздутым до международных масштабов скандалом вокруг панк-группы Pussy Riot. Укрепление «вертикали власти», укрупнение российской партийной системы и использование административного ресурса на выборах различных уровней позиционировалось в западных СМИ как отступление России от демократических рубежей 1990-х гг. Однако усиление экономического и военного потенциала России в 2000-е гг., ее самостоятельная позиция по многим международным ситуациям позволили изменить ее восприятие в мире в статусе «демократического ученика», идущего в фарватере американской политики, и вернуть имидж одного из ведущих субъектов мировой политики, с которым вынуждены считаться при решении важнейших международных вопросов. Наивысшего уровня такой имиджевый потенциал был набран в 2013 г., когда по инициативе России была достигнута договоренность об уничтожении арсеналов химического оружия в Сирии.

Второй вектор использования «мягкой силы» в имидже России фактически был обусловлен усилением экономического и политического потенциала России в 2000-е гг. и должен был опираться на результативность и привлекательность ее развития в указанный период. Для реализации данного направления в 2007 г. Президентом России была одобрена «Концепция участия Российской Федерации в содействии международному развитию». Ее основными целями были обозначены следующие приоритеты:

«– воздействие на общемировые процессы для формирования стабильного, справедливого и демократического миропорядка, строящегося на общепризнанных нормах международного права и партнерских отношениях между государствами;

- ликвидация бедности и обеспечение устойчивого экономического развития в развивающихся странах и странах, переживших вооруженные конфликты;

- преодоление последствий гуманитарных, природных, экологических техногенных катастроф, а также других чрезвычайных ситуаций;

- содействие процессам демократизации в странах-получателях помощи, а также процессам построения рыночно ориентированной экономики и соблюдению прав человека;

- развитие политических, экономических, общественных, культурных, научных связей, а также связей в сфере образования с зарубежными странами и межгосударственными объединениями;

- формирование добрососедских отношений с государствами, расположенными по периметру российских границ, противодействие возникновению и содействие устранению очагов напряженности и конфликтов, источников незаконного оборота наркотиков, международного терроризма и преступности, прежде всего в прилегающих к Российской Федерации регионах;

- развитие торгово-экономического сотрудничества Российской Федерации со странами-партнерами;

- стимулирование процессов интеграции национальных рынков стран-получателей с российскими рынками капитала, товаров, услуг и рабочей силы;

- укрепление авторитета Российской Федерации и содействие объективному восприятию нашего государства в мировом сообществе¹².

На эти цели ежегодно выделялось примерно полмиллиарда долларов, из которых около трети предназначались для стран «Восточной Европы и Центральной Азии», или в основном для постсоветского пространства¹³. По мнению аналитика ИНСОП С. Кулика, среди главных официальных установок в реализации «мягкой силы» нужно отметить следующие: «...доведение смысла и динамики демократического возрождения страны до широких кругов зарубежной общественности; проведение эффективных информационных кампаний там, где появляются реальные вызовы для России; активизация усилий по противодействию антироссийским стереотипам; формирование системы мер на государственном и неправительственном уровнях для улучшения образа страны; создание и расширение сети зарубежных информационных площадок...»¹⁴.

С очередным избранием В. В. Путина Президентом РФ в 2012 г. российская политика soft power стала встречать жесткое информационное противодействие западных СМИ. Конфликт вокруг ареста команды Arctic Sunrise и гринписовцев, совершивших акцию против буровой платформы «Приразломная» в Печерском море, а также вокруг истории с так называемым законом Димы Яковлева стали одними из ключевых на-

правлений формирования контримиджа России.

События на Украине и воссоединение Крыма с Россией, с одной стороны, еще более укрепили силовую составляющую в имидже России на мировой арене, подтвердив ее возрождение в качестве великой державы. С другой стороны, бескровное решение о вхождении Крыма в состав России на основе референдума было представлено мировому сообществу, как «ничем не спровоцированная» агрессия и экспансия. Застрельщиком международной изоляции России путем введения санкций выступают США, которые тем самым стремятся укрепить свои ослабевшие позиции в отношениях с ЕС и ограничить европейское сообщество в развитии взаимовыгодного сотрудничества с Россией.

Таким образом, использование «мягкой силы» в качестве элемента имиджевых технологий выступает важнейшим инструментом внутренней и внешней политики. Расширение функциональности и результативности soft power обусловлено, прежде всего, информационной революцией и радикально возросшими технологическими возможностями информационно-коммуникационного воздействия на население разных стран, целенаправленного формирования общественного мнения по различным вопросам. Кроме того, процессы глобализации формально основываются на принципах демократии, что предопределяет приоритет использования «мягкой силы» во внешней политике для формирования положительного имиджа ведущих держав мира и усиления привлекательности продвигаемой ими для других стран модели общественно-политического и социально-экономического устройства. Одновременно политика soft power неразрывно связана также с демонстрацией могущества ведущих держав и их экономического и военного потенциала в международных отношениях (вплоть до практического его применения в случае реальной или мнимой угрозы национальным интересам).

Такой вариативный синтез «мягкой» и «жесткой» силы лежит в основе современных международных отношений и определяет характер конкуренции ведущих политических сил на мировой арене. После поражения СССР и восточного блока в холодной войне США попытались установить систему однополярного мира, управляемого и контролируемого из одного центра. Однако такая политика, лежащая в основе процессов глобализации, получила противодействие не только со стороны России, не желавшей смириться с утратой статуса мировой державы, но и со стороны новых держав в лице Китая, Индии, Бразилии, ЮАР и других быстро развивающих свой потенциал стран.

Последние события на Украине и в Крыму показали, что Россия продемонстрировала «красную черту», которую перешли США и их союзники в ущемлении российских националь-

ных интересов. Россия дала понять всему миру, что использование американцами политики «мягкой силы» для продвижения своих интересов на ближайшей периферии России имеет свои пределы, которые будут встречать жесткое противодействие, вплоть до применения военной силы.

Как представляется, обострение отношений должно подтолкнуть Россию не только к укреплению своего военного потенциала, но и к извлечению урока в выстраивании отношений на евразийском пространстве с бывшими союзными республиками на основе более конкурентоспособной политики «мягкой силы». Тем более что нарастающие миграционные потоки в Россию свидетельствуют о том, что накопленный за период совместного проживания в едином государстве (даже с учетом накопившихся исторических обид и противоречий) потенциал российской привлекательности и притягательности для бывших союзных республик используется далеко не в полную силу.

Примечания

- 1 См.: *Най Дж. С.* Мягкая сила. Слагаемые успеха в мировой политике. N.Y.: Паблик афферз, 2004.
- 2 *Русакова О. Ф.* Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. Вып. 10. С. 174.
- 3 *Пономарева Е.* Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов // Свободная мысль. 2012. № 1/2. С. 90.
- 4 *Паршин П.* Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России. Аналитические доклады. Вып. 1 (36). Март. М.: МГИМО – Университет, 2013. С. 17.
- 5 См.: *Гукасов А. В.* «Жесткая» и «мягкая» сила как инструменты внешней политики США // Вест. Ин-та стратегических исследований. Вып. 1 : «Конфликты – безопасность – геополитика : стратегический анализ современного мирового развития». URL: http://www.pglu.ru/science/researches/nii-panin/vestnik/v1/Gusakov_A_V.pdf (дата обращения: 05.04.2014).
- 6 *Новоселов С. В.* «Мягкая сила» информационного общества // Каспийский регион : политика, экономика, культура. 2013. № 3 (36). С. 128.
- 7 *Пономарева Е.* Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов // Свободная мысль. 2012. № 3/4. С. 46.
- 8 *Князева М. И., Фадеева Н. И., Холкин И. Н.* Информационное пространство социокультурной идентичности. URL: www.isiksp.ru/library/knyazeva_mm/knyazeva-000004.html (дата обращения: 05.04.2014).
- 9 «Мы хотели как лучше». Питер ван Бурен: Как я помог проиграть войну за сердца и умы иракского народа. URL: <http://inosmi.ru/world/20120610/193397549.html> (дата обращения: 22.04.2014).
- 10 Там же.
- 11 См.: *Соловьева Е. В.* «Мягкая сила» – инструмент интеграции Китая в мировые процессы // Россия и АТР. 2012. № 1. С. 85–96.
- 12 Концепция участия Российской Федерации в содействии международному развитию. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/571FEF3D5281FE45C32573050023894F (дата обращения: 22.04.2014).
- 13 *Кулик С.* Содействие международному развитию и «мягкая сила» // Тенденции. Альманах Института современного развития 2012–2013. М., декабрь 2013. С. 30.
- 14 *Кулик С.* Репутация России за рубежом и частно-государственное партнерство // Там же. С. 32.

УДК 329.059470+571

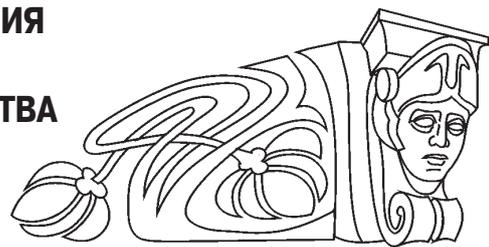
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА ПЛЮРАЛИЗМА ПАРТИЙНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В. И. Головченко

Саратовский государственный университет
E-mail: golovchenkoav@mail.ru

В статье речь идет о важнейших теоретико-методологических основах анализа партийно-идеологического пространства современной России и обосновании необходимости их совершенствования в связи с учетом общемировых тенденций развития идеологий и их политической функциональности, а также новых внутренних обстоятельств, появившихся в результате плюрализации российской многопартийности последних лет.

Ключевые слова: теория политических партий, теория политических идеологий, методологические основы анализа, партийно-

идеологическое пространство, функциональность политических партий, функциональность политических идеологий.

Theoretical and Methodological Bases of Analysis of Party and Ideological Space's Pluralism in Modern Russia

V. I. Golovchenko

The article is about main theoretical and methodological principles of analysis of party and ideological space of contemporary Russia. It is also about necessity of these principles' improvement taking into account world tendencies of ideology development, political

functionality and new intrinsic circumstances appeared as a result of pluralization of the modern Russian multiparty system.

Key words: theory of political parties, theory of political ideologies, methodological bases of analysis, party and ideological space, functionality of political parties, functionality of political ideologies.

Существенные изменения в партийной системе последних лет и резкое увеличение количества зарегистрированных партий в очередной раз актуализировали теоретико-методологические подходы к анализу идеологических оснований российской многопартийности. Анализируя идеологический плюрализм российских партий периода 1990-х гг., большинство российских и зарубежных исследователей акцент делали на неизбежности издержек «болезни роста» многопартийности, когда переход от доминирования КПСС во всех сферах общественной жизни вызвал «вулканический выброс» активности партстроительства на самых различных идеологических основаниях.

Неизбежная борьба на одних и тех же сегментах партийно-идеологического пространства постсоветской России привела к тому, что его чрезмерная фрагментация закончилась не на основе естественных процессов объединения и укрупнения близких по идеологическим принципам и мировоззрению общественно-политических сил, а в результате целенаправленного нормативно-правового регулирования и ужесточения формальных требований для регистрации и функционирования политических партий. Созданная на такой основе укрупненная партийная система продержалась более десятилетия и, несмотря на свою внешнюю эффективность, вновь была заменена на плюральную. Означает ли это, что при анализе вновь возникшего фрагментированного партийно-идеологического пространства можно вновь руководствоваться методологическими установками начального периода российской многопартийности? Думается, что нужны новые подходы, с помощью которых станет возможным адекватно отразить и всесторонне оценить те изменения в партийной системе современной России, которые произошли за последние годы.

Попытки предложить новую методологию анализа партийно-идеологического пространства уже имели место. Например, О. Ю. Малинова отмечает недостаточность устоявшейся традиции анализа циркулирующих в обществе идей, программ, доктрин, концепций, нарративов на уровне микрополитики, т. е. того, что «находится в головах», как основания для объяснения поведения индивидов и групп¹. По ее мнению, «переменные, описывающие все, что имеет отношение к мышлению и сознанию (ideational variables), до недавнего времени сравнительно редко включались в теории, описывающие макрополитические явления и процессы – развитие институтов, трансформацию политических ре-

жимов, формирование мирового порядка, эволюцию партийных систем и т. п.»². Как представляется, это утверждение не совсем верно, особенно с учетом советского опыта нашей истории, когда большая часть сфер общественной жизни формировались и тщательно выверялись на предмет соответствия идеологии марксизма-ленинизма. Другое дело, как интерпретировались идеи и замыслы классиков и как эта интерпретация была обусловлена логикой реального развития различных сфер общественной жизни. Поэтому более адекватным можно считать утверждение о том, что при анализе причинно-следственных связей между идеями о политике и реальными ее механизмами, институтами и структурами целесообразно «отказаться от представления об однозначной детерминированности в логике линейного подчинения. Исследователю социальных механизмов приходится сталкиваться со множеством разнообразных факторов, работающих на разных уровнях и в разных темпоральных срезах, используя соответствующие когнитивные схемы»³.

Особенно важно, на наш взгляд, развести само понятие идеологии и циркулирующих в науке, публицистике, СМИ и, соответственно, в обществе в целом политических идей и представлений. Несмотря на то что они связаны друг с другом и взаимозависимы, идеология как институт имеет существенные отличия. Суть заключается в том, что «идеологию отличает экспансизм – стремление ее носителей доказать свое преимущество перед иными социальными группами и получить политические, экономические или социальные преференции. Причастность к государственной власти позволяет распространить свою идеологию, сделав ее доминантной»⁴. Однако в результате даже массивного идеологического воздействия в СССР, так как оно лежало в основе деятельности всех институтов политической социализации, итоги внедрения были неоднозначными. Обусловлено это не только тем, что массовое сознание склонно к упрощенному стереотипизированному восприятию идеологических ценностей, но и наличием многих иных факторов, воздействующих на усвоение идеологии. Самым серьезным фактором было, например, расхождение между официально декларируемыми ценностями социального равенства и наличием льгот и привилегий для партийно-государственно-хозяйственной номенклатуры. Ценность свободы нивелировалась наличием системы тотальной цензуры и повсеместного партийно-государственного контроля за всеми сферами общественной жизни.

Данное противоречие между идеологией и идеями и ценностями, реально актуализированными в массовом сознании, характерно не только для авторитарных и тоталитарных режимов, но и для демократических обществ. Типичным примером служат расхождения между офици-

альной позицией руководителей многих стран Европейского сообщества в вопросе об отношении к России по поводу событий на Украине и общественным мнением населения данных стран. Противоречие обусловлено не только предисторией данного вопроса, наличием уже сформированной за многие годы нормального сотрудничества с Россией позиции, но и логикой здравого смысла большинства граждан. Они лишены необходимости руководствоваться «вышей» логикой геополитических интересов США и их союзников на Украине, и поэтому их восприятие событий осуществляется без двойных стандартов.

Сами публичные политики всегда находятся между «Сциллой и Харибдой» в формулировании своей официальной позиции по любому вопросу. С одной стороны, они не могут свободно выйти за рамки партийной (или официально сформулированной) программы, оценки, мнения и т. д., с другой – они вынуждены ориентироваться на доминирующее общественное мнение, без учета которого их шансы остаться на лидирующих позициях в политике, очевидно, будут минимизированы. Для анализа данного политического балансирования представляется целесообразным использование методов, смежных с политологией наук, в том числе лингвокогнитивного подхода. По мнению М. В. Гавриловой, исследование структуры и содержания когнитивных моделей имеют большое значение «для эффективного речевого взаимодействия различных социально-политических сил России, поскольку позволяют выявить особенности мышления представителей государственных и негосударственных политических институтов в определенный исторический период»⁵. Использование когнитивного подхода к анализу идеологического содержания политического текста, по мнению исследовательницы, представляет собой поиск ответов на следующие вопросы: «... что собой представляют базовые знания (верования) социальной группы? Какова структура идеологий? Как идеологии контролируют другие знания (верования) членов группы? Каков механизм формирования социальных и когнитивных систем?»⁶

Действительно, лингвокогнитивный подход позволяет не только «выявить имплицитно представленные в тексте идеи, провести междисциплинарный анализ идеологий, объективировать идеологические представления в виде различных форм представления знаний (фреймы, культурные и когнитивные модели, ментальные пространства, прототипы, сети и др.), идентифицировать модели мышления, создаваемые различными идеологиями»⁷, но и в определенной степени снять имеющееся методологическое противоречие между целями идеологии и ее реальными результатами. Несколько упрощая, можно утверждать, что политик говорит кон-

кретной аудитории прежде всего то, что от него хотят услышать именно в этой аудитории и лишь затем то, что соответствует его партийной идеологии или программно закреплённой позиции.

Поэтому лингвокогнитивный подход к анализу идеологических представлений политика действительно позволяет проследить динамику ценностных ориентаций и политических взглядов политика в результате конъюнктурного воздействия сложившегося общественного мнения и текущей политической ситуации.

Л. Г. Фишман для исследования такого положения фактически предлагает отказаться от однозначно негативного понимания эклектики как синонима беспринципности и использовать данное понятие в качестве важнейшей характеристики реальной политики, в том числе и в контексте ее соотношения с мировоззренческими и идеологическими основаниями. По его мнению, «в наше время идеологическая эклектика – доминирующий вид политического мышления, и в этом своем доминировании она стала главным морально-политическим вызовом»⁸. Однако автор сам признает, что беспокойство по поводу эклектичности политических программ и идеологий есть хороший признак: «... очевидно, в нас говорит моральное чувство, которому глубоко противна мировоззренческая всеядность и которое может при определенных условиях послужить основой для развертывания новой морально-политической рациональности».

А. А. Вилков обращает внимание на то, что Конституция РФ содержит в себе определенные нравственные императивы, но «приведение в соответствие декларируемой сущности и реального использования в политической практике конституционных норм в их нравственном контексте вряд ли может быть решено простой сменой политического лидера (как это предлагает радикальная оппозиция). <...> Но предварительным и обязательным условием видится нахождение компромисса между всеми политическими силами современной России на почве осознания ключевой опасности и неизбежности катастрофических последствий продолжения нравственной стагнации российского общества»⁹. К сожалению, многовековое стремление одухотворить политику высокими нравственными принципами и идеально-типическими образами политиков и политических систем так и не нашло своего полноценного воплощения ни в одном из идеологических проектов истории и современности. Жесткая конкуренция в борьбе за власть и использование властных инструментов в борьбе за доступ к материальным и иным ресурсам заставляют политиков использовать двойные стандарты в отношении своей публичной и скрытой от широкой общественности политической деятельности.

Г. И. Мусихин в этой связи предлагает использовать понятие идеологического дискурса,

которое, по мнению автора, становится фундаментальным. Суть его состоит в том, что поддержку от населения получает тот, кто может представить свою идеологическую позицию как устремление большинства. «При этом спор в публичном пространстве ведется не столько о конкретных механизмах управления обществом (они во многом универсальны), сколько о способности предложить последнему более привлекательную политическую (точнее – идеологическую) перспективу»¹⁰. В качестве такой эффективной идеологии автор предлагает концептуальную реанимацию популизма: «Неспособность существовать в качестве самостоятельной комплексной идеологии, вынуждающая популизм пользоваться не только конкретными работками, но и концептуальной сердцевинкой других идеологий, вовсе не означает, что популизм неузнаваем как особое идеологическое течение, обладающее собственными рамочными характеристиками»¹¹.

Думается, такой подход представляет собой констатацию того факта, что на первый план в современной политике выходят имиджевые технологии, в соответствии с которыми акцент в мотивации политического поведения граждан делается не на рациональных программах, которые оформлялись бы в соответствии с определенными идеологическими ценностями и принципами, а на привлекательности имиджа лидера, партии, программы. Достижение этой привлекательности выстраивается не только за счет идеологической эклектики предвыборных обещаний, но и за счет апелляции к иррациональным мотивам поведения избирателей. Для этого используется широчайший спектр информационно-коммуникационных манипулятивных технологий.

Некоторые исследователи акцент делают на том, что ключевую роль в манипулировании идеологическими инструментами в современных условиях играют глобальные корпорации (ГК), которые все более вытесняют традиционное доминирование государств в использовании данного фактора. По их мнению, «станут более частыми и более масштабными кампании по увеличению прибылей ГК, завуалированные некими глобальными общественными интересами (охраной окружающей среды, противостоянием терроризму и т. д.). Постепенно, но значительно снизится степень защиты прав человека, особенно социально-экономических прав. Произойдет расцвет манипулятивных технологий обработки массового сознания, обеспечивающих приход к власти политиков, которые действуют, прежде всего, в интересах ГК. <...> Роль государства будет минимизирована. В ткань гражданского общества будут во все большей степени целенаправленно внедряться структуры-симулякры, внешне радеющие об интересах народа (или конкретной социальной группы, права которой ущемляются), но реально служащие интересам ГК»¹².

К. С. Гаджиев обращает внимание на те опасности, которые несет в себе появление в секуляризованном обществе новых утопий, мифов, идеологий, функционально выполняющих роль тех же традиционных религий и идеологий. «Создается благоприятная почва для формирования и распространения, с одной стороны, всякого рода органицистских, традиционалистских, фундаменталистских, неототалитарных, неоавторитарных идей, идеалов, устоев, ориентаций, с другой – универсалистских, космополитических, анархистских, либертариистских, антиорганицистских и т. д. идей, установок, не признающих целостности, дисциплины, ответственности. При таком положении вещей для дезориентированных масс людей национализм, традиционализм, различные формы фундаментализма могут оказаться подходящим, а то и последним прибежищем»¹³. С этим нельзя не согласиться. Насколько опасна такая ситуация для социально, культурно и идеологически дифференцированного общества, наглядно демонстрируют трагические события последних месяцев на Украине. Однако ключевым фактором выбора того или иного вектора идеологических общественных предпочтений, на наш взгляд, выступает позиция политической и интеллектуальной элиты, степень осознания ею своей ответственности за судьбу возглавляемого сообщества. То есть фактически данная проблема также обусловлена актуализацией нравственного императива в политике.

Е. В. Мишанова акцент делает на инструментально-методологической стороне проблемы изучения партийно-идеологического пространства современной России. По ее мнению, исследовательскую схему целесообразно основывать на трех измерениях, включающих «практически все основные позиции, существующие в современных идеологиях (за исключением некоторых маргинальных и радикальных течений), позволяя достаточно полно описывать идеологический спектр во всем его многообразии. Она строится на теоретических представлениях об идеальных идеологических типах, а потому является более универсальной, чем системы категорий, разработанные на основе анализа материала конкретных стран. И, наконец, она имеет дело с идеями, с позициями, а значит, позволяет достаточно глубоко изучать содержание идеологий, понимаемых как организованные системы представлений о социальной и политической жизни»¹⁴.

Как представляется, автор несколько переоценивает возможности контент-анализа, даже основанного на многомерном измерении партийно-идеологического пространства. Его абсолютизация приводит к тому, как было рассмотрено выше, что изучается, прежде всего, та информационная среда, которая выступает целенаправленным, а отчасти и стихийным инструментом публичного идеологического воздействия на

общество. Однако в этом случае вне поля исследователя остается латентная мотивация деятельности политиков как носителей публичной идеологии. В результате исследование идеологических текстов осуществляется по упрощенной (хотя и многомерной) схеме. Условно ее можно обозначить следующим образом: «...то, что заявлено публично и представляет собой сущность этой идеологии или основу мировоззрения политика». На наш взгляд, не менее важно отслеживать реальное воплощение в политическую и социально-экономическую практику продекларированных идеологических идей и ценностей. Сделать это намного сложнее, так как многие политические решения принимаются не столь транспарентно, и выявить позицию и степень участия представителя конкретной политической партии не так просто, но именно в этом случае возможно реальное измерение нравственного потенциала политических лидеров и партий в целом и степени их ответственности за предвыборные обещания.

В рамках политической психологии политическая идеология трактуется функционально. Она призвана решать, прежде всего, такие психологические задачи, как: «1) Внедрение в массовое сознание определенных критериев оценки прошлого, настоящего и будущего; 2) Формирование в массовом сознании позитивного образа предлагаемых идей, целей, задач, в частности политического развития, и, соответственно, формирование общественного мнения по этому поводу; 3) Формирование смыслообразующих мотивов, детерминирующих дальнейшую политическую активность граждан»¹⁵. С этим нельзя не согласиться, но возникает вопрос о том, как такая функциональность реализуется в условиях политической конкуренции различных идеологий, особенно с учетом того, что государственная идеология в Российской Федерации запрещена на конституционном уровне? Может ли быть сформирована личностная модель мира, если в индивидуальный процесс познания и интерпретации социально-политической реальности включаются конкурирующие идеологии? Могут ли они в таком случае способствовать объединению и концептуализации личной и общественной сферы жизни людей? Какими должны быть условия выполнения положительной и социально ответственной роли идеологии «в построении фундаментальной психологической триады СОЗНАНИЕ–ВОСПРИЯТИЕ–ПОВЕДЕНИЕ»?¹⁶ Как представляется, речь о положительной функциональности политических идеологий можно вести в том случае, если их носители достигли определенного ценностного консенсуса, прежде всего по ключевым ценностям и принципам, обеспечивающим преемственность и социальную ответственность носителей различных идеологий.

Подводя итог, можно констатировать, что существующие теоретико-методологические

основы анализа партийно-идеологического пространства в современной России нуждаются в дальнейшем развитии с учетом целого ряда новых внешних и внутренних обстоятельств. Противоречивые процессы глобализации привели к тому, что, с одной стороны, традиционные идеологии западных стран подверглись определенной эрозии в результате попыток формирования некой наднациональной универсальной метаидеологии, а с другой, в результате проявления серьезных кризисных явлений не только в мировой экономике, но и в социокультурной сфере. Данные общемировые тенденции нуждаются в глубоко осмыслении и оценке с учетом того, что Россия включена в мировые процессы большим количеством разнообразных связей и отношений и не может не учитывать их воздействия.

Кроме того, радикальное изменение формата российской многопартийности также обуславливает поиск ответов на многие вопросы, отражающие ее идеологические характеристики. Насколько соотносится традиционно понимаемая функциональность партий и идеологий с их инструментальным функционированием? Можно ли говорить о наличии некоего универсального набора политических функций, характерного для любой идеологии, или же имеет смысл анализировать функциональность каждого конкретного ее носителя? Есть ли пределы и ограничения в манипуляционном использовании максимально политизированного партийно-идеологического пространства в современной России? От ответов на данные вопросы зависит не только судьба большинства зарегистрированных российских политических партий, но и судьба демократии в России как системы представительства и защиты разнообразных интересов российских граждан.

Примечания

- ¹ См.: Малинова О. Ю. Идеи как независимые переменные в политических исследованиях : в поисках адекватной методологии // Полис. 2010. № 3. С. 91.
- ² Там же.
- ³ Там же. С. 96.
- ⁴ Баранец Н., Веревкин А., Ершова О. Об идеологии и идеологизации науки // Власть. 2011. № 6. С. 127.
- ⁵ Гаврилова М. В. Экспликация идеологических представлений политика: лингвокогнитивный подход // Полис. 2010. № 3. С. 89.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 88.
- ⁸ Фишман Л. Г. Слишком много эклектики // Полития. 2010. № 2(57). С. 154.
- ⁹ Вилков А. А. Политическая целесообразность и нравственные основы Конституции Российской Федерации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 70.
- ¹⁰ Мусихин Г. И. Идеология и власть // Полития. 2010. № 304 (58–59). С. 38.

- ¹¹ Мусихин Г. И. Популизм : структурная характеристика политики или «ущербная идеология»? // Полития. 2009. № 4(55). С. 52.
- ¹² Комлева Н., Саймонс Г., Стровский Д. Идеологическая мощь геополитического актора : сущность, структура, российская практика // Власть. 2011. № 12. С. 125.
- ¹³ Гаджиев К. Метаморфозы идеологии в условиях глобализации // Власть. 2011. № 11. С. 8.
- ¹⁴ Мишанова Е. В. Проблема операционализации идеологического поля в контент-аналитических исследованиях // Полис. 2010. № 3. С. 78.
- ¹⁵ Аль-Дайни М. А. Манипулятивный характер идеологий в современной России: политико-психологический анализ : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2012. С. 12.
- ¹⁶ Там же.

УДК 94(47)

РОССИЯ И ЗАПАД: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ВОСПРИЯТИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ

В. А. Митрохин

Саратовский государственный университет
E-mail: mitrokhinva@yandex.ru

В статье исследуется эмигрантский опыт осмысления европейской политической культуры, ее влияния на российскую историю. Анализируется эволюция воззрений выходцев из России под воздействием политических процессов 20–30-х гг. XX в. Обоснована значимость политической практики в контексте сегодняшних европейских и мировых событий.

Ключевые слова: эмиграция, Запад, Россия, политика, демократия, либерализм, фашизм.

**Russia and West: Interaction Problems in Perception
of the Russian Emigration of the First Wave**

V. A. Mitrokhin

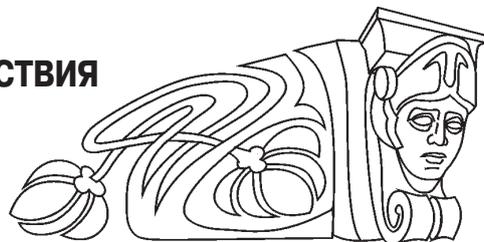
In article emigrant experience of European political culture judgment, its influence on the Russian history is investigated. Evolution of Russia natives views as a result of political processes of the 20–30th years of the XX century is analyzed. The importance of political practice in a context of today's European and world events is proved.

Key words: emigration, West, Russia, policy, democracy, liberalism, fascism.

Первые годы пребывания в эмиграции качественным образом повлияли на мировоззрение бывших подданных Российской империи, заставили пересмотреть годами складывавшиеся представления и ценности. Рассеянные по разным, преимущественно европейским, странам россияне не только решали насущные экономические и бытовые проблемы, связанные с адаптацией в новых условиях, но и обретали уникальный политический опыт, который рассчитывали применить в посткоммунистической России.

По мнению некоторых представителей диаспоры, само существование русского зарубежья в конечном итоге стало своеобразной «лабораторией», «крахом максимализмов» и начертанием будущего Отечества¹.

Не последнюю роль в формировании общественной позиции эмигрантов играла жесто-

чая идейная борьба, развернувшаяся в межвоенной Европе, и напрямую связанная с ней политическая практика. Повышенный интерес в русской среде вызвала западная демократическая система, функционирование ее институтов. Подробно исследовался вопрос взаимодействия русского и западного общественных укладов.

В главных своих чертах развернувшаяся дискуссия стала продолжением спора, начатого в девятнадцатом столетии западниками и славянофилами, о путях развития российской государственности. Как и прежде, линией водораздела являлось отношение к ценностям западного мира.

Значительное число выходцев из России было убеждено, что именно безоглядное подражание Западу, механический перенос европейских политических институтов и атрибутики на русскую национальную почву и стали первопричиной противоречий, породивших революцию. Именно здесь сокрыто «самое главное зло», «порок сердца, привитый России Петром». Данная точка зрения утвердилась в качестве краеугольного элемента исторической концепции евразийцев. В одном из первых сборников «На путях. Утверждение евразийцев» ее аргументированно представил Г. Флоровский. Автор считал, что завязка русской трагедии сосредоточена именно в факте культурного расщепления народа. Разделение просвещенного слоя и народа как двух культурно-бытовых, внутренне замкнутых и взаимно-ограниченных сфер «есть основной парадокс русской жизни, порожденный именно петровской реформой»². В этой связи события 1917 г. в России виделись автору как революция, русская по происхождению, смыслу и объективному содержанию. Свершившийся «суд истории» явил собой естественное завершение бездушного, глубинно не национального петербургского этапа русской истории.

Принципиальным противником подобного подхода являлся П. Н. Милюков. Поддержка

прозападной ориентации Российского государства, некогда избранной Петром Великим, пронизывала всю многогранную деятельность лидера конституционных демократов. Позиция находила свое отражение на страницах редактируемых Милюковым «Последних новостей», в многочисленных книгах и статьях, в публичных выступлениях. В концентрированной форме точка зрения историка представлена в статье «Петр Великий и его реформа», опубликованной в десятом номере эмигрантского сборника «На чужой стороне». В ней П. Н. Милюков проводил всесторонний и детальный анализ петровских преобразований, отвергая адресованное царю обвинение в разрыве некогда единого социокультурного пространства. Разрыв на «верхи» и «низы» с сопутствовавшей каждому слою культурной средой начался, по мнению автора, с XVI в. Статья завершалась патетичным призывом «преклониться перед Петром» и «поблагодарить его от имени многих поколений русской интеллигенции за то, что своей деятельностью он освободил нас от доказательств, что Россия – не Азия»³.

В интеллектуальных кругах эмиграции рассмотрение П. Н. Милюковым русской истории через призму европейской государственности вызывало неоднозначную реакцию. Полемику с ним вели П. Б. Струве, З. Н. Гиппиус, Н. В. Устрялов, Д. С. Пасманик и др. Петр Савицкий, один из ведущих лидеров евразийства, в статье «Проблемы русской истории» критически оценивал милюковское видение истории. По его мнению, П. Н. Милюков тенденциозен и стремился доказать безусловную «отсталость русского исторического процесса»⁴. Свое видение петровской эпохи Н. В. Устрялов отстаивал в переписке с евразийцами. В одном из писем П. П. Сувчинскому он писал о своем несогласии с евразийской трактовкой петровских реформ при полном признании созидательной и творческой деятельности евразийского сообщества⁵.

Радикально прозападной позиции придерживался другой русский эмигрант, автор нашумевшей книги «Две России» – А. А. Салтыков. По его версии, вся история русского государства была сплошным призыванием варягов: «Мы всегда спасались иноземным и иноземцами»⁶. Именно это обеспечивало относительную государственную стабильность и единение народов. В соответствии с этим теоретическим посылом оценивалась деятельность Петра и его последователей: «Петр был вторым Рюриком России, он снова оваряжил ее»⁷. По мнению автора, отличительной чертой политической истории последних веков являлось противоборство двух начал, по-разному творивших судьбу России. С одной стороны, это была сила этнической хаотической бездны, представляемая разрушительной и анархической российской общественностью, с другой – «сила европейско-христианского твор-

ческого устройства», выразителем которого был самодержавный режим.

Значимость внешних факторов в обеспечении государственного порядка и общественного единения обусловлена не только разрушительными особенностями «старомосковской» национальной элиты. Внутренняя противоречивость интересов отдельных частей огромной страны, по убеждению Салтыкова, не оставляет надежд на достижение национального согласия. Резко критическое восприятие национальной элиты выливалось на страницах книги в обвинение как «западников», так и «славянофилов» во врожденном анархизме и антигосударственности. Тем не менее львиная доля ответственности за поворот от Запада на Восток, к «темному этнизму» возложена на славянофилов и их сторонников.

А. А. Салтыков не был одинок в оценке Запада как плодотворной жизнеутверждающей силы, орошавшей своим влиянием страны и народы. В изданном в 1934 г. труде В. Станкевича «Динамика мировой истории» рассматривались различные аспекты воздействия западной цивилизации на мировое развитие. Анализируя достижения человечества в области правовой и политической организации общества, автор пришел к выводу, что большинство из них явились плодами развития западных народов. Особо отмечалась выдающаяся роль англосакских стран: «Нет ни одного нового начала права – будем ли мы говорить о президентской власти, об ограниченной власти короля, о представительных учреждениях, о разделении власти... которое не сложилось бы в этих странах»⁸. Таким образом, именно англосакские народы, по убеждению В. Станкевича, распространявшие свое влияние на другие страны (включая Россию), создали своеобразный правовой и моральный синтез «заветов Израиля и Эллады».

Исследуя динамику исторического процесса, автор пришел к убеждению, что именно западная система политической организации общества (на примере Англии) показала наибольшую жизнеспособность в условиях Первой мировой войны. В. Станкевич решительно выступал в качестве апологета политической системы, построенной на принципах западных либеральных ценностей. Демократический строй, по его убеждениям, в наибольшей степени соответствует заветным человеческим идеалам.

Исследование эмигрантской литературы и периодики позволяет нам утверждать, что подобное восприятие западного мира и его влияния на цивилизацию не являлось доминирующим. События Первой мировой войны, а также реакция западных стран на последовавшие затем революцию и Гражданскую войну послужили решающим основанием для пересмотра взглядов многих представителей первой волны эмиграции. Традиционная влюбленность российской элиты в Европу сменилась разочарованием, а

зачастую жестким неприятием общественно-го уклада и западных политических ценностей. Реальностью послевоенной европейской дипломатии стала постепенная смена политических ориентиров в отношении бывшей Российской империи, заигрывание с большевистской властью, а в конечном итоге юридическое признание ее. Все происходившее, в сочетании с ущемлением элементарных прав переселенцев в новых местах расселения, воспринималось в эмигрантских кругах не иначе как предательство союзников.

Общее разочарование в холодном и расчетливом Западе нашло отражение в книге С. Л. Франка «Крушение кумиров»: «Взаимная ненависть, озлобление, страх перед врагом, беспощадная эксплуатация слабых есть нормальное состояние европейской международной жизни, и то же обнаружилось в своекорыстном и лицемерном отношении бывших союзников к русскому несчастью»⁹. Автору книги, как, впрочем, и его соратникам, открылись новые, неведомые раньше черты духовного мира «цивилизованной» Европы, среди которых «душевная грязь и порочность при внешней чистоте и благопристойности»¹⁰.

Мотивы глубокого разочарования в действиях европейских государств, их реакции на события в России четко прослеживаются при прочтении книг и статей Д. С. Мережковского. Так, он писал: «Мы уже давно не ждем от Европы жалости... самые гордые из европейских народов продают им (большевикам. – В. М.) Честь свою за ничто»¹¹. Дмитрий Мережковский, рассматривавший события в России в апокалиптически-религиозных тонах, утверждал, что попытки «устроиться на самом краю провала» будут иметь для европейских народов далеко идущие последствия.

Еще большее возмущение вызывало у эмигрантов стремление западных политиков решить проблемы своих государств, воспользовавшись несчастьем России. А. В. Бобрищев-Пушкин в сборнике «Смена веков» прямо указал на колониальный подход Англии к России, своему бывшему союзнику по Антанте. Реализуя свои национально-эгоистические устремления на обширном пространстве от Архангельска до Туркестана, англичане, по мнению автора статьи, занимались откровенным грабежом, стремясь вывезти максимальное количество материальных ценностей из России¹².

Солидарную с А. В. Бобрищевым-Пушкиным позицию в отношении «союзнничества» Англии занимал другой эмигрантский автор – сторонник монархизма Н. Е. Муров. Анализируя выступление в парламенте в 1919 г. военного министра У. Черчилля, Муров убедительно доказывал, что поддержка Англией военной кампании в России была обусловлена, в первую очередь, необходимостью реализации британских стра-

тегических задач и замыслов: недопущения захвата немцами ресурсов, продолжения блокады Германии и т.д. Достаточно характерна в этой связи цитата из речи У. Черчилля: «Они (русские. – В. М.) образовали армии по нашему наущению и без сомнения в значительной степени на наши деньги. Такая помощь являлась для нас целесообразной военной политикой»¹³.

С большим скепсисом Муров оценивал результаты морального прогресса народов Европы, считавших себя цветом цивилизации и с пренебрежением смотревших на народы, неспособные, по их пониманию, к такой цивилизации. Ненависть, милитаризм, разжигание худших страстей явились некоторыми из признаков болезни, охватившей современную культуру. Сама мировая война стала итогом формирования «направляющего идеала». По мнению Мурова, обеспечив контроль над общественным мнением, сравнительно небольшая группа людей, по сути, «реквизировала мозг» европейского обывателя. В итоге стала возможна и оправдана смерть миллионов людей.

Вполне определенные задачи в ходе рукотворно организованной смуты ставились в отношении России. Планировалось «расшатать и расчлнить Государство русского народа, довести его до финансового банкротства и тем установить в будущем задолженность и полную зависимость России от иностранного капитала»¹⁴. В конечном итоге в планы Запада входило обеспечение контроля над естественными богатствами, производительными силами и рождаемостью в государстве. Революция в России, ставшая одним из итогов мировой войны, по мнению русского эмигранта, была «тайно подготовлена и руководима западноевропейской и американской финансовой аристократией»¹⁵. Импульсивная, направляемая Западом интеллигенция являлась в данном случае материалом для реализации далеко идущих планов.

Аналогичное видение мировой войны и последовавших за ней событий характерно для Н. С. Трубецкого. В статье «Русская проблема» он писал: «Война смыла белила и румяна гуманной романо-германской цивилизации, и теперь потомки древних галлов и германцев показали миру свой истинный лик – лик хищного зверя, лязгающего зубами». По мнению русского князя, война Запада с Россией будет продолжаться «пока ее не поделят и не отдадут одному из романо-германских зверей». В этом для «реальных европейских политиков» и состоит сущность русской проблемы¹⁶. При всей разнице политических воззрений Н. С. Трубецкого и Н. Е. Мурова, они были едины в критике очередных попыток перестроить Россию на западный манер: «...война и последовавшие за ней события показали, что русскому народу у нравственно обанкротившейся западноевропейской безжалостной и антирелигиозной цивилизации учиться нечему»¹⁷.

События 1930-х гг. анализировались в эмигрантской среде не только с точки зрения возможных последствий территориальной экспансии Германии. Бурное развитие немецкого государства, «триумфальное» шествие фашизма по Европе многими воспринимались через призму эффективности функционирования политических механизмов и являлись предметом аргументации в многолетнем споре о приоритетах тех или иных политических ценностей.

С новой силой в начале 1930-х гг. развернулась критика либерально-демократической модели государственности. В немалой степени разочарование, вылившееся на страницы эмигрантских изданий, можно объяснить недостаточной привлекательностью традиционной системы демократических ценностей на фоне развернувшейся в Европе политической борьбы. Категоричное неприятие либерального политического уклада характерно для книги С. В. Дмитриевского «Сталин». Существеннейшей чертой этого уклада автор считал резкое несовпадение интересов политической элиты и народа. Грядущий политический миропорядок будет созидаться, по его мнению, «не в пропитанных ложью и предательством кулуарах парламентов, не в канцеляриях продажных соглашательских партий и не в затхлых редакциях «демократической прессы», а «там, где народ». С точки зрения С. В. Дмитриевского, «мещанская демократия» обречена самой историей. Предстоящие испытания вынудят монополистический капитал перестроить несоответствующую запросам времени структуру власти: «Все публичные дома политики сегодняшнего дня, вероятно, будут разогнаны и закрыты»¹⁸. В связи с неизбежным приближением грозных испытаний автор призвал принять революцию («она принесла с собой много жизненно ценного – и этого не выкинешь») и влиться в число борцов за национальную империю, построенную на принципах свободного союза народов России.

«Кризис демократии» как политической реальности 1930-х гг. исследовался в научных и публицистических статьях Н. В. Устрялова. Часть из них была объединена в сборник «Наше время», изданный в Шанхае в 1934 г. В статье «Пути Синтеза (к познанию нашей эпохи)» известный ученый пришел к выводу о неизбежности масштабного противостояния двух доминировавших в общественном сознании политических сил: большевизма и фашизма. И та, и другая «явно стремятся стать наследниками отмирающей буржуазной демократии»¹⁹. Сама демократия, оказавшаяся в ходе конкурентной политической борьбы на периферии общественных интересов, являла собой, по мнению исследователя, «оскорбление природы, знак упадка и расслабленности». Именно авторитарные, а не демократические тенденции должны будут формировать всю архитектуру европейского полити-

ческого пространства накануне грозных испытаний. На этом фоне, по мнению Н. В. Устрялова, видоизменялись смысл и содержание категорий, являвшихся краеугольными в рамках формально-демократического общественного устройства. В статье «О революционном тягле» автор характеризовал трансформацию, произошедшую в общественном сознании в отношении понятия «свобода»: «Народы большого стиля в судные часы своего бытия никогда не боялись и всегда дерзали, «становясь на горло собственной свободе», сознавать себя «рабами» заданной им великой идеи»²⁰.

Существенную эволюцию под влиянием радикальных общественных изменений претерпели взгляды профессора Е. В. Спекторского. На протяжении 1920-х гг. ученый неоднократно выступал на страницах эмигрантской печати с защитой европейских культурных и политических ценностей. Однако в вышедшей в середине 1930-х гг. брошюре «Либерализм» Е. В. Спекторский вынужден был признать ошибочность многих постулатов европейского либерализма, его непривлекательность перед лицом набравшего силу фашизма: «Пафос личной свободы бледнеет перед пафосом дисциплины. Религия либерализма отстает перед религией национализма»²¹. Ошибка либерализма, по мнению ученого, состояла в том, что сложный вопрос об отношениях между личностью, обществом и государством слишком упрощался и односторонне решался только в пользу личности: «Это неправильно и принципиально и фактически». Абсолютизация принципов либерализма имеет неизбежным следствием «индивидуальное и социальное попустительство», пренебрежение нравственными нормами и государственными императивами. Либерализм «к добру и злу постыдно равнодушен» и порождает общества холодные и бездушные. Вместе с тем, по мнению профессора Спекторского, «зло свободы» следовало оценивать не само по себе, а в сравнении со злом принуждения и особенно насилия: «Мудрость требует не искоренения свободы, а ее уравновешения другими началами»²². По его убеждению, анархия, к которой неизбежно ведет крайняя свобода, также невыносима, как и рабство, к которому ведет крайнее подчинение.

Обретение власти фашистами с использованием всего «инструментария» демократической государственности заставило российских эмигрантов по-новому взглянуть на проблему эффективности демократических институтов. Доминирующим мотивом в характеристике происходившего являлось признание факта «кризиса демократии». Такая оценка в среде российской политической элиты разделялась как сторонниками, так и противниками либерально-демократических убеждений. Вместе с тем анализ европейских политических сдвигов осуществлялся через призму устоявшихся общественных сте-

реотипов. Представители разных идейных течений эмиграции, оперируя конкретикой европейской политической борьбы, стремились найти подтверждение правоты собственной позиции и доказать ошибочность взглядов оппонентов. Многополярность политических оценок – отличительная черта эмигрантского толкования эволюции немецкой государственности и связанно с ней краха демократических институтов.

Безусловным подтверждением правоты собственной позиции явились события в Германии для И. А. Ильина. По его мнению, крушение демократической государственности – процесс неизбежный и естественный. В статье «Кризис демократии», опубликованной в «Возрождении» в 1933 г., Ильин писал: «Путь от демократической демагогии к тирании и крушению государства знали уже Фукидид и Аристотель; и сколько раз с тех пор человеческая история проделывала этот политический вихрь»²³. По мнению признанного авторитета русского зарубежья, рассечение всенародного тела на враждебно-противостоящие друг другу части и обязательства служить исключительно целям одной из них «есть дело ложное и гибельное»²⁴.

Наиболее ярко подобные настроения прослеживаются в публикациях Е. Д. Кусковой, постоянного автора «Последних новостей». «Загадка» Европы, которая безропотно «идет под крыло диктаторов и насильников», исследуется в статье «О насилии и молчании». Сам факт появления новых тиранов не вызывал у автора особого удивления («они всегда были»). Гораздо больше поражала Кускову реакция европейской публики на злодеяния фашистов: «Не было раньше этого тоталитарного молчания и покрытия своим согласием чудовищных правонарушений правителей»²⁵.

Исследование западного менталитета было продолжено в статье «О захолустном патриотизме». На этот раз в центре внимания оказалась реакция западного сообщества на российскую эмиграцию и перспективы политического развития. Основной чертой европейских политиков Кускова называла практицизм. Данное качество, с ее точки зрения, в решающей степени определяло характер их действий в отношении эмигрантов («никто из иностранцев давно уже не обращает внимания на вопли русских “патриотов” – “не объединяйтесь со Сталиным!”»). Е. Д. Кускова придерживалась убеждения, что «очень реальные политики» на Западе способны на самые неожиданные перемены политической «ориентации» в интересах своих стран. Кускова допускала возможность резкой смены политических предпочтений главой германского государства²⁶. Дальнейшее развитие событий подтвердило полную правоту сделанного прогноза. Вопрос, заданный автором статьи «О захолустном патриотизме» в 1938 г. («Что тогда будут делать русские “патриоты”?»), уже через год встал перед

сторонниками «фашистского давления на коммунизм».

Крайнее разочарование в связи с пассивно-созерцательной позицией европейского политического бомонда нашло отражение в статье Е. Д. Кусковой «Где Европа?». Поводом для публикации послужили политические события, приведшие к окончательной ликвидации Чехословакии весной 1939 г.: «Много невероятного случилось за последнее время в Европе. Но то, что произошло вчера, показывает, что этим неправдоподобным событиям нет предела»²⁷.

Не оправдавшие себя внешнеполитические надежды демократов, да и само развитие политического процесса в предвоенной Европе, серьезно подорвали престиж либеральной западной идеологии в эмигрантских кругах и качественно сказались на формировании идейных позиций молодого поколения.

Опыт исследования европейской политики, обретенный русской эмиграцией в межвоенное время, сохраняет свою актуальность в нынешних условиях. Ряд «ментальных» характеристик европейцев, удививших некогда выходцев из России, с поразительной устойчивостью воспроизводятся в последние десятилетия. И несмотря на то что несколько изменился социально-политический ландшафт, суть осталась прежней.

Европа вновь демонстрирует готовность следовать в фарватере политики «большого брата». Его место после крушения «тысячелетнего рейха» заняли Соединенные Штаты Америки. Удивлявшая русских «покорность» европейских народов в полной мере проявилась в период балканских событий 1990-х гг. После крушения относительно устойчивого биполярного устройства мира «большой брат» устроил кровавую бойню в центре Европы. Судьбу расчлененной Чехословакии на этот раз повторила Югославия. Вопрос, когда-то сформулированный в 1930-е гг. русскими эмигрантами («Где Европа?») под влиянием неправдоподобных и аморальных событий вновь остался без ответа.

На наших глазах реализуется очередной геополитический «проект» – украинский. По уже накатанной схеме активизированы противоречия внутри страны, отобилизована и приведена к власти оппозиция «тоталитарного режима», вновь польхают города и села, льется кровь. Острие смоделированной агрессии вновь направлено на восток, в сторону России. Где правозащитники? Куда подевались «сакральные» ценности европейской политической культуры? Что произошло со свободой слова и общественным мнением? Очевидная несправедливость происходящих событий в рамках обустройства «нового мирового порядка» ставит на повестку дня множество вопросов.

На фронтах развернувшейся информационной войны нет-нет да и возникает вопрос о политической позиции европейского истеблиш-

мента. «Какой она будет?» – спрашивают журналисты, политические аналитики и простые граждане, пассивно созерцая очередную схватку на «великой шахматной доске». Ответ на этот вопрос дали наши соотечественники, не по своей воле ставшие свидетелями и участниками европейской и мировой трагедии в середине прошлого столетия.

Примечания

- 1 См.: *Кочаровский К. Р.* Зарубежье и отечество. Белград, 1937. С. 13.
- 2 *Флоровский Г.* О патриотизме праведном и греховном // На путях. Утверждение евразийцев : сб. Кн. 2. М. ; Берлин, 1922. С. 270.
- 3 На чужой стороне : Историко-литературный сборник. №. 10. Берлин ; Прага, 1925. С. 28.
- 4 ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 4.
- 5 Там же. Ед. хр. 312. Л. 26.
- 6 *Салтыков А. А.* Две России. Национально-психологические очерки. Мюнхен, 1922. С. 30
- 7 Там же. С. 20.
- 8 *Станкевич В.* Динамика мировой истории. Париж ; Берлин, 1934. С. 219.
- 9 *Франк С. Л.* Крушение кумиров. Берлин, 1924. С. 3.
- 10 Там же. С. 50.
- 11 *Мережковский Д. С., Гиппиус З. Н., Философов Д. В., Злобин В. А.* Царство антихриста. Лейпциг, 1922. С. 22.
- 12 См.: Смена вех : сб. ст. Прага, 1921. С. 114.
- 13 *Муров Н. Е.* Плоды народовластия. Париж, 1923. С. 218. Свокорыстность позиции Англии, по мнению части эмигрантов, в полной мере нашла отражение в

деятельности посла союзнической державы в России сэра Дж. Бьюкенена. В ряде зарубежных изданий (см., например: *Волин А.* Молодая Россия. Конец русского погрома. Берлин, 1921. С. 167 и др.) указывалось на существенный вклад главы британской миссии в подготовку свержения монархии. Данная точка зрения была представлена на страницах эмигрантской монархической печати. Журнал «Двуглавый орел» 1 июля 1921 г. писал: «Великобританский посол сэр Бьюкенен, верный традициям английской дипломатии, навеки вписал свое имя в летопись истории яркими штрихами подлости и предательства». Факт распространенности мнения о причастности к подготовке революции признавал и сам Дж. Бьюкенен. В своих мемуарах он отмечал: «Многие еще сейчас верят, что я был главным двигателем революции, который привел ее в движение и пустил в ход <...> это обвинение тяготеет надо мной, и я никак не могу от него избавиться» (*Бьюкенен Дж.* Моя миссия в России. Воспоминания дипломата : в 2 т. Берлин, 1924. Т. II. С. 68–70).

- 14 *Муров Н. Е.* Указ соч. С. 46.
- 15 Там же. С. 45.
- 16 На путях. Утверждение евразийцев. С. 296–297.
- 17 *Муров Н. Е.* Указ соч. С. 48.
- 18 *Дмитриевский С. В.* Сталин. Берлин, 1931. С. 16.
- 19 *Устрялов Н. В.* Наше время. Шанхай, 1934. С. 64.
- 20 Там же. С. 56.
- 21 *Спекторский Е. В.* Либерализм. Люблина, 1935. С. 10.
- 22 Там же. С. 13.
- 23 Возрождение. 1933. № 2841 от 13 марта. С. 13.
- 24 Там же.
- 25 Последние новости. 1938. № 6188 от 5 марта.
- 26 Там же. 1938. № 6355 от 20 авг.
- 27 Там же. 1939. № 6562 от 16 марта.

УДК 324, 342.8

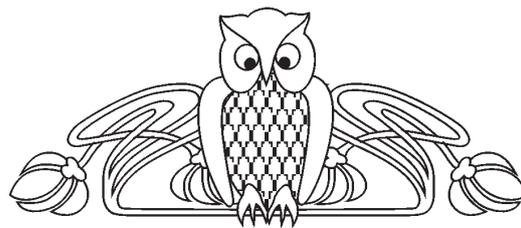
ВОЗВРАТ К ПРЯМЫМ ВЫБОРАМ ГУБЕРНАТОРОВ: НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЯЕМОЙ ДЕМОКРАТИИ

В. Г. Семенова

Саратовский государственный университет
E-mail: semenovavg@mail.ru

Статья посвящена политико-правовому анализу проблемы формирования института высшего должностного лица региона в современной России. Реализация нового федерального закона, предусматривающего возврат к прямым выборам губернаторов либо их назначение региональным законодательным собранием, актуализировала научную дискуссию в политологическом сообществе, направленную на обсуждение целесообразности принятия такого закона, его эффективности и возможных последствий.

Ключевые слова: выборы, губернаторы, демократия, политическая конкуренция, регион.

Return to Direct Elections of Governors: New Technology of Guided Democracy

V. G. Semenova

Article is devoted to the political and legal analysis of the problem of establishing the institution of higher official of the region in modern Russia. Implementation of the new federal law that provides a return to direct elections of governors, or their purpose regional legislature, actualized scientific debate in political science community to discuss the desirability of such a law, its effectiveness and possible consequences.

Key words: elections, governors, democracy, political competition, region.

Понятие современной демократии включает в себя не только ее нормативные определения как системы политического правления, опирающейся на ряд фундаментальных принципов, но также мировоззренческие подходы к определению свободы, прав человека, к отношениям между обществом и государством, философские и иные основания человеческого существования в условиях современности. В то же время в каждой исторической эпохе существует определенный набор стандартов, апробированных реальными практиками и получивших широкое институциональное воплощение. В настоящее время к таким фундаментальным принципам демократического политического режима относят выборность властей, принцип разделения властей, верховенство закона, независимую судебную систему, независимые СМИ, набор разнообразных прав и свобод личности и гражданина, политический плюрализм, наличие институтов гражданского общества и т. д. Данный ряд характеристик можно продолжить, тем более что в настоящее время ведутся бурные дискуссии о том, можно ли говорить о «национальных» моделях демократии (адаптированных к уникальным культурным, историческим и иным условиям развития политики) или все же должен быть некий универсальный набор характеристик, норм и принципов, позволяющих рассуждать о политических режимах в одном смысловом поле.

Попытки подвести разные общества под общий знаменатель демократичности оказываются весьма непростой, зачастую предельно формализованной исследовательской практикой. Демократизирующиеся общества, в общепринятом значении этого термина, также находятся на абсолютно различных этапах или стадиях этого процесса, в силу чего нецелесообразно было бы подходить с одними и те же критериями и предъявлять одни и те же требования к оценке их функционирования. С другой стороны, построение любой объяснительной модели требует поиска адекватных критериев оценки тех или иных политических практик, которые можно наполнить эмпирикой, проследить их динамику, сравнить, построить на их основе определенные корреляции. Несмотря на многочисленные исследования, дихотомия «демократия–авторитаризм» продолжает оставаться «общепринятой» оценочной шкалой в деятельности любого политического режима, а выборы – одним из таких универсальных критериев построения подобной шкалы. Демократия является сложным, многоуровневым и разноплановым явлением и, безусловно, не исчерпывается процедурой выборов как таковых. Однако именно выборы зачастую создают основу для развития других, более важных и существенных проявлений демократии. Но важно подчеркнуть, что основное функциональное назначение выборов – это смена власти, иначе они теряют свой смысл и значение. За

последние несколько лет в российском законодательстве был принят ряд существенных законов, вновь изменивших избирательную систему, имеющих потенциал переформатировать политическое пространство, сделать его более конкурентным, прозрачным и демократичным. Однако сработает ли этот потенциал, будет зависеть от множества факторов, выделение и изучение которых является актуальной задачей современной российской политической науки.

Одним из таких серьезных нововведений стало возвращение процедуры прямых непосредственных выборов главы исполнительной власти региона (губернатора). Необходимо отметить, что процедура формирования института высшего должностного лица субъекта РФ прошла достаточно длительный и сложный период своего развития, от полного контроля со стороны президента до всенародных прямых выборов населением соответствующего региона. Дело в том, что Конституции РФ не устанавливает порядка формирования органов власти в регионах. Только в ч. 1 ст. 77 говорится, что «система органов государственной власти республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов устанавливается субъектами Российской Федерации самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти, установленными федеральным законом»¹. Стоит согласиться с мнением многих правоведов о том, что именно конституционная неурегулированность данного вопроса породила ситуацию, когда важнейшие конституционные принципы – всеобщность, равенство, прямое, тайное голосование и другие – стали объектом постоянного изменения. Известный российский специалист в области конституционного права С. Авакьян отмечает, что за прошедшие годы только в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» были внесены поправки и дополнения 53 законами, зачастую в одном акте были десятки новшеств².

Расплывчатая формулировка Конституции РФ позволила несколько раз поменять и порядок формирования региональных органов власти. Так, до 2004 г. губернаторы в России избирались напрямую населением, но в сентябре 2004 г. этот порядок был изменен. С этого времени они официально утверждались в должности решениями законодательных органов по предложению президента. Соответствующий порядок был прописан Федеральным законом № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Президент вносил кандидатуру

губернатора в законодательный орган региона, а депутаты соглашались или не соглашались с данной кандидатурой. В период с 2005 по 2012 г. в политологическом дискурсе сформировалось такое понятие, как «управляемые выборы», так, по сути, была охарактеризована процедура назначения губернаторов. Однако в конце 2011 – начале 2012 г. волна протестных выступлений после выборов в Государственную думу поставила на повестку дня дискуссию о возвращении непосредственных выборов губернаторов. Результатом стало принятие соответствующего Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”»³.

В соответствии с новым Федеральным законом высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации избирается гражданами Российской Федерации на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании на срок не более пяти лет и не может замещать указанную должность более двух сроков подряд. Кандидат считается избранным, если за него проголосовало более половины избирателей, принявших участие в голосовании. В 2013 г. выборы в соответствии с новым законодательством уже прошли в 8 регионах Российской Федерации, в 17 субъектах (данные на 24 апреля 2014 г.) ожидаются в текущем году в единый день голосования 14 сентября 2014 г.⁴ Однако федеральной властью обсуждается инициатива провести досрочные выборы губернаторов и в тех регионах, где они должны проходить в 2015 и в 2016 гг., чтобы «разгрузить» эти регионы перед парламентскими и президентскими выборами.

Политико-правовой анализ «новой» системы выборов губернаторов ставит на повестку дня обсуждение нескольких важных вопросов. И первым в этом ряду встает вопрос реальной политической конкуренции, равных прав и возможностей граждан на пассивное избирательное право, т. е. быть избранными на разные государственные должности. Интересно, что ч. 3 ст. 32 Конституции РФ гласит, что единственным ограничением избирательных прав граждан является признание судом недееспособности, а также содержание в местах лишения свободы по приговору суда⁵. В то время, как ч. 3, 3.1 и 4 ст. 4 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» перечисляют, кто в России лишен права быть избранным. Помимо тех категорий, которые указаны в Конституции, закон вводит еще несколько категорий, например, пассивного избирательного права лишаются граждане, подвергнутые административному наказанию за

совершение административных правонарушений (пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций и производство и распространение экстремистских материалов)⁶. Очевидно, что подобные поправки были приняты как ответы на выдвижение, серьезные позиции (А. Навальный), а иногда и победу (Е. Ройзман) поддерживаемых оппозиционных лидеров, против которых всегда можно возбудить административное или уголовное дело за разжигание экстремизма, что впоследствии лишит их права баллотироваться на любые посты.

Кандидаты на должность губернатора выдвигаются политическими партиями, при этом важно, что политическая партия вправе выдвигать как члена данной политической партии, так и беспартийного гражданина. Выдвижение кандидата в порядке самовыдвижения может предусматриваться законом субъекта Российской Федерации. Однако в подавляющем большинстве субъектов РФ приняты соответствующие законы, устанавливающие порядок выдвижения кандидатов только политическими партиями (кроме г. Москвы, где действующий мэр города С. Собянин участвовал в избирательной кампании как самовыдвиженец)⁷.

Федеральная власть объясняет данный факт принятием новой редакции ФЗ «О политических партиях», которая значительно упростила порядок регистрации политических партий. Так, по заявлениям заместителя председателя ЦИК С. Вавилова, с 2012 г. наблюдается поступательное увеличение количества политических партий, активно участвующих в электоральных процессах⁸. На настоящий момент зарегистрировано 77 политических партий, из которых правом участия в выборах обладают 67. Партии значительно расширили свое представительство на выборах в регионах. В единый день голосования в 2012 г. в выборах принимали участие 26 политических партий, в сентябре 2013 г. уже 54 (имеются в виду все уровни избирательных кампаний)⁹.

Однако если посмотреть, сколько из этих «участвующих» политических партий реально смогли получить представительство в муниципальных, региональных законодательных органах власти и тем более повлиять на избрание своего губернатора, то картина складывается абсолютно другая. Выборы в единый день голосования продемонстрировали успешное выступление представителей власти и «Единой России» в подавляющем большинстве территорий, особенно это характерно для губернаторских выборов, где использовалась технология временного исполняющего обязанности главы исполнительной власти (Московская область, Владимирская область, Забайкальский край, Магаданская область). В то же время нельзя не сказать, что

эксперты отмечают и заметную либерализацию политической жизни, учитывая, что ряд небольших, а иногда и неизвестных политических партий (например мало кому известная Коммунистическая партия социальной справедливости в Волгограде) смогли провести своих представителей в муниципальные органы власти¹⁰. Помимо общеизвестных партий, а также находящихся на слуху «Яблока», «Гражданской платформы», «Родины» в представительных органах местного самоуправления на сегодняшний момент в разных регионах представлены Партия пенсионеров (Екатеринбург), Российская партия пенсионеров за справедливость (Белгород), «Патриоты России» (Красноярск), «Коммунисты России» (Майкоп)¹¹. Но важно понимать, что присутствие представителей этих партий в муниципальных законодательных собраниях еще ничего не решает, так как необходимо конвертировать мандаты в руководящие посты, а это, скорее всего, при минимальных результатах пока сделать не получится.

Отчасти свидетельством снижения административных возможностей партии власти на выборах называют и результаты выборов мэра г. Москвы, где оппозиционный кандидат А. Навальный сумел набрать более 27% голосов. Но те же социологи отмечают, что основным фактором стала низкая явка избирателей, причем именно потенциального электората С. Собянина (уверенность в том, что он и так победит), максимальная мобилизация протестного электората А. Навального в противовес власти, неожиданное голосование пенсионеров за оппозиционного кандидата¹². Вряд ли подобную ситуацию можно назвать формирующейся закономерностью, способной привести к реальной либерализации политического пространства в регионах. Хотя крупные города, действительно все чаще демонстрируют протестное голосование.

На выборах законодательных органов субъектов Федерации, конечно, спектр мелких партий значительно меньше. На выборах губернаторов шансы мелких партий вообще стремятся к нулю. Дело в том, что если даже политическая партия успешно прошла этап регистрации и получила право выдвинуть своего кандидата на выборах губернатора, в соответствии с новым законом вводится понятие «муниципального фильтра», преодолеть который становится почти нереальным. Для мировой политической практики это явление весьма привычное (например, используется на президентских выборах во Франции), нацеленное на отсеечение политиков-популистов, не имеющих серьезной поддержки в обществе, бизнесе или элитах. Но, как правило, это весьма небольшой процент порядка 1–2% необходимых голосов в поддержку. В субъектах Российской Федерации кандидаты должны поддержать от 5 до 10% депутатов представительных органов муниципальных образований и избранных на

выборах глав муниципальных образований (конкретная цифра устанавливается в законе субъекта РФ). По сведениям ЦИК, в тех регионах, где выборы губернатора проходили в сентябре 2013 г., самый маленький процент муниципальной поддержки установлен в г. Москва (6%), в основном же это 8% (Забайкальский край, Владимирская область) и 10% (Магаданская область, Чукотский АО)¹³.

Эксперты одного из московских аналитических центров наглядно показали, каковы были возможности прохождения фильтра представителями правящей партии и оппозиции в нескольких субъектах¹⁴. Например, во Владимирской области при проходном барьере в 8% (135 подписей) спокойно фильтр проходил только кандидат от «Единой России», контролирующей почти 63% депутатов муниципальных собраний. Теоретический шанс мог быть у «Справедливой России» (6,69%) и КПРФ (5,86%) – при условии, что они смогут привлечь ресурс так называемых самовыдвиженцев, которых в области 23,1% (390 человек). Кандидатам от других партий при желании принять участие в выборах предстоит серьезная борьба за голоса независимых депутатов, 135 из которых теоретически могут стать подписантами в пользу представителей ЛДПР. В Магаданской области, где «Единая Россия» контролирует 74% муниципального депутатского корпуса, для представителей оппозиционных партий ситуация более печальная. Чтобы стать кандидатом на выборах в этом регионе, необходимо собрать подписи 10% депутатов, т. е. 46 человек. Казалось бы, это немного, но когда у каждой из остальных партий не более пяти муниципальных депутатов, 46 подписей становятся серьезным барьером.

Важно отметить, что кандидату необходимо получить поддержку не менее чем в трех четвертях соответственно муниципальных районов и городских округов, внутригородских муниципальных образований, при этом депутат представительного органа муниципального образования может поддержать только одного кандидата. Учитывая фактическую зависимость глав местного самоуправления от руководителей регионов, ставленниками которых они фактически являются, нереально и абсурдно рассчитывать на их подписи в поддержку оппозиционных партий или самовыдвиженцев. Таким образом, возможность пойти на выборы ставится в зависимость от людей, по сути, находящихся в зависимости от вышестоящих органов власти.

Помимо вышесказанного, в Законе предусмотрена норма о том, что кандидату в губернаторы, участвующему в выборах в порядке самовыдвижения, помимо получения указанной поддержки, необходимо собрать от 0,5 до 2,0% подписей избирателей, зарегистрированных на территории субъекта Российской Федерации, что делает его участие в выборах почти нереальным. В такой

редакции губернаторские выборы, по крайней мере, на стадии выдвижения кандидатов, назвать в подлинном смысле прямыми, открытыми и конкурентными весьма затруднительно. На примере даже нескольких регионов видно, что муниципальный фильтр может сделать процесс выдвижения кандидатов простой имитацией, когда депутаты от партии власти, если и будут отдавать свои голоса, то для видимости конкуренции. Муниципальный фильтр скорее предназначен для отсека «ненужных» кандидатов, более того, его применение приведет к усилению зависимости муниципальных депутатов и глав муниципальных образований от региональной власти. В итоге выборы губернаторов еще на этом выдвижения кандидатов рискуют превратиться в имитацию.

Помимо «муниципального» новый Закон предусматривает и так называемый президентский фильтр, правда под ним в информационном пространстве понимают несколько разные вещи. Во-первых, в Законе сказано, что Президент Российской Федерации по своей инициативе может провести консультации с политическими партиями, выдвигающими кандидатов на должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации), а также с кандидатами, выдвинутыми на указанную должность в порядке самовыдвижения¹⁵.

Доверие Президента по-прежнему остается одним из важных факторов легитимации власти губернаторов. В 2013 г. в уже принятый Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» была принята поправка. Согласно дополнению конституцией (уставом), законом субъекта Федерации может быть предусмотрено, что высшее должностное лицо субъекта РФ (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) избирается депутатами законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации¹⁶. Право предложить президенту по три кандидата в губернаторы получают партии, представленные в региональном и федеральном парламентах. Глава государства направит любые три из них на рассмотрение регионального парламента, который одного из них наделит губернаторскими полномочиями. Важно подчеркнуть, что Президент РФ по своей инициативе может провести консультации с политическими партиями и выдвинутыми в порядке самовыдвижения кандидатами. Некоторые политологи именно эту процедуру обозначили, как «президентский фильтр». Его использование необязательно, но сама возможность прямого вмешательства президента также ставит под вопрос демократичность процедуры.

В итоге субъекты Федерации теперь самостоятельно могут определять режим выборов главы субъекта Федерации – прямой или косвенный. В настоящий момент законодательные собрания Дагестана и Ингушетии приняли соответствующие законы о выборах губернаторов региональными парламентами. Поправка о косвенных выборах была принята в результате просьбы некоторых национальных республик, аргументирующих невозможность проведения всенародных выборов угрозой межнациональных конфликтов между проживающими представителями разных этнических групп на территории региона. Парадокс заключается в том, что одно из предназначений выборов – это публичное обсуждение, столкновение разных позиций, мнений, возможность решения определенных конфликтов в правовом поле. Очевидно, что все равно победит тот, кого поддержит большинство, т. е. представитель доминирующей этнической группы (скорее всего он и будет предложен Президентом), однако существующие противоречия так и останутся вне поля общественного обсуждения и будут по-прежнему решаться на уровне лоббирования клановых интересов. В итоге принятие соответствующего законопроекта изначально лишает выборы одного из главных предназначений, подрывает мнение о демократии как возможности согласования интересов в многокомпонентных обществах. Более того, если условия выдвижения кандидатов на аналогичную должность в различных регионах будут принципиально разными, не станет ли это нарушением равного пассивного избирательного права граждан РФ?

Помимо обозначенных поправок в соответствии с новым законодательством предусмотрена процедура утраты доверия президенту. При этом основанием для утраты доверия Президентом РФ является выявление в отношении высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) фактов коррупции или неурегулирование конфликта интересов как правонарушений, предусмотренных Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»¹⁷. Важно понимать, что речь идет не о вступившем в силу решении суда, а просто о «выявлении фактов», то есть у президента исключительное право решать, является ли человек коррупционером или нет.

Подводя предварительные итоги, следует сказать, что новый Закон о выборах губернаторов является «имиджевым» для власти, нацеленным на повышение легитимности власти или, если быть более точными, на обеспечение публично признаваемой легитимности выборов. Вследствие множества политических решений последних лет доверие общества к институту выборов стало минимальным, явка на

выборах разного уровня колеблется в пределах 30-40 % (не считая некоторых национальных республик)¹⁸. Население не верит ни в право выбора, ни в то, что от их голоса что-то может зависеть, соответственно, решения, принимаемые в результате таких выборов, априори выглядят нелегитимными. Введение процедуры всенародных выборов может отчасти исправить данную ситуацию. С проблемой легитимности тесно связана и проблема политической ответственности. Стоит согласиться с мнением Р. Ф. Туровского о том, что процедура прямых выборов снимает с президента персональную ответственность за выбор губернатора¹⁹, перекладывая ее на общество и местные элиты. В добавление к этому, выборы явно придадут политический вес всенародно избранным главам регионов. Выиграют и привычные политические партии (прежде всего «Единая Россия»), которые смогут получить возможность улучшить позиции в случае победы на губернаторских выборах своего кандидата. В итоге процедура выборов губернаторов нацелена на легитимацию результатов выборов и смещение центров политической ответственности за происходящее в регионах.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что при сохранении либеральной риторики и демократических процедур право граждан избирать и быть избранными весьма ограничено, о чем говорят введение различных неконституционных барьеров на стадии выдвижения кандидатов, действие «муниципального», «президентского» фильтров, усложнение сбора подписей, контроль со стороны вышестоящих органов власти, партии власти и т. д. По сути, главным итогом принятия анализируемого Закона может быть полная предсказуемость выборов на всех этапах. Причем эта предсказуемость может обеспечиваться в правовом поле, без грубых нарушений типа фальсификаций результатов голосования, при помощи отказа в регистрации, невозможности преодолеть «муниципальный фильтр», неравного доступа кандидатов к СМИ и других подобных мер. В результате политические элиты сохраняют контроль над выборами и политической активностью в государстве.

Примечания

- 1 Конституция Российской Федерации. Саратов, 2013. С. 32.
- 2 См.: Авакьян С. Конституционное право России : в 2 т. Т. 2. М., 2005.
- 3 О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» : федер. закон от 2 мая 2012 г. № 40-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 19, ст. 2274.
- 4 См.: О задачах избирательных комиссий по подготовке и проведению выборов в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и в органы местного самоуправления в единый день голосования 14 сентября 2014 года. URL: <http://cikrf.ru/news/relevant/2014/04/24/01.html> (дата обращения: 28.04.2014).
- 5 См.: Конституция Российской Федерации. Саратов, 2013.
- 6 См.: Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федер. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 02.04.2014, с изм. от 15.04.2014. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.04.2014).
- 7 См.: Сведения об основных параметрах нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации о выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации), в которых выборы планируются в сентябре 2013 года. URL: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/electday/vib_080913/sved_1.html ; Избирательный кодекс города Москвы : закон г. Москвы от 6 июля 2005 г. № 38 (ред. от 22.01.2014). Правительство Москвы : [сайт]. URL: <http://www.mos.ru>. 18.02.2014. (дата обращения: 22.04.2014).
- 8 См.: О задачах избирательных комиссий по подготовке и проведению выборов в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и в органы местного самоуправления в единый день голосования 14 сентября 2014 года. URL: <http://cikrf.ru/news/relevant/2014/04/24/01.html> (дата обращения: 22.04.1014).
- 9 Там же.
- 10 См.: Мамонов М. В. Новые риски электоральной социологии (по результатам анализа осенних выборов 2013 г.) // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. 2014. № 1 (119). С. 56–70.
- 11 Там же.
- 12 См.: Навальный уперся в свой максимум, а Собянин – в свой минимум? URL: <http://wciom.ru/index.php?id=266&uid=114469> (дата обращения: 05.04.2014).
- 13 См.: Сведения об основных параметрах нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации о выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации), в которых выборы планируются в сентябре 2013 года. URL: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/electday/vib_080913/sved_1.html (дата обращения: 22.04.2014).
- 14 См.: Доклад фонда ИСЭПИ «Прямые выборы губернаторов и система сбора муниципальных подписей в 2012 году, влияние на развитие политической системы и направления совершенствования». URL: <http://www.iseps.ru/special-projects/> (дата обращения: 29.03.2014).
- 15 См.: О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных

(представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: федер. закон от 2 мая 2012 г. № 40-ФЗ.

- ¹⁶ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 2 апреля 2013 г. № 30-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 08.04.2013. № 14, ст. 1638.
- ¹⁷ См.: О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных

(представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: федер. закон от 2 мая 2012 г. № 40-ФЗ.

- ¹⁸ См.: Единый день голосования: подводим итоги. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114501> (дата обращения: 28.03.2014).
- ¹⁹ См.: Туровский Р. Ф. Практики назначений губернаторов: инерция и радикализм в политике центра // Полития. 2009. № 2(53). С. 72–89.

УДК 32.019.5 – 053.81

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС КАК ЭЛЕМЕНТ МЕХАНИЗМА ВОСПРОИЗВОДСТВА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

С. Ф. Некрасов

Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Новосибирск
E-mail: bondar4455@rambler.ru

В статье проведен анализ основных научных подходов в отечественной политологии к функциональности политического процесса как элемента механизма воспроизводства общественного мнения и выявлены имеющиеся противоречия в информационно-коммуникационном взаимодействии власти и общества.

Ключевые слова: политический процесс, воспроизводство, общественное мнение, информационно-коммуникационное взаимодействие, средства массовой информации.

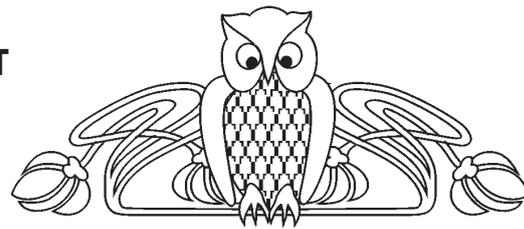
Political Process as an Element of Mechanism Reproduction of the Public Opinion

S. F. Nekrasov

The article analyzes the main scientific approaches in domestic political science to the functionality of the political process as part of the mechanism of reproduction and public opinion identified the contradictions in the information and communication interaction between government and society.

Key words: political process, reproduction, public opinion, information and communication interaction, mass media.

Любое производство, независимо от его специфических социальных форм, имеет ряд общих черт, так как представляет собой характерный, повторяющийся, распространенный процесс взаимодействия людей друг с другом. Понятие «производственный процесс» чаще всего рассматривается как синоним понятий «изменение», «развитие», «переход социальных субъектов из одного состояния в другое» при достижении определенного результата. Отметим, что процесс производства общественного продукта должен быть непрерывно возобновляю-

щимся и постоянно повторяющимся, т. е. периодически снова и снова проходить через одни и те же стадии – воспроизводиться.

Производственный процесс состоит из производственных циклов. Производственный цикл – это период времени между моментами начала и окончания производственного процесса применительно к конкретному предмету труда. Производственный процесс имеет пространственные границы. При этом П. Бурдьё отмечал: «Стратегии воспроизводства имеют также временное измерение, поскольку реализуются на разных этапах жизненного цикла, понимаемого как необратимый процесс. Любая из них должна в каждый момент времени считаться с результатами других, которые ей предшествуют и имеют меньшую длительность»¹. Процесс воспроизводства похож на движение по спирали. Именно спиральная модель дает пространственное (объемное) представление о том, что производство движется вперед и происходит оно на новом, более высоком уровне.

Удовлетворение потребностей людей и само существование человеческого общества невозможны без систематического возобновления процесса производства, в результате которого постоянно воспроизводятся не только материальные, но и духовные блага. В этой связи И. Н. Олейникова подчеркивает, что «воспроизводство должно рассматриваться в широком смысле как целостная система воспроизводства общественной жизни людей, а не только ее материальных условий. В таком контексте основной целью функционирования системы является воспроизводство человека как сознательного субъекта и среды его жизнедеятельности»². На важный момент указывает П. О. Лукша: «... в социологических теориях самовоспроизводства, в отличие от экономиче-

ских теорий, основным предметом исследования является воспроизводство систем отношений и деятельности в социуме <...> Акцент делается на деятельности, знании и сознании, тогда как вопросы воспроизводства материальной основы социума практически не рассматриваются»³.

Как отмечают политологи, сущность политического процесса «заключаются в производстве и воспроизводстве, с одной стороны, различных компонентов политической системы, человека политического; структур, институтов и средств политического властвования и политического участия, политической культуры и норм, а с другой стороны, производство посредством политической системы определенного социального порядка и социальных изменений»⁴. На воспроизводственный характер деятельности властных структур, по сути дела, указывает А. А. Вилков: «Основная функция власти во многом сводится к собственному воспроизводству и насаждению особого рода веры (только теперь демократической) и идеологических мифов, значимость которых обосновывается как самодостаточная, не нуждающаяся в особых доказательствах»⁵. Как видим, всякий политический процесс, рассматриваемый в динамике его развития, является в то же время процессом производства и воспроизводства.

Г. П. Щедровицкий отмечал: «Исходная и простейшая форма среди многих разнообразных механизмов воспроизводства – это простое “перетекание” или простая передача элементов от одного, разрушающегося состояния социальной структуры, в другое, складывающееся. Так могут переходить из одного состояния в другое орудия, предметы и продукты труда, так могут переходить отдельные люди и некоторые организации людей»⁶. Но по своей природе, как замечает В. С. Сизов, «общественное воспроизводство не может остановиться, оно не способно стать статичной величиной, хотя в ряде случаев способно обретать не только простой или расширенный, но и суживающийся характер»⁷.

Для описания типов воспроизводства Н. Ц. Шойдокова использовала существующий в науке «критерий полноты воспроизведенного наследия». На основе его она выделила следующие типы «социокультурного воспроизводства: простое воспроизводство (повторение), суженное или деструктивное воспроизводство (отставание развития) и расширенное воспроизводство (возобновление во все увеличивающихся масштабах)»⁸. А. А. Уланов также подчеркивал, что «характер социального воспроизводства всецело зависит от того, какая из указанных тенденций доминирует: либо общество воспроизводит себя по замкнутому циклу, постепенно превращаясь в зарегулированную систему; либо общество реализует себя в новых формах, повышая свой адаптивный потенциал – потенциал развития социальности»⁹. В современных условиях в России

социальное воспроизводство предполагает постоянное расширенное возобновление и развитие, как в количественном, так и в качественном и структурном отношениях всей системы организации производства на самых разных уровнях.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что мнение у общественности также появляется в процессе социально-политического производства. По этому поводу в работе «Формирование общественного мнения населения крупного города (опыт изучения)» отмечается: «Производство общественного мнения – это процесс выработки и закрепления относительно устойчивых коллективных суждений, чувств, поведенческих установок различных социальных общностей по представляющим для них интерес проблемам, – причем, этот процесс имеет стадии возникновения, становления, функционирования»¹⁰. Как мы понимаем, речь следует вести не о производстве, а о воспроизводстве.

Создание мнений – это процесс постоянного воспроизводства в массовом сознании коллективных суждений, необходимых для существования и развития общества. Развитие этой мысли мы находим у О. В. Сорокина, который подчеркивает, что «молодое поколение способствует воспроизводству соответствующих идей, норм, ценностей, реализации тех или иных социально-политических интересов, формируя общественное отношение к действующим в обществе политическим институтам. В процессе социализации под влиянием существующих социальных механизмов в сознании молодежи складывается особая система взглядов, ожиданий представлений и убеждений не только о сущности политики, но и о своем месте в данной сфере, что и составляет основу ее политического сознания»¹¹.

Процесс воспроизводства выглядит как цепочка повторяющихся шагов, подчиненных решению задачи создания мнения у общественности. Это дает основание говорить о достаточной устойчивости и повторяемости производственного процесса.

Воспроизводство общественного мнения идет в постоянном режиме. Производственный процесс в принципе непрерывен, без каких-либо пауз и остановок, но внешне он оказывается прерывистым, дискретным – в соответствии с каждой отдельной социально-политической ситуацией создания мнений. Это позволяет деятельность по созданию отдельного мнения взять за единицу наблюдения, определить ее как отдельный производственный цикл.

Процесс воспроизводства общественного мнения по своей сути является процессом производства, потребления, усвоения и закрепления политической информации, на основании которой и вырабатываются коллективные суждения. Политическая информация представляет собой совокупность знаний, сообщений о событиях и явлениях политической жизни общества. С ее

помощью передается политический опыт, координируются усилия людей, происходит их политическая социализация и адаптация.

Воспроизводство общественного мнения предполагает массовое информационно-коммуникационное взаимодействие людей друг с другом. Обмен мнениями среди людей происходит в результате коммуникационной деятельности. Коммуникация является необходимым элементом «взаимодействия людей, групп, народов, государств, в ходе которого осуществляется передача и взаимопередача информации, чувств, оценок, значений, смыслов, ценностей и т. д. Без коммуникации невозможно конституирование социальных общностей, социальных систем, институтов, организаций и др., невозможно существование социальности, социума как таковых. Коммуникация пронизывает все стороны жизни общества, групп и отдельных индивидов»¹². В целом политическую коммуникацию можно охарактеризовать как информационную деятельность субъекта, объекта и СМИ по воспроизводству и распространению социально значимой в политическом контексте информации, направленной на создание общественного мнения.

В процессе создания мнения происходит «активное воздействие субъекта на ценностную систему объекта. Конечной целью субъекта является воспроизводство у объекта своей собственной системы норм и ценностей и, соответственно, требуемого мнения. Технологическим механизмом решения этой задачи является система целенаправленных воздействий, включая средства массовой информации»¹³. О роли СМИ в воспроизводстве мнений рассуждает также Ю. Н. Солодухин: «Пресса самым непосредственным образом участвует как в производстве, так и в распространении мнений, то есть она не выражает, а создает общественное мнение, она не отражает представления людей о мире, а формирует сами эти представления, а значит, и их видение мира <...> Производство артефакта, называемого общественным мнением, весьма важная «властная» функция СМИ»¹⁴.

П. Бурдые подчеркивал: «Права граждан остаются чистой формальностью до тех пор, пока граждане не имеют доступа к средствам автономного производства автономного мнения, <...> не все граждане равны по отношению к производству мнения; не все граждане имеют равный доступ к инструментам производства того, что называют мнением»¹⁵. Он также отмечал: «В политике, как и в искусстве, экспроприация прав большинством соотносится и даже является следствием концентрации собственности политических средств производства в руках профессионалов, которые могут рассчитывать на успех в собственно политической игре лишь при условии, что обладают специфической компетентностью»¹⁶.

Вопрос о роли СМИ в политическом процессе воспроизводства общественного мнения

на самом деле является важным и сложным, так как «российские граждане ведут себя под воздействием СМИ весьма по-разному, и при построении информационно-политических технологий требуется очень тщательно учитывать, какой из типов взаимовлияния СМИ и массового политического сознания является доминирующим в каждой конкретной целевой аудитории»¹⁷. В современной России, по мнению А. А. Вилкова, «результаты развития информационно-коммуникационных технологий достаточно противоречивы. С одной стороны, СМИ, Интернет значительно увеличивают возможности целенаправленного и стихийного формирования толерантности (на основе увеличения межличностных коммуникаций). С другой – усиливается манипуляционная составляющая информационно-коммуникационного воздействия, которая позволяет навязывать гражданам оценки и мнения в отношении политических, социально-экономических и духовных явлений и процессов»¹⁸.

Таким образом, проведенный анализ литературы позволяет сделать ряд обобщений. Большинство исследователей признают, что создание общественного мнения, как и других компонентов политической системы, происходит с использованием механизма социального воспроизводства. Появление и функционирование мнений – это процесс постоянного воспроизводства в массовом сознании коллективных оценочных суждений, необходимых для существования и развития общества. Воспроизводство мнений у общественности идет в постоянном режиме. СМИ в общей своей совокупности оказывают значительное влияние на характер функционирующих в обществе мнений, они штампуют их, как на промышленном потоке. Знание журналистами путей и средств повышения эффективности воздействия СМИ на воспроизводство общественного мнения – это основное условие достижения редакциями высоких результатов в работе.

Примечания

- ¹ Бурдые П. Социология социального пространства / отв. ред. Н. А. Шматко. М., 2005. С. 105.
- ² Олейникова И. Н. Воспроизводственные процессы : вопросы теории и методологии. Таганрог, 2003. С. 119.
- ³ Лукаш П. О. Самовоспроизводство в эволюционной экономике. СПб., 2009. С. 47.
- ⁴ Общая и прикладная политология / под общ. ред. В. И. Жукова, Б. И. Краснова. М., 1997. С. 340–341.
- ⁵ Вилков А. А. Мифологический фактор в современной российской политике // Мифология политической власти : материалы науч. семинара, 18–19 нояб. 2002 г. / отв. ред. Н. И. Шестов. Саратов, 2003. С. 13.
- ⁶ Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 199.
- ⁷ Сизов В. С. Стратегическое управление воспроизводственным процессом. М., 2004. С. 14–15.

- ⁸ Шойдокова Н. Ц. Роль современной молодежи в социокультурном воспроизводстве : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2007. С. 13.
- ⁹ Уланов А. А. Современные тенденции и механизмы социального воспроизводства. Уфа, 2008. С. 75.
- ¹⁰ Формирование общественного мнения населения крупного города (опыт изучения) / отв. ред. О. И. Иванов. СПб., 1996. С. 53.
- ¹¹ Сорокин О. В. Формирование политического сознания молодежи в условиях трансформации современного российского общества (социокультурный аспект) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2008. С. 5.
- ¹² Социология. Основы общей теории / под ред. Г. В. Осипова, Л. Н. Москвичева. М., 1996. С. 528–529.
- ¹³ Формирование общественного мнения населения крупного города... С. 66–67.
- ¹⁴ Солодухин Ю. Н. Российские средства массовой информации : являются ли они «четвертой властью»? // СМИ в политических технологиях. М., 1995. С. 15.
- ¹⁵ Бурдые П. О телевидении и журналистике / отв. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М., 2002. С. 118.
- ¹⁶ Бурдые П. Социология политики / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М., 1993. С. 187.
- ¹⁷ Задорин И., Бутова Ю., Сюткина А. СМИ и массовое политическое сознание : взаимовлияние и взаимозависимость. URL: http://www.library.cjes.ru/online/?a=con&b_id=207 (дата обращения: 03.05.2014).
- ¹⁸ Вилков А. А. Политические аспекты проблемы толерантности в современной обществоведческой литературе // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2008. Т. 8, вып. 1. С. 90.

УДК [32:070](574)

ДЛИННЫЙ ПУТЬ ОТ АСТАНЫ ДО БОЛОНЬИ: ПОЛИТИКА МЕДИА-ОБРАЗОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Д. Х. Моулд¹, О. Г. Кунгурова²

¹ Университет Огайо, Атенс (США)

E-mail: davidhmould@gmail.com

² Костанайский государственный университет

им. А. Байтурсынова (Казахстан)

E-mail: o.kungurova@mail.ru

В данной статье анализируются попытки усовершенствовать национальные образовательные стандарты по программам подготовки журналистов в Казахстане, рассматриваются возможности устранения барьеров на пути более активного взаимодействия вузов и СМИ, а также выявляются основные проблемы в деле повышения педагогического и исследовательского потенциала преподавателей.

Ключевые слова: политика, журналистика, масс медиа, образование, Казахстан.

The Long Road from Astana to Bologna: the Politics of Journalism and Media Education in Kazakhstan

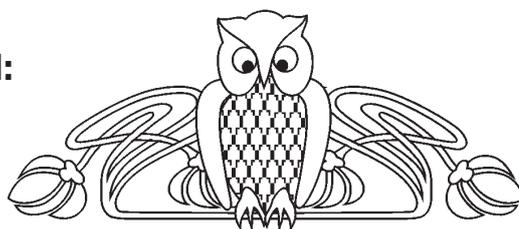
D. H. Mould, O. G. Kungurova

This article examines attempts to improve journalism and media curricula and resources in Kazakhstan, barriers to collaboration between universities and the media industry, and the challenges of building teaching and research capacity.

Keywords: politics, journalism, mass media, education, Kazakhstan.

KAZAKHSTAN'S INVESTMENT AND REFORMS IN HIGHER EDUCATION

Kazakhstan is the most prosperous and politically stable (though not yet democratic) country in Central Asia, and the government has made education a priority. Kazakhstan's economy has been growing, and revenues from oil, gas and mineral

resources have swelled the government budget. In 2001 Kazakhstan launched a multi-year program (now extended to 2020) to improve education. Many universities are stronger and healthier than in the 1990s, with higher salaries and state funding for research and development. Standards have been improved with the introduction of the Unified National Test, roughly equivalent to the SAT (the standardized test used for most college admissions in the United States). As a signatory to the Bologna Process, Kazakhstan introduced the European Credit Transfer System (ECTS) which has improved mobility and flexibility. Between 2004 and 2008 the Ministry of Education and Science closed about 40 underperforming universities and branch campuses. In the 1990s, entrepreneurs started opening private universities to attract upper and middle-class students dissatisfied with education at state institutions. Some failed or were closed because they did not meet minimal standards; from a peak of 123 in 2000, the number fell to 83 in 2007, but rebounded slightly to 92 in 2010. Nationwide, about 620,000 students are enrolled, most at state institutions; about 285,000 (46 per cent) are part-time or distance education students, completing their requirements by examination. Over the next few years, enrollment may decline because of demographic trends; in the harsh economic times after independence in 1991, fewer children were born, and this is the cohort now reaching college age. About one fifth of students are supported by merit-based state scholarships (which do not cover living expenses); the rest pay tuition¹. During the global economic crisis, working and middle-class families found it difficult to pay for

their children's education; some private universities, such as the English-language Kazakhstan Institute of Management, Economics and Strategic Research (KIMEP) in Almaty (recently renamed the University of KIMEP), saw sharp falls in enrollment which in 2009 led to cuts in teaching staff. State universities depend primarily on government funding and tuition, and have struggled to attract private gifts and research funding. Meanwhile, the government has targeted several institutions for strategic investment, including Nazarbayev University in Astana, a partnership with several U. S. and European institutions, which offered its first classes (in English) 2011².

To help fund the expensive project, the government diverted money from the successful *Boloshak* program which funded overseas undergraduate education for high-performing students. The university is designed to create an international education experience in the middle of the steppe. The court is still out on whether the investment is a wise one.

JOURNALISM EDUCATION

Historically, journalism in the Soviet Union was a subfield of literature so journalism education was conducted in faculties of philology (language and literature). Many journalism teachers have degrees in philology but no academic or professional experience in media. They can teach theoretical courses on journalism and society, but struggle with the practical courses. "Most of our faculty members are philologists," said to me Tatyana Dyakova from Taraz State University. "I am a lecturer in classical Russian literature, and I would appreciate help from real journalists".

As in other countries, the requirements of universities and the Ministry of Education and Science for teachers with doctoral degrees and scholarly research, and the needs of the media industry for practical skills, are in conflict. Media employers complain that teachers lack practical experience and that the curriculum is too theoretical. As Freedman pointed out in his analysis of journalism education in Kyrgyzstan: "Their pedagogy includes an orientation towards lectures rather than field reporting assignments, towards rote learning of facts rather than critical thinking, and toward discouragement of students from actively questioning their instructors"³.

The situation may worsen, with the mandate from the ministry that teachers publish their research in "high-impact factor" peer-reviewed journals, a classification system from Thomson-Reuters that rates journals based on the number of citations⁴. This is a major challenge for faculty, especially in the humanities and social sciences, including journalism, who for years have met their own institutions' more modest research standards by publishing articles in university-produced books. They lack both English academic writing skills and training in Western research methods. The ministry requires

faculties and departments to have a specified number of teachers with graduate degrees; those that do not will lose their state accreditation. Most working journalists have only a bachelor's degree, so the rule often prevents departments from hiring them. Even without it, attracting practitioners is a financial challenge; journalism in Central Asia is not a well-paid profession, but teachers' pay is even lower. At many universities, working journalists can do no more than give a few *pro bono* guest presentations, and supervise interns.

The trend is worrying, because enrollment in Kazakh-language journalism tracks (most universities offer two tracks, in Russian and Kazakh) is increasing. Even Kazakh academics admit that the educational and professional standards of Kazakh-language journalism teachers are lower than their Russian-language counterparts, and so departments face a difficult dilemma: Russian-language teaching capacity may be adequate, but there are fewer students to teach; more students want to work in Kazakh-language journalism, but there are not enough qualified teachers.

Many graduates do not end up working in journalism because Kazakhstan's media sector, although it has expanded, especially in online news, does not create enough jobs for the annual output of graduates. Some had always planned to work in the better-paying fields of public relations and corporate communication, but many others have to find work in non-media fields. The trend towards English-language instruction also has consequences. Several universities offer what they call "international journalism" programs, which include instruction in foreign languages (usually English) and more courses in international relations and economics than in the traditional curriculum. In principle, this is an advantage because students can do Internet research and interviews in English, thus broadening their range of sources. However, it does not help them much in a job market dominated by Kazakh and Russian-language media.

The over-supply of journalism graduates was the pretext for a controversial proposal in 2011 by Education and Science Minister Bakhytzhan Zhumagulov to close all the journalism departments at regional state universities, and offer journalism at only two institutions – Kazakh National University (KazNU) in Almaty and Eurasian National University (ENU) in Astana. KazNU is the traditional leader in journalism education in Kazakhstan; it has been educating journalists since 1934, and, in collaboration with the ministry, plans the national curriculum. Although there was broad agreement that weak departments with few students should close, the plan was opposed by almost all regional university rectors who correctly sensed that Zhumagulov had a political agenda. Centralizing journalism education in Astana and Almaty would help the authorities to make sure that teachers and students toed the government line and would draw on a steady stream

of graduates for jobs in government and corporate communication. The plan would also have reduced the number of students because many cannot afford education in the two most expensive cities in Kazakhstan. Those who can are unlikely to return to regional cities to take lower-paying jobs. University rectors argued that, given the size of the country and the large number of regional centers, it was more cost-effective to educate journalists at their home institutions.

According to a 2008 survey by Nemecek et al., 20 universities in Kazakhstan offered journalism education, most within faculties of philology. At least two departments (at Aktobe and Kokshe-tau) have since been closed by the ministry because they did not meet the quota for faculty with graduate degrees. Five are at private institutions, all in Almaty; the state institutions are in Almaty (KazNU) and Astana (ENU) and the following regional cities: Atyrau, Karaganda, Kostanay, Kyzylorda, Pavlodar, Petropavlovsk, Semey, Taraz, Ust-Kamenogorsk and Zhezkazgan⁵. The strongest, with large enrollments, are at Karaganda, the fourth-largest city in the country in the northern industrial belt, Kostanay, Pavlodar, Semey and Ust-Kamenogorsk. Surprisingly, there is no journalism department in Shymkent, the third-largest city and the major center in southern Kazakhstan.

NATIONAL CURRICULUM

All universities follow the ministry-mandated national journalism curriculum, which is designed by the journalism faculty at KazNU. It consists of general education courses, core journalism courses, sequence courses, an internship and final exams. In principle, students can select one of six sequences: periodical press, television journalism, radio journalism, international journalism, mass media management and marketing, and Internet journalism. In practice, most departments at regional universities offer no more than two or three sequences; not only do they lack qualified teachers, but they cannot afford to offer sequence classes for a handful of students. They are also limited in their ability to offer electives. Unlike U. S. and European universities, where students take courses in departments outside their major, most courses (including general education courses) are taught within the department, so the students are learning history and philosophy from journalism (or philology) teachers. This is primarily a function of the group system, in which students take most (if not all) their coursework with the same group of fellow students throughout their college career. This is a serious structural limitation: not only are students taught by a small group of teachers, but they interact on a daily basis with the same group of peers. The group system provides a comfortable, supportive environment, but limits students' exposure to other teachers and perspectives.

Students in Kazakhstan, as in other former Soviet republics, spend on average about twice as long in class each week as their counterparts in North America or Europe. For each credit hour, a student has 45 hours of class time. This is divided between lectures and supervised and unsupervised practice. A typical three-hour class requires 135 hours. The bottom line is that if a student takes the standard 12 credit hours in a 15-week semester, s/he will be in class an average of 36 hours per week (a total of 540 hours for the semester). This emphasis on classroom time has several consequences (apart from a six-day week, including Saturdays). Most significantly, it leaves little or no time for outside work-reading, papers, projects or, for journalism students, researching and writing stories. In other words, it does not provide the opportunity for the independent research and critical thinking that is viewed as critical in Western journalism education. Almost all work has to be done in class, often without the help of books or computers; by contrast, in North America and Europe, many students are expected to work an average of two hours outside class for each hour of class time. It is almost impossible to assign homework without placing a heavy burden on students. As Shafer and Freedman note in their analysis of journalism education in Uzbekistan, "[I]nstruction generally follows the top-down model that most of the faculty had been educated under. Tests usually ask for facts and statistics, not analysis. Students are not assigned research papers or presentations"⁶. Assessment is based on what is covered in class, not on other course resources. Although some teachers administer written exams, many prefer the устный экзамен, the oral examination given at the end of the semester. Teachers are in class as many hours as the students; even if the students wrote articles or papers, they would not have time to grade them.

In 2008, Nemecek et al. surveyed 85 journalism educators in Kazakhstan. More than half said they planned to leave teaching because of inadequate salaries. Only a few reported that they kept up on methods of research and scholarship. However, they "registered strong support for journalism education," saying that journalists should be educated at a journalism school. Most said they taught the difference between news and opinion, and about journalists' rights and ethics. On curriculum, "they supported teaching journalism skills in a converging media environment, requiring student internships and updating the curriculum to include new media. Yet they strongly agreed or agreed teaching national history and culture should be required, and students should be trained to report the country's accomplishments"⁷.

Kazakhstan has made a technical conversion to the ECTS system required by the Bologna Process and has ambitions "to make Kazakhstani degrees recognizable in the world"⁸. What it has not done – and cannot do, unless it reforms the curriculum, group system and classroom hours requirement – is to measure education not by time spent in class,

but by competencies. Under the Bologna Process, a series of general competencies for undergraduate education has been developed. Despite claims by successive education ministers that Kazakhstan has adopted “a competence based model”⁹, learning continues to be measured by hours in class, lectures delivered and rote repetition of material. Bologna’s general competencies are supplemented by disciplinary competencies – the knowledge, skills and values that students are expected to achieve by the time they graduate. This is accomplished through the so-called “tuning process”, in which competencies for a discipline are specified. Journalism has not yet gone through the tuning process. However, there are several models that could be followed. In June 2006, the European Journalism Training Association (EJTA), meeting in Estonia, issued the Tartu Declaration. It describes the role, rights and social responsibilities of journalists, then lists 10 basic competencies. On graduation, students should be able to:

- 1) reflect on the societal role of and developments within journalism;
- 2) find relevant issues and angles, given the public and production aims of a certain medium or different media;
- 3) organize and plan journalistic work;
- 4) gather information swiftly, using customary newsgathering techniques and methods of research;
- 5) select the essential information;
- 6) structure information in a journalistic manner;
- 7) present information in appropriate language and an effective journalistic form;
- 8) evaluate and account for journalistic work;
- 9) cooperate in a team or an editorial setting;
- 10) Work in a professional media organization or as a freelancer¹⁰.

In June 2007, over 400 delegates from 45 countries met in Singapore for the first World Journalism Education Congress. They reached consensus on four essential elements of journalism education¹¹:

1. Provide a balance of theory and practice. Delegates complained that too many universities focused on theory, while others focused only on skills without examining the history, ethics or societal role of journalism.
2. Emphasize the core skills of reading, reporting and writing.
3. Give students grounding in additional disciplines such as law, economics, politics and science.
4. Give students experience through classroom labs and internships¹².

Journalism education in Kazakhstan is still a long way away from meeting international standards. The Soviet literary tradition, strict ministry requirements for academic qualifications, a lack of teachers with practical experience, a mandated national curriculum, the group system, a heavy class schedule that limits outside study, and a lack of competency-based learning outcomes prevent universities from providing students with the knowledge

and skills they need to work in the media industry. A resolution from the Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE) Central Asia media conference on journalism education, held in Bishkek, Kyrgyzstan, in October 2009, urged journalism schools to give “a high place in the curricula” to investigative journalism to promote “democracy and as a tool in combating corruption”¹³. It is a noble goal, but under present conditions, unrealistic.

TEXTBOOKS AND RESOURCES

Even if students had time outside class to read, there’s often not much useful material in the university library. Although larger institutions have invested in research libraries and online databases, most regional universities lack recent books, and have few (if any) journal subscriptions. The situation is puzzling, given the traditional emphasis on print materials for education and research. In its guidelines for faculty research and “high-impact factor” academic journals, the ministry refuses to count publications in peer-reviewed, electronic journals as faculty research output. Everything has to be in print.

Internet and database access has been improving, although the number of work stations at many universities is still insufficient, and lab hours are often limited. The number of copyright-free, downloadable Russian-language sources on media and journalism has also been steadily increasing, and several online libraries offer a wide range of resources, including materials on economic, business, environmental and science reporting. Many of these are listed in the recommended and week-by-week readings for courses in the Russian-language version of the *UNESCO Model Curricula on Journalism Education*. For students in Kazakh-language journalism tracks, fewer print and online resources are available. A project, supervised by KazNU and funded by UNESCO, began in 2011 to identify and collect available online Kazakh-language sources; a team of Kazakh-language journalism educators and journalists is also developing new materials. Some Kazakh-language class assignments, developed in workshops by the Kazakhstan Newspaper Publishers Association, are available on the *UNESCO Model Curricula* website¹⁴.

THE IMPACT OF MEDIA CONVERGENCE

As already noted, Kazakhstan’s journalism curriculum is organized into six traditional sequences. This is mirrored by the division of the faculty or факультет into several departments, each with a заведующий (department head). The assumption is that students will follow different career paths, and therefore need different, medium-specific skill sets. The rapid economic and technological convergence of media has challenged this assumption. In Kazakhstan, as in other countries, many media compa-

nies own several outlets, including print, broadcast and online. Employers want college graduates with the skills to work in all media – to shoot pictures and video, and adapt a print or TV story for online media. Converged news demands a converged journalism curriculum in which students gain information-gathering, reporting, interviewing and writing skills, and are able to work across platforms. Although several universities claim to offer sequences in Internet journalism, lack of faculty expertise and inadequate technical facilities mean that few students are ready to work in online journalism. A few trainers are teaching students and young journalists how to build websites, do blogs and use social networking, but most of this instruction is in training sessions sponsored by donors, outside academic settings. The 2009 OSCE declaration urged governments to help pay for IT equipment and Internet access at universities, and called on universities to incorporate “Internet and online tools, including Web 2.0, Twitter, YouTube, social networking sites and other user-generated resources into the curriculum”¹⁵.

INDUSTRY-UNIVERSITY PARTNERSHIPS AND THE ROLE OF DONORS

It is difficult for universities to bring in working journalists to teach practical courses because of academic credentials and poor pay. Media organizations in Kazakhstan complain about theory-dominated curricula and claim that journalism graduates lack basic skills in reporting, writing and media production. However, few media organizations have invested resources in universities or training for their staff – either in-house or through professional media associations. At an August 2010 forum on journalism education at Barnaul near Pavlodar, participants called for reform of the curriculum and for better collaboration with the media industry. In a declaration forwarded to the Ministries of Education and Science and Communication and Information, universities, mass media and international organizations, they stated that journalism “should become a service component of the media industry, able to respond to its real needs”. They called for “an open discussion about state education standards”, the right of universities to design their own curricula, and improved cooperation between universities, employers and media NGOs. Specifically, they called on the Ministry of Education to base curriculum on the *UNESCO Model Curricula for Journalism Education*, and the Ministry of Communication and Information to use indicators adopted by UNESCO’s International Programme for the Development of Communication to monitor and assess media development. They asked universities to include media practitioners and NGO representatives on advisory councils, and to make pay scales for part-time teaching high enough to attract professionals. Major reforms were needed to address “the colossal gap between theory and prac-

tice, journalism education and the realities of the media industry”¹⁶.

Journalism students gain some experience through practical work and internships in media, mostly during the summer break. After local media complained in a meeting with the rector of Kostanai State University that “for many students, work practice is becoming a mere formality, recorded in the reports”, the university started a program where students spend one day a week at a local media outlet; the model shows promise because it gives the students ongoing experience while still adhering to ministry requirements¹⁷. However, the criteria for placement, the work assigned to students and the level of faculty supervision and involvement vary widely. Few faculty have time to improve their own professional skills with summer internships because they are under pressure to do research and often need income from summer classes.

Some practical training needs in Kazakhstan are met by media NGOs, such as MediaNet in Almaty and Decenta in Pavlodar, and by workshops funded by donors including UNESCO, UNDP, the Soros Foundation, the International Center for Journalists (ICFJ), Deutsche Welle and others. Most are intended for working journalists, but in recent times some university teachers have had access to training. The most ambitious and long-term project is by Decenta, which in 2008 received a 250,000 euro grant from the European Commission to expand the range of courses taught to journalism students. Decenta, working with MediaNet and eight media NGOs, designed courses on topics that are not in the national curriculum, including reporting on business, investigative reporting, journalists’ rights protection and new media, and planned to pilot them at eight universities. For now, they can only be elective courses because they have not been adopted into the national curriculum.

LACK OF INDEPENDENT STUDENT MEDIA

Given the lack of professional media experience of teachers, student media could offer a potential (if partial) solution to help students build their skill sets. However, there is no tradition of independent student media in Central Asia. Journalism departments publish occasional magazines, newspapers and newsletters (almost always print versions) with stories by students, but there is almost no serious news reporting. Some of these are student-oriented, featuring profiles of student leaders, music and movie reviews and interviews with talent contest winners; others are simply PR vehicles for the university or department. The publications are financially supported by the university and editorially supervised by faculty members. In the hierarchical management system (at both state and private institutions) they are careful to avoid any stories that would not reflect well on the institution. Students lack both editorial freedom and financial control. Student media do not

give them the opportunity to explore political, social and economic issues—and certainly not institutional policies and budgets—or gain experience in managing a media business. While KIMEP was wracked by a budget crisis, the revocation of its license by the ministry (later overturned by a court ruling) and a series of financial and sexual harassment scandals, the *KIMEP Times* was cheerily delivering upbeat messages from the university president and interviewing the winner of the Miss KIMEP competition about her plans for a modeling career. To be fair, journalism students had no part in the sorry venture; in 2010, editorial management of the *KIMEP Times* was transferred from the Department of Journalism and Mass Communication to the College of Business.

Примечания

- ¹ См.: *Abazov R.* Kazakhstan : Only the Nimble Survive // Transitions Online. 25 February 2009 ; Об итогах деятельности Министерства образования и науки в 2011 году и задачах на 2012 год в свете реализации ежегодного Послания Главы государства народу Казахстана. URL: <http://www.edu.gov.kz/ru/ob-itogah-deyatelnosti-ministerstva-obrazovaniya-i-nauki-v-2011-godu-i-zadachah-na-2012-god-v-svete> (дата обращения: 25.05.2014).
- ² См.: *Bartlett P.* Academic Free Hand for Nazarbayev University // Eurasianet.org. 15 October 2010. URL: <http://www.eurasianet.org/node/62159> (дата обращения: 11.03.2014).
- ³ *Freedman E.* After the Tulip Revolution : journalism education in Kyrgyzstan // Asia Pacific Media Educator. Iss. 18 (December 2007). P. 171–184. URL: <http://ro.uow.edu.au/apme/vol1/iss18/15> (дата обращения: 17.05.2014).
- ⁴ См.: *Sci-Bytes: What's New in Research.* URL: <http://sciencemagazine.com/dr/sci> (дата обращения: 19.05.2014).
- ⁵ См.: *Nemecek M., Ketterer S., Los S., Ibrayeva G.* Journalism Education in Kazakhstan: The Soviet Legacy and the Contemporary Challenge // Freedman E., Shafer R. (eds.) *After the Czars and Commissars : Journalism in Authoritarian Post-Soviet Central Asia.* East Lansing : Michigan State University Press, 2011. P. 42.
- ⁶ *Shafer R., Freedman E.* Obstacles to the Professionalization of Mass Media in Post-Soviet Central Asia : a case study of Uzbekistan // *Journalism Studies.* 2003. Vol. 4. P. 91.
- ⁷ *Nemecek M., Ketterer S., Los S., Ibrayeva G.* Op.cit. P. 43.
- ⁸ Speech by Education Minister Zhansait Tuymebayev, Kazakh National University, Almaty, 5 February 2009. URL: <http://edu.gov.kz/ru/doklad-zh-tuymebaeva-na-temuceli-vysshego-obrazovaniya-rk-na-puti-k-bolonskomu-processu> (дата обращения: 27.05.2014).
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ См.: European Journalism Training Association, The Tartu Declaration. URL: <http://www.ejta.eu/index.php/website/projects> (дата обращения: 26.05.2014).
- ¹¹ См.: World Journalism Education Council (WJEC). URL: <http://wjec.ou.edu>. Members of 28 journalism education associations identified 11 principles “to serve as a standard for journalism education worldwide”. URL: <http://wjec.ou.edu/principles.html> (дата обращения: 25.05.2014).
- ¹² См.: At the Congress, UNESCO launched the English version of its “Model Curricula for Journalism Education” (<http://unesdoc.unesco.org/images/0015/001512/151209E.pdf>; UNESCO, 2007). It defines three main areas of study-professional practice (40 per cent of program of study), the role of journalism in society (10 per cent), and arts and science courses that expand knowledge of the world (50 per cent). The curricula outline programs of study for a three-year bachelor’s degree, a four-year bachelor’s degree, a two-year master’s program (with options for students with or without journalism experience) and a two-year diploma program. The curricula have been translated into Russian, and Russian-language sources have been identified through a peer-review process (still under way). A project was launched in May 2011 to add Kazakh-language sources (see www.modelcurricula.org). The UNESCO curricula outline four main goals and a detailed list of competencies:
An ability to think critically, incorporating skills in analysis, synthesis and evaluation of unfamiliar research materials, and a basic understanding of evidence and research methods;
An ability to write clearly and coherently, using narrative, descriptive, and analytical methods;
A knowledge of national and international political, economic, cultural, religious, and social institutions;
A knowledge of current affairs and issues, and a general knowledge of history and geography.
- ¹³ Organization for Security and Co-operation in Europe, The Representative on Freedom of the Media, Declaration of the 11th Central Asia Media Conference, “Journalism education – improvement of the quality of education and new technologies,” Bishkek, 15-16 October 2009. URL: <http://www.osce.org/fom/41100> (дата обращения: 28.05.2014).
- ¹⁴ См.: Model Curricula for Journalism Education. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0015/001512/151209E.pdf> (дата обращения: 11.12.2013).
- ¹⁵ Declaration of the 11th Central Asia Media Conference. URL: <http://www.osce.org/fom/41100> (дата обращения: 23.05.2014).
- ¹⁶ *Кунгурова О.* Роль медийных НПО в решении проблем журналистского образования // Байтурсыновские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Костанай, 2011. С. 73.
- ¹⁷ Ibid.

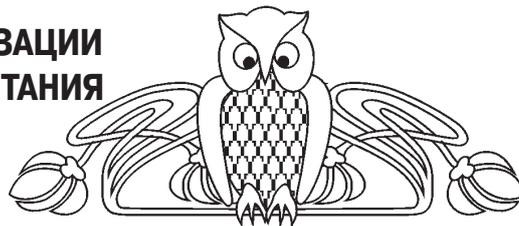
СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

УДК 323. 21

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК СУБЪЕКТЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ГРАЖДАН В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

К. Ю. Колесников

Саратовский государственный университет
E-mail: kolesnikov-69@inbox.ru

В статье рассмотрены основные направления взаимодействия государства и институтов гражданского общества в реализации политики патриотического воспитания подрастающего поколения в современной России. На примере отдельных мероприятий, проведенных в Саратовской области в последние годы, дана оценка эффективности данного взаимодействия и обосновано авторское предложение по координации усилий школы и общественных организаций в этой области.

Ключевые слова: государственная политика патриотического воспитания, общественные организации как субъекты патриотического воспитания, политическая социализация молодежи.

A State and Public Organizations as Subjects of Patriotic Upbringing of Citizens in Modern Russia

K. Y. Kolesnikov

The author gives careful consideration to the main aspects of interaction between the state and civil society institutions within implementation of politics of the younger generation patriotic upbringing in contemporary Russia. Using certain campaigns launched in Saratov region for the last years as an example, the author estimates efficiency of such interaction and substantiates his own project on coordination of school and public organizations' efforts in this field.

Key words: state politics of patriotic upbringing, public organizations as subjects of patriotic upbringing, political socialization of the younger generation.

Проблема патриотического воспитания в современной России является одной из самых злободневных и политически значимых. Обусловлено это тем, что стабильное политическое и социально-экономическое развитие страны невозможно без чувства идентификационной общности граждан на основе гордости за свою страну, ее историческое прошлое и настоящее, на основе надежды на ее достойное будущее. Несмотря на глубокий кризис, который пережила Россия в 1990-е гг. в отношении патриотического воспитания, ситуация в 2000-е гг. стала постепенно выправляться. Уже в марте 1998 г. была утверждена концепция «Военно-патриотическое воспитание молодежи», а в 2000 г. принята первая государственная программа «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2001–2005 годы», которая получила свое подкрепление в дальнейших очередных программах¹.

Масштабные социологические исследования, проведенные Институтом социологии РАН с межрегиональными институтами общественных наук в 2006–2007 гг. в различных регионах России, показали существенное повышение значимости ценности патриотизма в политической культуре российских граждан. Представления о том, что «важно быть российским патриотом, любить Россию», по данным исследования, разделяли свыше 90% опрошенных в Воронежской, Калининградской, Саратовской, Свердловской областях и более 80% в Приморье и Томской области (во всех регионах свыше 60% считали, что это очень важно)². Обусловлена данная положительная динамика не только позитивным поворотом государственной политики в деле патриотического воспитания, но и изменением отношения многих общественных институтов к данному вопросу. Речь идет не только о политических партиях, многие из которых никогда не упускали из виду ценность патриотизма, делая ее разменной монетой в своей предвыборной борьбе за избирателей, но и о различных общественных организациях. На наш взгляд, очень важно, чтобы государство и институты гражданского общества сумели найти общий язык в решении важнейшей задачи патриотического воспитания, прежде всего молодежи.

Обусловлено это тем, что существующие политические организации молодежи (действующие чаще всего как структуры при политических партиях) не пользуются авторитетом и широкой поддержкой среди молодежи. Например, по материалам социологического опроса Института социологии РАН, проведенного в 2007 г., молодые респонденты отметили такие организации, как «Единая Россия», «Молодая гвардия» (по 11,9%); движение «Наши» (6,3%); «Соколы Жириновского» (12,8%); «СПС» (2,5%); национально-патриотические организации (1,9%); Молодежный союз «Победа» (1,7%); «Яблоко» (1,2%); «Идущие без Путина» (0,9%); Союз коммунистической молодежи (молодежная организация КПРФ) (0,8%); Европейский союз молодежи «Атака» (0,2%)³. Около трети опрошенных ответили, что не знают никаких молодежных организаций и движений. На наш взгляд, одна

из причин невозможности формирования и функционирования какой-либо крупной молодежной общественной организации (идентичной ВЛКСМ) заключается не только в том, что имеет место плюрализм идеологий и конкуренция политических партий, но и в том, что существующие пропартийные молодежные организации ориентированы, прежде всего, на выполнение электоральных задач своих партийных товарищей, а не на реализацию существующих потребностей молодежи.

Поэтому не случайно в программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы» прямо подчеркивается, что «проведение единой государственной политики в области патриотического воспитания граждан Российской Федерации обеспечивает достижение целей патриотического воспитания путем плановой, непрерывной и согласованной деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления и общественных организаций»⁴.

Рассмотрим, каким образом и по каким направлениям осуществляется данное сотрудничество. В рамках организационно-методических мер совершенствования системы патриотического воспитания граждан были запланированы подготовка и внесение в Государственную думу ряда законопроектов. Важнейшее место среди них планировалось отвести законопроекту 2012 г. «О патриотическом воспитании граждан Российской Федерации». Среди его исполнителей в программе были обозначены Минспорттуризм России, Минобороны России, Минкультуры России, Российский государственный военный историко-культурный центр при Правительстве Российской Федерации (Росвоенцентр), МВД России, Минюст России, Минфин России, ФСБ России, Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», Российская академия наук, Российская академия образования⁵. Несмотря на то что обсуждение законопроекта несколько затянулось и он был внесен на рассмотрение лишь осенью 2013 г., через два с лишним десятилетия после разрушения СССР была осуществлена попытка создать законодательную базу патриотического воспитания российских граждан.

В качестве субъектов патриотического воспитания в данном законопроекте выступают:

«– федеральные органы государственной власти;

– органы государственной власти субъектов Российской Федерации;

– органы местного самоуправления;

– трудовые и воинские коллективы;

– учебные заведения всех уровней;

– учреждения культуры;

– общественные объединения и некоммерческие организации; религиозные конфессии;

– средства массовой информации; семья;

– граждане Российской Федерации»⁶.

Фактически законопроект предлагает в той или иной степени восстановить советскую систему политической социализации, в которой государственные и общественные институты объединяют усилия по патриотическому воспитанию, используя свои специфические ресурсы, возможности и средства воздействия на определенные группы населения и граждан страны в целом.

В обобщенном докладе «О выполнении государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы» от 3 апреля 2013 г. было отмечено успешное выполнение программных мероприятий не только соответствующими министерствами России и отдельными субъектами РФ, но и такими общественными организациями, как ДОСААФ России, Всероссийская общественная организация ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов, Общероссийская общественная организация инвалидов войны в Афганистане и военной травмы – «Инвалиды войны»⁷.

В рамках данной программы в Саратовской области была принята областная целевая программа «Молодежь Саратовской области» на 2009–2011 гг. и соответствующая подпрограмма «Патриотическое воспитание детей и молодежи». В качестве продолжения в 2012 г. была принята соответствующая долгосрочная областная программа. Ответственными за ее реализацию обозначены министерство образования и министерство информации и печати области, комитет по молодежной политике, охране культурного наследия и туризму области, министерство молодежной политики, спорта и туризма области, комитет по охране культурного наследия области, министерство социального развития и министерство по делам территориальных образований области, комитет общественных связей и национальной политики области, государственное бюджетное учреждение Саратовской области «Областной центр патриотического воспитания» (по согласованию), Государственное бюджетное образовательное учреждение Саратовской области дополнительного образования детей «Областной центр дополнительного образования для детей “Поиск”» (по согласованию), военный комиссариат области (по согласованию), Саратовская областная организация Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов (по согласованию), региональное отделение ДОСААФ России по Саратовской области (по согласованию), Государственное автономное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) специалистов «Саратовский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования» (по согласованию), Государственное

учреждение «Областной центр патриотического воспитания» (по согласованию)⁸.

В рамках данной программы было реализовано много инициатив по патриотическому воспитанию различными государственными учреждениями и общественными организациями.

В декабре 2012 г. был проведен областной конкурс художественного творчества «Душа России», в котором приняли участие более 1300 учащихся в составе самодеятельных коллективов различных образовательных учреждений среднего и начального профессионального образования области⁹. Кроме того, это мероприятие позволило привлечь внимание и приобщить к истории России и ее героическому прошлому не только участников конкурса, но и большую часть обучающихся в данных учебных заведениях.

В феврале 2013 г. Областным центром патриотического воспитания был проведен конкурс творческих работ среди школьников Саратовской области, нацеленный на их приобщение к самостоятельной исследовательской и творческой работе, связанной с героическими страницами Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., на противодействие попыткам фальсификации истории нашей страны¹⁰. Важнейшей целью данного конкурса стала не только активизация интереса школьников к изучению вклада саратовцев в героическую защиту Сталинграда, но и интереса к истории России в целом. Этим же задачам было посвящено еще одно мероприятие – интернет-олимпиада, в ходе которой школьники должны были написать исследовательскую творческую работу по истории участия своего района, города, поселка в Сталинградской битве¹¹.

8 мая 2014 г. (по инициативе Общественного совета при Министерстве образования Саратовской области и комитета по образованию Администрации МО «Город Саратов») в актовом зале гимназии № 1 прошла патриотическая акция «Известные люди Саратова – детям». В гости к учащимся 4–7-х классов разных школ Саратова пришли ветераны и участники Великой Отечественной войны, а также ветераны труда, Вооруженных сил и органов внутренних дел Российской Федерации. Прошла акция в рамках творческого вечера поэта-песенника, ветерана Вооруженных сил РФ Алексея Иванникова, прочитавшего собравшимся свои патриотические стихи. Кроме того, ветеранам был дан праздничный концерт, подготовленный силами солистов и творческих коллективов дошкольных и общеобразовательных учреждений города¹². Такие встречи, которые характеризуются творческим подходом, неформальным отношением к мероприятию всех участников, позволяют сделать их результативными, прежде всего, в силу отсутствия назидательности и менторства со стороны старшего поколения.

16 апреля 2014 г. в конференц-зале саратовской школы № 95 состоялся молодежный «кру-

глый стол» на тему: «Памятники и памятные даты в истории России». Мероприятие проводилось при организационном участии молодежной комиссии Общественного совета при региональном министерстве образования и комитета по образованию городской администрации¹³. Примечательно, что в этом мероприятии приняли участие не только школьники, но и студенты саратовских вузов, представители родительских комитетов и журналисты. Тем самым на одной площадке удалось реализовать несколько уровней патриотической воспитательной работы, увязать воедино проблематику героического прошлого российской истории и современности и вывести ее на уровень практического участия школьников в решении обсуждаемых проблем. Например, было обосновано предложение о необходимости закрепления за учебными учреждениями местных исторических памятников с целью их сохранения и благоустройства. Участие журналистов позволило придать мероприятию широкий общественный резонанс среди всего населения области.

Подобных мероприятий (уроки мужества «Нити памяти», сетевая олимпиада школьников «Москва за нами!», акция «Солдатский платок»), посвященных Великой Отечественной войне, было достаточно много. Однако особый интерес представляет инициатива проведения торжественной церемонии награждения кавалеров общественного почетного знака детского признания «Орден Ладочки». В номинации «Подвиг» «Орден Ладочки» был передан на вечное хранение вдове подполковника Вячеслава Горбунова, пожертвовавшего жизнью ради детей. В номинации «Педагогика и образование» была награждена Элина Полякова – ветеран Великой Отечественной войны, посвятившая всю свою жизнь военно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения. В номинации «Культура» «Орден Ладочки» получила известная российская певица Эдита Пьеха, от имени которой было зачитано теплое приветственное письмо участникам конкурса и его организаторам¹⁴.

Подводя итог анализу некоторых направлений совместной деятельности государственных учреждений и общественности по патриотическому воспитанию подрастающего поколения, можно сформулировать некоторые выводы.

Особая социальная значимость и актуальность задач патриотического воспитания молодежи и всего российского населения объективно ломают традиционные представления о сфере гражданского общества как независимой от государства (а нередко и противостоящей ему в стремлении защитить интересы граждан от излишнего государственного вмешательства). Последовательное и результативное патриотическое воспитание не только предполагает возможность сотрудничества государства и государ-

ственных структур с институтами гражданского общества, но и обуславливает необходимость и обязательность объединения усилий в решении этой важнейшей общественной задачи.

Опыт некоторых общественных организаций, специально созданных в свое время для решения задач военно-патриотического воспитания (например ДОСААФ), показал, что в условиях рыночных отношений в постсоветский период без прямой поддержки государства они не могут выполнять изначально возложенных на них функций.

Наиболее активную роль в политической социализации и, соответственно, в патриотическом воспитании подрастающего поколения продолжает играть школа. Обусловлено это целым рядом факторов организационного и социально-психологического свойства, связанных с возрастными особенностями школьников. Как представляется, для того, чтобы работа школы и общественных организаций в этом направлении была наиболее эффективна, целесообразно обратиться к положительному опыту функционирования Всесоюзной пионерской организации и инициировать процедуру объединения существующих скаутских организаций в единую деидеологизированную ассоциацию. Функциональным ядром ее могли бы стать как раз задачи патриотического воспитания, реализовывать которые каждая школа могла бы самостоятельно.

Примечания

- ¹ См.: Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы» утверждена : утв. Постановлением Правительства РФ от 5 октября 2010 г. № 795. URL: http://archives.ru/programs/patriot_2015.shtml (дата обращения: 18.05.2014).
- ² См.: Дробизева Л. М. Гражданская интеграция в полиэтничном российском обществе // Современное российское студенчество : историческая память о Великой Отечественной войне и формирование патриотизма и гражданственности / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург, 2011. С. 145.
- ³ См.: Молодежь новой России : образ жизни и ценностные приоритеты : аналит. докл. М., 2007. С. 87.
- ⁴ Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы»...
- ⁵ См.: Гражданско-патриотическое воспитание детей, подростков и молодежи. Нормативные документы Правительства Российской Федерации, Правительства города Москвы. Материалы публикаций из опыта работы учреждений сферы образования. М., 2010. С. 7–8.
- ⁶ О патриотическом воспитании граждан Российской Федерации : федер. закон. Проект. URL: <http://fpvestnik.ru/zakonodatelstvo/fz-o-patrioticheskom-vospitanii-grazhdan-rossijskojj-federacii-proekt/> (дата обращения: 09.05.2014).
- ⁷ См.: О выполнении государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы» в 2012 году : обобщенный доклад Росвоенцентра от 3 апреля 2013 г. № 114-15454. URL: files_docs_doklad_Rosvoencentra_o_vypolnenii_v_2012g._programmy_patrioticheskogo_vospitaniia (дата обращения: 17.03.2014).
- ⁸ См.: Долгосрочная областная целевая программа «Патриотическое воспитание молодежи Саратовской области» на 2012–2015 годы. URL: <http://minobr.saratov.gov.ru/projects/docsp/programms.php> (дата обращения: 18.05.2014).
- ⁹ См.: Прошел областной конкурс художественного творчества «Душа России». URL: http://minobr.saratov.gov.ru/news/1167/?sphrase_id=38001 (дата обращения: 02.05.2014).
- ¹⁰ См.: Проходит конкурс творческих работ «Саратовцы – участники Сталинградской битвы». URL: http://minobr.saratov.gov.ru/news/3690/?sphrase_id=38001 (дата обращения: 02.05.2014).
- ¹¹ См.: Пройдет интернет-олимпиада «Сталинградская битва, особая история войны». URL: http://minobr.saratov.gov.ru/news/3692/?sphrase_id=38023 (дата обращения: 02.05.2014).
- ¹² См.: Прошла патриотическая акция «Известные люди Саратова – детям». URL: http://minobr.saratov.gov.ru/news/5990/?sphrase_id=38001 (дата обращения: 18.05.2014).
- ¹³ См.: Состоялось заседание молодежного «круглого стола» на тему: «Памятники и памятные даты в истории России». URL: http://minobr.saratov.gov.ru/news/5910/?sphrase_id=38023 (дата обращения 03.05.2014).
- ¹⁴ См.: В Энгельсе прошла II церемония награждения «Орденом Ладочки». URL: http://minobr.saratov.gov.ru/news/5420/?sphrase_id=38023 (дата обращения: 18.05.2014).

УДК: 32.019.52

ПРЕДМЕТНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДИСКУССИЙ ОБ ИМИДЖЕ РОССИЙСКОЙ АРМИИ И СПОСОБАХ ЕГО КОНСТРУКТИВНОЙ ПОЛИТИЗАЦИИ

Н. С. Куфтов

Саратовский государственный университет
E-mail: Salkina_mm@mail.ru

В статье речь идет о предметном пространстве научных и общественно-политических дискуссий об имидже Российской армии и способах его конструктивной политизации. Автором рассмотрены два основных подхода к имиджевой стратегии взаимоотношений общества и армии, выявлены обозначившиеся в ходе дискуссий теоретико-методологические противоречия и предложены пути их решения.

Ключевые слова: имидж Российской армии, политизация имиджа Российской армии, теория политического имиджа, методология анализа политического имиджа, стратегии формирования политического имиджа Российской армии.

Object Field of Discussions About Russian Army's Image and Ways of its Constructive Politicization

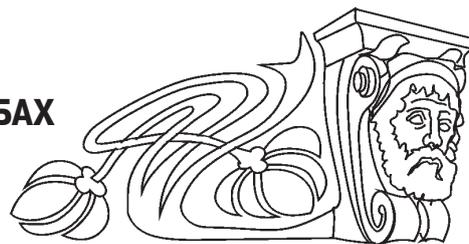
N. S. Kuflov

The article is about object area of scholarly, public, and political discussions about Russian army's image and ways of its constructive politicization. The author considers two main approaches to image strategy of interaction between society and army, discovers theoretical and methodological controversies appeared during discussions and offers ways of eliminating them.

Key words: Russian army's image, politicization of Russian army's image, theory of political image, methods of political image analysis, strategy of formation of Russian army's political image.

В последние два десятилетия тематика, связанная с изучением имиджа российского военнослужащего, приобрела значительную популярность среди политологов и социологов. «Политический имидж Российской армии» стал устойчивым элементом предметного поля исследований, в которых речь шла о перспективах гражданского общества, об оптимизации социальной политики, о правовой защищенности граждан, о патриотическом воспитании молодежи. Вместе с тем на сегодняшний день среди специалистов так и не сложилось четкого видения того, что содержательно должно быть основанием имиджа вооруженных сил в модернизирующейся России.

Соответственно, не сложилось и более или менее единого понимания специалистами той имиджевой стратегии взаимоотношений общества и армии как одного из ключевых государственных институтов, благодаря которой последняя смогла бы приобрести в глазах масс российских граждан еще и облик важнейшего со-

циального института. А без этого приобретения армией имиджа важнейшего социального института трудно в целом говорить о полноценности имиджа армии как именно политического имиджа, отражающего особенности местоположения данного института в пространстве современной российской политики. Трудно судить даже просто о каких-то устойчивых предпосылках и возможностях его конструктивной политизации.

Когда мы говорим о «конструктивной политизации», то имеем в виду достижение такого состояния имиджа института Российской армии, при котором он воспринимается другими субъектами политического процесса в качестве важного атрибута политической субъектности данного института. Иначе говоря, имидж армии признается всеми другими участниками политического взаимодействия в качестве естественного и необходимого условия включенности армии в политический процесс на равных с другими субъектами политико-культурных основаниях.

Важно понять, почему, имея в советскую эпоху имидж важнейшего социального и государственного института, Российская армия (тогда еще Советская армия) в последнее десятилетие прошлого века утратила эту «социальную» составляющую своего имиджа. Как представляется, вооруженные силы нашей страны утрачивали социальную составляющую своего имиджа по мере того, как в глазах населения статус значимого и конструктивного партнера общества по участию в политическом процессе утрачивало государство в целом. Более того, государство по ходу либеральных реформ быстро превращалось в открытый источник угроз общественному благополучию. Армия же, как один из самых ресурсозатратных государственных институтов, на уровне массового сознания приобретала имидж «черной дыры», в которую денег вбрасывается без числа, а реальной отдачи от которой (неудачная история участия СССР в афганском конфликте тут служила наиболее очевидным по тому времени аргументом) нет и, вероятно, не будет.

Более актуальный и сложный вопрос состоит в другом: почему в последние десятилетия, несмотря на реальные усилия государства доказать обществу многостороннюю практическую полезность для него армии, эту задачу так и не удалось решить в удовлетворительной степени? Несмотря на то что общество в какой-то мере вернулось к былому видению в государстве своего покровителя и помощника в решении

самых разнообразных проблем, оно перестало видеть в нем прямой источник угроз, перестало вести себя отчужденно по отношению к проблемам самих государственных институтов¹, тем не менее конструктивной политизации имиджа армии все-таки не происходит. Общество продолжает видеть в Российской армии «государеву службу», а не «гражданский долг», видит в ней существенное обременение разнообразных социальных практик (образовательных, семейных, финансово-экономических), а не благоприятную для себя возможность наладить более тесное и заинтересованное взаимодействие со своим собственным государством.

Конечно, причин того, что продолжает сохранять свое политическое значение имидж армии как, прежде всего, государственного института, далеко от интересов общества, много. Эти причины лежат и в правовой, и в экономической, и в политико-культурной (идеологической прежде всего) плоскости. В данном случае будет проанализирован тот вклад, который в «недостаточно социальный» армейский имидж и в смутное представление обществом и элитами перспектив его конструктивного возвращения в полноценное состояние политичности привносят научная аналитика и разнообразные научные дискуссии о том, что есть имидж современной Российской армии и как его поправить в лучшую сторону. Сформировавшиеся по ходу этих дискуссий подходы и ракурсы важно изучить для того, чтобы понять, в каком перспективном и продуктивном направлении аналитическая мысль может двигаться сегодня дальше в решении вопросов военной имиджелогии.

В подходах исследователей к разработке этой тематики в указанное время можно выделить два этапа, связанные с формированием двух самостоятельных, хотя и логически взаимосвязанных ракурсов анализа причин, по которым в общественном российском сознании не складывается устойчивого положительного имиджа вооруженных сил. В рамках каждого из них внимание специалистов концентрировалось на определенном спектре проблем, тогда как на все остальное, что выходило за границы этого спектра, обращалось мало внимания. Это само по себе не могло способствовать тому, чтобы сегодня сложилось целостное представление о порядке имиджетворческих действий в головах тех политиков, журналистов, военных специалистов, которые отвечают за это дело.

Первый этап, по нашему мнению, начался вместе с распадом Советской армии и продолжался до начала «сердюковского периода» военных реформ. В течение этого периода среди специалистов весьма устойчивым было мнение, что все в отношении массового сознания российских граждан к образу «защитника Отечества», в сущности, упирается в материальную составляющую, т. е. в то, что сам этот «защитник» на

общем социальном фоне выглядит недостаточно защищенным в материальном и правовом отношении. Будет полный «социальный комфорт» в положении рядового и офицерского состава, будет «кататься в масле» военнослужащий контрактник – резко на поправку пойдет и имидж военной службы в рядах российских вооруженных сил.

Исследователи на этом этапе искали объяснение причин, по которым общество не считает интересы армии своими интересами, отчуждено от проблем военнослужащих², прежде всего, в сфере материальных общественных отношений. Акцент делался на том, что до общественного сознания и сознания элиты не доведена (и здесь основные претензии предъявлялись СМИ) мысль о необходимости для государства и общества направить максимум ресурсов на повышение благосостояния военнослужащих. Во главу угла ставили связь между отношением общества к проблемам военнослужащих и поиск практических мер, которые могли бы принципиально изменить ситуацию. Важнейшей целью ставилось формирование такого внутрисоциального взаимопонимания, при котором рядовой гражданин видел бы в «человеке с ружьем» не нахлебника, не субъекта, необоснованно пользующегося различными государственными льготами³, а защитника интересов этого самого рядового гражданина; чтобы возникло в общественном сознании то отношение к воинской службе, которое побуждало бы молодых людей видеть в ней перспективу социального роста, а не впустую потраченный год или полтора жизни.

Специалисты ратовали за взаимопонимание, которое позволило бы армии и институтам гражданского общества преодолеть отчуждение и увидеть в ней не только государственный институт, но и важнейший институт социальной самоорганизации, сплочения граждан вокруг национально-государственных интересов⁴. Возможно, поэтому акцент исследователями делался на анализе ситуаций, когда, например, военнослужащий уходил в отставку и фактически пополнял ряды «социально незащищенных» групп населения нашей страны. Или же, напротив, он в соответствии с законодательством шел служить на срочной или контрактной основе в ряды вооруженных сил – и это тоже порождало целый спектр психологических, экономических, культурных (образовательных прежде всего), этноконфессиональных проблем, справиться с которыми сама армия, естественно, не могла, а общество не имело к их решению полноценного доступа.

Все это действительно так. Но каким виделось специалистам решение этой проблемы? А решение, по сути, в разных формальных вариациях предлагалось только одно: государство должно по максимуму активизировать бюджетные вложения в повышение благосостояния

отдельных категорий военнослужащих и всей военной корпорации в целом. Логика была простой: чем больше денег государство вложит в повышение уровня благосостояния российского военнослужащего, чем большим будет перечень форм и способов государственной поддержки его существования и существования его семьи, тем скорее в массовом сознании имидж армии приобретет социально-привлекательные очертания и общество «потянется» к проблемам армии, увидит в них свои проблемы и дружно возьмется за их решение. В самой структуре такого теоретического подхода легко обнаружить фундаментальные противоречия и даже простые нарушения логики.

Первое, что обращает на себя внимание, – предметное пространство дискуссий об имидже армии формировалось очень фрагментированным, как бы состоящим из множества частных и общих социальных и правовых проблем, предпосылки решения которых лежали в самых разных областях. Часто не столько в области политики (если под таковой понимать именно публичную политику, а не государственное управление), сколько в области экономики, права и культуры общественных отношений. Такое предметное поле, как его определяла мысль военных и гражданских аналитиков того относительно недавнего времени, задавало и доминирующий ракурс изучения имиджа вооруженных сил: это был такой имидж, который мог быть присущ именно объекту политики, но никак не ее полноценному субъекту. А ведь вопрос ставился, в сущности, о том, что поправка имиджа вооруженных сил есть предпосылка к успешному конструированию их новой демократической субъектности!

То, что исследователи делали свой выбор в пользу именно такого, условно говоря, «материально бытового» ракурса, было предопределено общим фактическим состоянием вооруженных сил в 90-е гг. прошлого века и в первое десятилетие XXI в. Армия, как зеркало, отражала в своем состоянии все те масштабные процессы распада отечественной социально-политической системы, которые были спровоцированы либеральными реформами, искусственно ускоренными новой антисоветски настроенной политической элитой. Ее имидж, как предмет научного анализа, естественным образом сливался с имиджем всего российского социума как такового: если в обществе рядовые граждане более всего страдали от мизерности своих «советских» по размеру зарплат и таких же по размеру и комфорту жилищ, то, в принципе, для аналитика того периода естественным было бы предположить, что и армия как часть постсоветского общества тоже должна быть больна именно этими болезнями. Плюс еще производными от них неуставными взаимоотношениями, падением морального облика и желанием служить офицерского состава и т. д.

Это был имидж структуры, в которой сконцентрировались все болячки социальной жизни. Как охарактеризовал эту ситуацию на одном из мероприятий политолог Глеб Павловский, «армия в 90-е, лишенная финансирования, стала из военного механизма – военно-хозяйственным. Она срослась с территориальными структурами и экономиками. Многие и сегодня под военной реформой понимают именно «военно-хозяйственную», а под профессионализацией армии – этаким армейским хозрасчетом»⁵.

Соответствующим образом собственно политические аспекты имиджа оказывались нередко как бы на втором плане в сравнении с аспектами административными, правовыми, педагогическими, культурными (проблема идентичностей военнослужащих). Наглядно в относительной полноте основной спектр недостатков и противоречий этого подхода может быть представлен материалами одной из научных дискуссий, которая в формате круглого стола по проблеме «Имидж армии – имидж безопасности России» прошла в Москве в Центральном музее Вооруженных сил России 12 февраля 2005 г. На мероприятии, если судить по его стенограмме, присутствовали многие компетентные специалисты. Вместе с тем, возможно, сами того не желая, уже в формулировке названия мероприятия его организаторы допустили некорректное употребление понятия «имидж» и в самой этой некорректности обнаруживается та самая фрагментированность представлений специалистов о способах решения проблем военной политики (проблем то ли как политических, то ли как неполитических), которая отмечалась выше.

Что такое «имидж безопасности»? Согласно наиболее распространенным в научной литературе трактовкам сам по себе любой «имидж» это образ субъекта, объекта, либо процесса, который может отражать их реальные свойства на уровне массового сознания, но может их и не отражать, либо отражать превратно. На этом допущении, собственно, построено обоснование возможности использования «имиджа» в качестве политико-технологического средства. По логике формулировки, предложенной авторами, получается так, что в одинаковой степени с точки зрения будущего Российской армии неважно, будет ли ее имидж отражать ее действительную способность обеспечить безопасность страны или же Российская армия должна обладать имиджем структуры, только и способной к самопрезентации в массовом сознании при помощи создаваемых ею взамен реальной безопасности «имиджей безопасности».

Можно предположить, что организаторы мероприятия поступили не совсем удачно, механически заменив в широко известной формулировке «Армия – гарант безопасности России» понятие «гарант», на понятие «имидж». Общий контекст тех трудностей, вследствие которых

армия действительно все более превращалась из реального «гаранта безопасности» страны в «образ гаранта безопасности», позволяет даже усмотреть в такой замене некоторую мотивированность.

Однако те специалисты, которые выступали на круглом столе, со всею очевидностью руководствовались не формулами. Тем не менее они, в сущности, приходили в своих рассуждениях к очень противоречивым заключениям и рецептам исправления имиджа Российской армии. В частности, В. П. Делия, академик АИМ, доктор политических наук, профессор, в своем выступлении «Имидж армии в современных СМИ» утверждал: «Вы спросите: «Какой нужен имидж Российской армии?» В моем представлении как офицера с 25-летней военной практикой, олицетворять армию может образ интеллигентного и образованного, готового к защите Родины в любое время как от внешнего так и внутреннего врага человека в погонах. Этот человек должен занимать достойное место в обществе – вот за что нужно бороться государству. При соответствующей государственной политике образ таких личностей будет создавать новостную, информационную и культурологическую среду вокруг армии. Второе. Знаете, почему я и четыре моих брата пошли в ВС? Почему я стал офицером? Да потому, что в школе я читал книги и газеты про героев, которые в военное и мирное время защищали свое отечество»⁶.

С тем, что образование и интеллигентность не вредят ни гражданскому, ни военному человеку, вряд ли кто-то станет спорить. Но если именно так формулировать целевую установку всей политики конструктивной политизации имиджа Российской армии, то сразу возникает вопрос: чем в этом случае имидж службы в армии будет отличаться, например, от имиджа учебы в эффе́ктивно работающих и готовящих классных специалистов и хороших граждан техникуме и вузе? Почему молодой человек должен сделать свой выбор именно в пользу проявления своей образованности и интеллигентности на военной службе?

Другие участники дискуссии как бы восполняют этот пробел и пытаются рационализировать объяснение такого выбора на уровне других мотиваций. Так, один из участников дискуссии, академик АИМ, доктор философских наук, профессор В. А. Чвякин утверждал: «Сейчас трудное время для ВС, и это сознают все, кто имеет к армии прямое отношение. Приходится признавать, что это положение усугубляется не только в материальном аспекте, но и в аспекте духовности самих военнослужащих. Иногда создается ощущение, что целенаправленно искажается или ухудшается реальное состояние в армии. Армия как социальный институт, к сожалению, не укрепляется, а вообще отторгается обществом. Во многом благодаря СМИ ребята, которых призы-

вают в армию, уже ждут, что их избыток, будут унижать, издеваться, поэтому им сразу не хватает внутренней духовной силы. Этим я объясняю случаи побегов призывников из военных частей. Воспитание патриотизма будущих военнослужащих должно начинаться уже в семье»⁷.

Опять же, с тем, что семья играет важную роль в формировании гражданина, нельзя не согласиться. Но она играет такую роль в жизни любого гражданина. В чем, собственно, в данном случае та специфика подхода к проблеме, которая позволила бы решить задачу выведения имиджа армии на передовые конкурентные позиции в ряду других имиджей, других жизненных стратегий гражданина, благодаря чему этот гражданин предпочел бы службу в армии как форму реализации своей гражданской позиции другим формам самореализации?

Если именно семья как ячейка общества является решающим фактором конструктивной политизации имиджа армии, то где гарантия, что на выходе мы не будем иметь ту самую «ячеистую» структуру этого имиджа, которую уже имеем сегодня, когда одни родители говорят детям «Иди и служи!», а другие – «Найди способ не служить»? Когда в одном случае одна семья видит в службе сына «школу жизни», а другая семья отправляет его в армию на жертву неуставным отношениям? Семьи разные, и на таком абстрактном основании, как роль «семьи вообще», очень трудно сформировать какую-либо устойчивую базовую стратегию формирования имиджа армии. В лучшем случае это может быть лишь одним из решений в комплексе мер.

Естественная логика, казалось бы, должна была побудить специалистов посмотреть на проблему шире. С той, в частности, позиции, что сколько ни пропагандируй в семье и обществе преимущества военной службы, сколько ни напирай в работе с молодежью на духовность и материальную защищенность, без качественной профессиональной подготовки и хорошей технической оснащенности военной службы «средствами производства» вся эта пропаганда лишена смысла. Это в лучшем смысле. А в худшем – можно спрогнозировать ситуацию, когда под влиянием семьи, посулов материальных благ молодой человек поступит на военную службу, увидит полный развал военной структуры и вместо патриотического настроения, вместо понимания, что он занял определенное важное место в социально-политической системе, его гражданскую позицию будет определять бытовая цинизм.

На основании анализа текстов, осуществленного нами, можно придти к выводу, что за последние два десятилетия в предметном поле дискуссий об имидже армии произошли некоторые подвижки. Но подвижки явно недостаточные для того, чтобы можно было считать вопрос решенным, чтобы можно было сказать, что экспертное сообщество начало вносить существен-

ный вклад в конструктивную политизацию проблемы имиджа российских вооруженных сил. В научных публикациях стало проявляться понимание авторами того, что изменить имидж армии только пропагандой социальных льгот, предоставляемых военнослужащим, популяризацией опыта борьбы с «дедовщиной» и созданием дополнительных каналов коммуникации между военными структурами и структурами гражданского общества (вроде комитетов солдатских матерей и уполномоченных от национальных диаспор) невозможно. Это в любом случае будет всего лишь приспособлением конструируемого имиджа армии к тому естественным путем сложившемуся по ходу либеральных реформ имиджу, благодаря которому армия практически перестала восприниматься в обществе как политический субъект. Пришло понимание, что эту логику имиджа надо радикально менять. И даже были предложены и проговорены элементы в стратегиях таких изменений. В дискуссиях стали выделять, прежде всего, те аспекты, которые связаны именно с политическими вызовами и рисками, как внутренними, так и внешними. Имидж и военная реформа. Имидж и геополитическая ситуация. В том, что касается политики внешней, то тут нагляднее всего реальное место наших вооруженных сил в продвижении и защите интересов нашего государства и общества на арене большой политики показал «украинский кризис», резко изменивший расстановку сил и интересов различных государств в европейской и мировой политике начиная с февраля 2014 г.

Кризис показал в том числе, насколько важной стороной государственной внешней политики является умелое манипулирование официальными институтами и СМИ имиджем армии, сложившимся в головах как друзей, так и противников нашей страны. Комплекс причин, по которым новые киевские власти и их союзники из НАТО не сочли для себя возможным оказать силовое сопротивление присоединению Крыма к РФ, конечно, достаточно широк. Но, как представляется, свой вклад в сдерживание активности антироссийской коалиции, сложившейся в мире по ходу разрастания «украинского кризиса», внес и позитивный имидж Российской армии как института, хорошо оснащенного для решения стратегических задач, хорошо управляемого и пользующегося доверием и поддержкой со стороны политических элит и большинства рядовых граждан.

Информации об ускоренном и качественном перевооружении частей в западных округах и проведении ряда учений, наглядно продемонстрировавших уровень боевой подготовки личного состава, о реальной способности воинских частей оперативно выполнить любой (вплоть до десантирования на Северный полюс!), даже внезапно отданный приказ Президента РФ как Верховного Главнокомандующего, такой инфор-

мации оказалось достаточно, чтобы вселить в противников нашего государства понимание невозможности говорить с ним на языке военных угроз. Альтернативой стал достаточно путаный язык экономических санкций, последствия которых для нашей страны при любом, самом неблагоприятном раскладе, все-таки несопоставимы с просчитываемыми последствиями военной агрессии со стороны НАТО в том случае, если бы России не было бы чем ответить на агрессию.

Вместе с тем нельзя сказать, что все то новое и важное, что обнаружилось в дискуссиях, проанализированных нами, сложилось в какую-то систему, в новую оптимальную стратегию именно политического решения проблемы имиджа армии. Экономические и социальные проблемы никуда не ушли из жизни современной России, и это естественным образом делает тот дискурс анализа проблем Российской армии, который сформировался на первом этапе дискуссий и был ориентирован на «хозяйственно-социальное» понимание их природы, все еще достаточно конкурентоспособным по отношению к научному дискурсу, ориентированному на связи этих проблем с состоянием политического процесса в России. Тенденция, однако, наметилась, и тенденция достаточно агрессивная, связанная с готовностью ее проводников из числа членов российского экспертного сообщества прямо апеллировать к высшим политическим ценностям, к стратегическим вызовам и рискам для нашей страны во внешней и внутренней политике. Можно предположить, что в принципиальном смысле больше не будет возврата к ситуации, когда эксперты фактически рекомендовали Российской армии занять позицию просителя, уговаривающего государство и общество поделиться с ним материальными благами «на бедность».

Примечания

- 1 См.: *Вилков А. А., Казаков А. А.* Политические технологии формирования имиджей России и США в процессе информационно-коммуникационного взаимодействия (на материалах «Российской газеты» и «Вашингтон Пост» 2007–2008 гг.). Саратов : Изд. центр «Наука», 2010.
- 2 См.: *Давыдов Д. Г.* Социально-психологические особенности имиджа Вооруженных Сил России в молодежной среде : дис. ... канд. психол. наук. М., 2005. URL: <http://med-books.info/pedagogika-psihologiya-voennaya/sotsialno-psihologicheskie-osobennosti-imidja.html> (дата обращения: 17.02.2014); *Он же.* Имидж Вооруженных сил Российской Федерации в молодежной среде как предмет социально-психологического исследования. URL: http://armyrus.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=725&Itemid=2139 (дата обращения: 02.05.2014).
- 3 См.: *Бочаров А. Н.* Некоторые проблемы реализации права на отдых военнослужащими, проходящими военную службу по контракту // *Военное право.* 2006.

Опубликовано: 1adminad1, 7 мая, 2006. URL: <http://www.voennopravo.ru/node/350> (дата обращения: 03.02.2014).

- 4 См.: Стенограмма круглого стола «Имидж армии – имидж безопасности России». Центральный музей Вооруженных сил России, Москва, 12 февраля 2005 г. URL: http://www.academim.org/news/vs_rf/stenogramma.html (дата обращения: 03.05.2014).
- 5 «Российская армия – политика и общество». 13.09.2009.

Круглый стол в газете «Красная Звезда» (полный текст). URL: <http://konservatizm.org/konservatizm/books/130909060204.xhtml> (дата обращения: 18.04.2014).

- 6 Деляя В. П. Имидж армии в современных СМИ. URL: http://www.academim.org/news/vs_rf/stenogramma.html (дата обращения: 19.04.2014).
- 7 Чвякин В. А. Имидж армии и его государственный смысл. URL: http://www.academim.org/news/vs_rf/stenogramma.html (дата обращения: 19.04.2014).

УДК 323.3

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КАДРОВОЙ ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

О. В. Ливерко

Саратовский государственный университет
E-mail: Oleg.liverko@yandex.ru

В статье рассмотрены кадровый и идеологический аспекты военной политики советского времени в контексте значения этого опыта для реформирования современной российской армии. Обосновано, что теоретический опыт, который был накоплен в послевоенную советскую эпоху, дает возможность извлечь некоторые уроки на основе представления о трудностях и противоречиях выработки идеологии военной политики в условиях, когда не определена идеология политического развития страны в целом.

Ключевые слова: военная политика, кадровая политика, военная реформа, идеологический аспект военной политики,

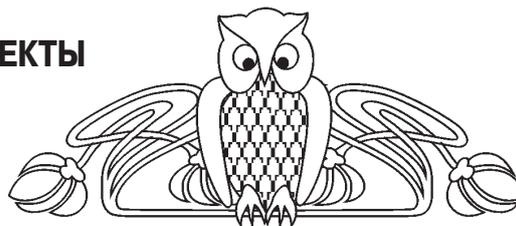
Political and Ideological Aspects of Personnel Military Policy in Soviet Period

O. V. Liverko

The article examines personnel and ideological aspects of military policy in Soviet period within the framework of significance of that experience for reforming contemporary Russian army. The author proves that theoretical experience accumulated during post-war Soviet epoch provides an opportunity to draw the moral on the basis of difficulties and controversies of elaborating ideology of military policy when ideology of political development in general is not defined.

Key words: military policy, personnel policy, military reform, ideological aspect of military policy.

Современные аналитики, пишущие о проблемах реформирования Российской армии, достаточно единодушны в своих критических оценках как замысла реформ, так и их хода и первичных результатов¹. Методология такой критики универсальна: современные процессы, идущие в сфере военной политики, их результаты сопоставляются с тем, что было в советское время. Советский опыт формирования воинской культуры, идеологических мотиваций, подготовки офицерских кадров и воспитательной работы с сержантским и рядовым составом в этой связи

приобретает очертания эталона. Нельзя сказать, что нынешние критики военной реформы идеализируют советский опыт. Скорее, они берут его в качестве некоей условной твердой точки отсчета, от которой удобно двигаться в представлении читателю процессов и результатов разрушения всей системы военной политики. Значит, чтобы понять, насколько основательна современная критика военных реформ, надо как минимум понять, насколько прочным является то основание, от которого она отталкивается, насколько полно (по структуре и по содержанию) мы сегодня представляем себе то, что можем назвать «советским опытом военной политики».

Начнем с того, что в выяснении нуждается само определение этого опыта как опыта политического. По крайней мере, не в объективном его состоянии (объективно нет сомнений в наличии в советское время последовательной военной политики), а в том виде, в каком он обычно предстает перед нами в разного рода научных и публицистических текстах, печатных и электронных. Тех, которые для современного аналитика как раз и являются той «точкой отсчета», о которой упоминалось выше. Тут обнаруживается, что, в сущности, этот самый советский опыт мы представляем достаточно неоднородно, неуравновешенно в отношении разных его элементов.

Один уровень такой неоднородности связан с тем, как в исследованиях разных периодов в формировании советского опыта военной политики складывается баланс исследовательского внимания к институциональным и процедурным моментам военного строительства и к идеологическому наполнению этих институтов и процедур. Для анализа удобно будет взять материалы, представленные на различных интернет-сайтах. По самой насыщенности выборки, сделанной поисковой системой, можно судить о том, как распределяется этот баланс. Выборка дает абсолютно доминирующий массив научных, публи-

цистических и учебных (разного рода куски из учебников по новой и новейшей истории России) текстов, детализирующих и обобщающих опыт советского военного строительства между двумя мировыми войнами. В них полноценно представлена фактическая сторона военной политики, разные ее измерения (от идеологического до кадрового²), включая идеологию строительства Рабоче-крестьянской Красной армии на классовых принципах, не виданных ранее. Наряду с этим хорошо представлена аналитика, прослежены причинно-следственные связи разных процессов, выделены ключевые факторы, направившие военную политику в определенное русло теории и практики³.

Этого нельзя сказать о тех исследованиях, которые представляют состояние военной политики после Второй мировой войны и вплоть до 80-х гг. прошлого столетия. В них акцент заметно смещен на характеристику фактической стороны процесса, на выявление структуры и форм воспитательной, кадровой работы⁴. Наличие смысла и целей такой работы констатируется, иногда даже сжато определяется, но без расшифровки.

Вот как, например, один из современных интернет-ресурсов характеризует советский опыт в разделе «Советская армия: система воспитательной работы». Сжато процитируем этот документ: «Воспитательная работа в Вооруженных Силах СССР – составная часть всей идеологической работы КПСС, деятельности военных советов, командиров, политорганов, партийных и комсомольских организаций, направленная на формирование у советских воинов марксистско-ленинского мировоззрения, воспитание коммунистической сознательности, морально-политической и психологической стойкости и высоких боевых качеств, необходимых для вооруженной защиты социалистического Отечества. <...> Воспитательная работа в С. А. опирается на научную разработку ленинского теоретического наследия <...> исследования новых процессов и явлений в жизни Советских Вооруженных Сил, в развитии военно-политической ситуации в современном мире. Воспитание воинов армии и флота, служащих С. А. и членов их семей осуществляется в процессе пропагандистской, агитационно-массовой и культурно-просветительной работы. <...> Политические занятия – основная форма политической подготовки солдат, матросов, сержантов и старшин. <...> Их содержанием являются ленинские идеи о защите социалистического Отечества, решения КПСС в области внутренней и внешней политики, героические традиции и современные задачи Советских Вооруженных Сил. <...> Марксистско-ленинская подготовка офицерского состава предусматривает изучение всех составных частей марксистско-ленинской теории, деятельности КПСС по укреплению экономического, политического и оборонного могущества Советского Союза. <...>

Агитационно-массовая работа в С. А. служит целям политического воспитания личного состава, мобилизации воинов на образцовое выполнение требований КПСС и Советского правительства, военной присяги и уставов Вооруженных Сил. Эту работу в войсках ведут командиры, политработники, партийные и комсомольские организации, а также специально назначаемые агитаторы. В культурно-просветительной работе ведущую роль играют солдатские и матросские клубы, Дома офицеров, окружные и флотские театры, ансамбли песни и пляски, библиотеки⁵.

Заметно, что в данном случае подробно характеризуются именно формы работы, тогда как содержательная сторона постоянно скрыта за формальными отсылками к «ленинскому теоретическому наследию» и «составным частям марксистско-ленинской теории».

А вот как характеризуется кадровая сторона советской военной политики второй половины XX столетия: «Не все офицеры получали профессиональное образование в военных училищах. В войсках всегда был большой процент офицеров-двухгодичников, так называемых “пиджаков”, – выпускников гражданских ВУЗов, прошедших подготовку на военных кафедрах своих институтов и университетов. <...> Офицерскую карьеру молодой человек начинал с поступления в одно из 140 военных училищ. Офицерский корпус составлял 15% от численности вооруженных сил – больше, чем в армиях НАТО. Роль младших офицеров в войсках сходна с той, которую в армиях НАТО играют сержанты. Другой фактор, влияющий на численность офицерского корпуса – большое количество замполитов. <...> Рекруты для военных училищ черпались из трех источников: сержанты срочной службы, пожелавшие продолжить военную карьеру в качестве офицеров; суворовские и нахимовские училища; выпускники средних общеобразовательных школ. Верхний предел по возрасту для поступающих в военные училища был ограничен 23 годами. Кандидаты в курсанты в обязательном порядке сдавали вступительные экзамены, близкие по содержанию вступительным экзаменам в гражданские вузы, и дополнительно проходили физический отбор. В офицерском корпусе Советской Армии преобладали русские – 85%. Другой путь в военные вузы лежал через клубы ДОСААФ. В первую очередь в ДОСААФ готовили юношей к поступлению в высшее военно-десантное училище и летные вузы ВВС. <...> Советские военные вузы были гораздо более специализированными по сравнению с военными академиями Запада. Так, в США имеется единственная военная академия Вест-Пойнт, которая готовит офицеров для всех родов войск. В СССР свои вузы имел каждый род войск, причем по несколько: восемь высших танковых училищ, семь артиллерийских и т. д. <...> Военные училища подразделялись на три категории. Военно-технические училища со сроком

обучения три года готовили офицеров низшего звена для инженерно-технических служб. Одно время таких училищ насчитывалось 70%, но затем большинство из них повысили в статусе до вузов. <...> «Карьерных» офицеров готовили командные (78 училищ) и инженерные (26) высшие военные училища. Срок обучения в таких училищах составлял четыре года. 60% учебных часов отводилось на изучение военных предметов, 30% – на академические науки – физику, математику и т.д., 10% – политические занятия. Срок обучения курсантов инженерных училищ – пять лет, здесь больше времени, чем в командных, отводилось изучению технических дисциплин. Каждый род войск готовил кадры в собственных командных и инженерных училищах. Так, в танковых войсках имелось восемь командных и одно инженерное высшее военное училище. <...> Советские офицеры проходили службу на командных и штабных должностях, причем чаще всего командная и штабная линии не пересекались. Перспективные офицеры-карьеристы поступали в военные академии. В структуре министерства обороны имелось примерно 20 военных академий. Академии делились на три типа: командные, инженерные и смешанные – командно-инженерные. Наиболее престижной считалась Военная Академия Генерального Штаба имени маршала Ворошилова. Академия Генштаба практически открывала выпускнику дорогу к любой должности в вооруженных силах. Срок обучения в академии составлял от трех до пяти лет. <...> Служба офицером в армии была не только престижной (это действительно так было), но и выгодной. Лейтенант, только окончивший военное училище, получал в месяц 220 рублей и имел массу льгот. Молодой специалист после окончания гражданского вуза получал в месяц 120 рублей, а льгот у него не было совсем. При этом уровень общетехнической подготовки в среднем военном вузе практически не отличался от уровня подготовки в политехническом институте среднего пошиба. Офицерская пенсия была много больше гражданской, на пенсию офицеры могли выйти после 25-летней выслуги, в то время как гражданский специалист мужского пола был обречен Конституцией пахать до 60 лет вне зависимости от трудового стажа. Отрицательными моментами в офицерской карьере являлись частые смены гарнизонов и зачастую удаленность гарнизонов от цивилизованных мест. Так, базы РВСН размещались в самых глухих углах Советского Союза. <...> В целом же карьера офицера Советской Армии не сильно отличалась от карьеры офицера любой западной армии. Регулярно проводились аттестации офицерского состава, успешное прохождение аттестации позволяло рассчитывать на преодоление очередной ступеньки в карьере. Карьера советского офицера в какой-то степени получалась более формализованной, чем, к примеру, офицера армии США. Как уже говорилось, штабная и командная линии редко

пересекались. Командир полка, ставший начальником штаба дивизии – исключение, а не правило. В армии США, наоборот, практиковалось чередование на протяжении одной карьеры командных и штабных должностей. При желании офицеры Советской Армии могли служить гораздо дольше, чем офицеры армий Запада. Предельный возраст для лейтенанта устанавливался в 40 лет, для майора – в 50»⁶.

Из этой пространной и подробной, в целом достоверной характеристики военной кадровой политики советского времени можно понять, что политика эта была со всей очевидностью направлена на экономию «народных денег», формирование советской военной корпорации и на определенную синхронизацию с функционированием образовательной системы СССР. Но сделать выводы относительно того, насколько именно такая конфигурация кадровой политики соответствовала идеологии военной политики в целом, на основании приведенного текста невозможно. Это соответствие только можно подразумевать на том основании, что данная система довольно долгое время функционировала в условиях господства советской идеологии. Собственно, такое предположение – это все, что мы можем использовать в качестве аргумента в пользу утверждения о целостности советской системы политико-воспитательной и кадровой работы, когда пытаемся сделать эту систему «точной отсчета» в критическом анализе современной военной политики.

Получается, что мы отталкиваемся в оценках советской системы от фрагментированных представлений о прежнем опыте, и сама критика современности в этих условиях, естественно, приобретает фрагментированный и недостаточно убедительный характер, раз речь идет о желательности возвращения от современной военной политики к политике советской.

Откуда такое невнимание к сбалансированности характеристик военной политики в ее организационном и идеологическом измерениях? Возможно, это происходит потому, что период после Второй мировой войны – время стабилизации советской социально-политической системы, особенно ее идеологической основы. Поиск соединения идеологических основ военной политики с идеологией коммунистического строительства, который активно шел в 20-30-е гг. и определял своеобразие и ценность опыта военной политики этого периода для научного изучения, закончился⁷. Были найдены технологии военного воспитания и образования, расстановки профессиональных кадров, соотнесены с техническими вопросами. За счет этого вопросы теории и идеологии военного строительства как предмет исследования отошли на второй план (существенных изменений в идеологии не ожидалось), а на первый вышли именно организационные моменты. Эту ситуацию мож-

но объяснить, но совершенно очевидно, что мы сегодня не можем апеллировать к этим текстам, содержащим, безусловно, ценную информацию о прошлом опыте советских военных реформ, в качестве той «точки отсчета», которая позволяет нам полноценно представить себе, что в современной армии надо менять, а что нет. И, главное, неоднородность характеристик советского опыта не дает нам возможности четко аргументировать на уровне идеологии реформирования, что и почему в жизни вооруженных сил надо менять.

Возможно, это происходит потому, что дискуссии по идеологическим сюжетам, всегда мало привлекательные для специалистов по военной проблематике, в современных условиях, в условиях идеологического плюрализма и неопределенности того, на какую идеологию или «национальную идею» сориентирована современная российская политика в целом, в принципе теряют смысл. Здесь можно говорить о неостребованности знаний о советском опыте идеологической составляющей военной политики в силу ее неактуализируемости современными правовыми условиями российской политической жизни. И здесь обнаруживает себя второй, так сказать, уровень неоднородности современных представлений о советском опыте. Это неоднородность, связанная с отсутствием сегодня четкого ответа на вопрос, как соотносятся между собой разные потенциально возможные идеологические основания современного реформирования Российской армии: консервативные, либеральные, демократические? Если мы говорим о необходимости преемственности форм и методов воспитательной и кадровой работы, настаиваем на необходимости отталкиваться в этом деле от советского опыта, то логично было бы ориентироваться на социалистическую, в крайнем случае – социал-демократическую идеологию. Советская идеология была структурно едина и целостна по смыслу. Сегодня имеет место конкуренция различных идеологий, и эта ситуация закреплена действующей Конституцией РФ.

Возможно, поэтому популярностью среди исследователей пользуется идея «идеологического синтеза». Иначе говоря, идея, что новая военная идеология должна вобрать в себя все лучшее, что есть во всех известных политических идеологиях. Получается довольно специфическое идейное образование. «Современные тенденции демократизации армии и развития Вооруженных сил Российской Федерации, – пишет, например, один из современных авторитетных специалистов, – проявляются в приоритете защиты законных прав и свобод военнослужащего, обеспечения в армии гражданского равенства и социальной справедливости, системной и всесторонней социальной защиты военнослужащего, стимулирования боевой и общественной активности воина, развитие его творческой инициативы и возможностей влиять на выработку

управленческих решений, в целом субъектности в рамках функционирования и развития института армии»⁸. Далее автор поясняет, каково то идеологическое основание, на котором должна произрасти эта новая модель военной политики, не знающая аналогов в советском и тем более до-советском опыте. В основе, по мнению автора, обязан лежать идеологический синтез. На него же должна быть ориентирована и исследовательская мысль: «В рассмотрении структуры личности военнослужащего на основе синтеза теоретико-методологических подходов марксизма, индивидуалистских теорий, психоанализа, современной отечественной социологии, психологии и педагогики, в частности диспозиционной теории В. А. Ядова, В. И. Шерпаев (специалист, с мнением которого автор полностью солидаризируется, – О. Л.) выстраивает комплексную ценностно-диспозиционную модель личности военнослужащего...»⁹. Как соединить такие противоположные друг другу идеологические основания в одну органически целостную идеологию военной политики – автор оставляет возможность читателю строить догадки.

Если исходить из того, как сами нынешние сторонники либерализации идеологии и практики советской военной политики характеризуют ее дух и смысл, то сама идея «синтеза» выглядит абсурдной. Вот, например, довольно типичная характеристика: «Все, связанное с военными реалиями, в Советском Союзе было романтизировано. Красные кавалеристы, Чапаев, Щорс, Буденный и Павка Корчагин – реальные участники Гражданской войны и героические литературные персонажи – были кумирами нескольких поколений. Образы героев Великой Отечественной войны – Зои Космодемьянской, Александра Матросова, “молодогвардейцев”, пожертвовавших жизнью ради победы, вдохновляли на подвиги не только в военное, но и в мирное время. Жертвенность во имя Родины, народа, вождей Коммунистической партии была в ряду главных добродетелей советского человека. Любовь к социалистическому Отечеству тесно связывалась с ненавистью к его “врагам”. Народ и армия представлялись единым целым»¹⁰. Такая характеристика наводит на мысль, что гораздо более органичной советскому идеологическому и практически-политическому опыту была бы, скажем, консервативная идеология современной военной политики, а не попытки создания идейного конгломерата, выдаваемые за стратегию идеологического синтеза. Но тут другая проблема: как такая консервативность впишется в общий идеологический контекст современной модернизации, который является по преимуществу либеральным? Исследователи находят из этой ситуации специфический выход. Формируется то, что можно назвать «патриотическим дискурсом» обсуждения широкого круга проблем военной политики, в который могут быть интегрированы в равной степени как консерва-

тивные, так и либеральные, и социалистические идеи и ценности.

Идеология политики, военной в том числе, это, прежде всего, заявление о смысле и целях, оптимальном современном состоянии и перспективах развития вооруженных сил. Этот смысл и эти цели образуются из совокупности не только внутренних, но и внешних условий, из определенности стратегий внутренней модернизации и стратегий изменения геополитического статуса страны. Пока такой внутренней и внешней определенности нет, полноценная идеология военного строительства неизбежно будет подменяться экспериментированием с разными синтетическими патриотическими дискурсами, на основании которых трудно сделать основательные заключения о том, чего хотят от вооруженных сил государство и общество.

Возможно, ценность того теоретического опыта, который был накоплен в послевоенную советскую эпоху, как раз в том и заключается, что он дает нам некоторое представление о том, насколько в целом продуктивны попытки выработать идеологию военной политики в условиях, когда не определена идеология политического развития страны в целом. Этот опыт подсказывает, что здесь трудно ожидать чудесного появления «системы». Скорее, следует ожидать длительного существования того, что мы имеем сегодня: безрезультатной конкуренции разных по идеологической направленности «патриотических» дискурсов исследователей, пишущих о настоящем российской военной политики, причинах тупикового характера нынешних дискуссий о военной реформе. Спорить можно до тех пор, пока не приобретет четкость идеологическая основа современной военной политики и не будут определены критерии и формы работы с военными кадрами в зависимости от идеологической оценки ситуации в России как стабильной, нестабильной, рискованной, критической в политическом отношении или какой-то другой.

Примечания

¹ См.: *Шурыгин В.* «БОЛЬШАЯ РЕФОРМА ИЛИ БОЛЬШАЯ ЛОЖЬ?» Первые результаты проводимой военной реформы // *Армейский вестник.* 02.08.2010. URL: <http://army-news.ru/2010/08/pervye-rezultaty-provodimoi-voennoj-reformy/> (дата обращения: 01.03.2014); *Шурыгин В.* «БОЛЬШАЯ РЕФОРМА ИЛИ БОЛЬШАЯ ЛОЖЬ?» О моральном состоянии нынешних Вооруженных Сил России // *Армейский вестник.* 18.07.2010. URL: <http://army-news.ru/2010/07/moralnom-sostoyanii-nyнешnih-vooruzhennyh-sil-rossii/> (дата обращения: 01.03.2014); Тень Советской Армии. Российские Вооруженные Силы с трудом преодолевают последствия эпохи бездумных реформ // *Свободная пресса.* Пятница 28 марта 2014 года. URL: <http://svpressa.ru/society/article/82712/> (дата обращения: 01.04.2014); *Теткин В.* Мифы о подготовке офи-

церских кадров. От чего отказалось и к чему пришло Минобороны. URL: <http://военный-пенсииер.рф/main/396-mify-o-podgotovke-oficerskih-kadrov.html>. (дата обращения: 29.03.2014).

- ² См.: Подготовка командных кадров РККА (1929 – июнь 1941 г.): историография проблемы Март 8th, 2013. URL: <http://voennik.com/?p=151>. (дата обращения: 15.03.2014).
- ³ См., например: *Киришин Ю. Я.* Основа – марксизм-ленинизм. А также троцкизм и сталинизм. На чем строилась советская военная идеология 1917–1941 годов // *Независимое военное обозрение.* 2005. № 32. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2005-08-26/4_ideology.html (дата обращения: 29.03.2014); Политическая и идеологическая подготовка людей в СССР к Великой Отечественной войне. URL: <http://www.protown.ru/information/hide/4917.html>. (дата обращения: 29.03.2014).
- ⁴ Вот как характеризуется суть воспитательной работы в Советской армии одним из интернет-ресурсов: «Воспитательная работа. В Советской Армии кроме командиров за воспитательную работу личного состава отвечали заместители командира по политической части (замполиты), позднее – заместители по воспитательной работе. Для проведения занятий по воспитательной работе, самоподготовки и отдыха военнослужащих в свободное время в каждой казарме оборудовали Ленинские комнаты, позже переименованные в комнаты отдыха» (см.: URL: http://blackterror.org/zevdio/Армия_СССР#.D0.92.D0.BE.D1.81.D0.BF.D0.B8.D1.82.D0.B0.D1.82.D0.B5.D0.BB.D1.8C.D0.BD.D0.B0.D1.8F_.D1.80.D0.B0.D0.B1.D0.BE.D1.82.D0.B0. (дата обращения: 01.04.2014)
- ⁵ Вот более содержательная характеристика советской системы: «Военная педагогика в нашей стране представляла идеологизированную систему воспитания военнослужащих, целью которого было воспитание человека, проводящего и реализующего в жизнь решения коммунистической партии. Целенаправленный процесс формирования у людей моральных качеств, норм и принципов поведения носил классовый характер, в основе которого лежала борьба советских людей за построение коммунистического общества. В тесном единстве с политическим, трудовым и другими видами воспитания оно было призвано развивать у них высокие коммунистические идеалы. Военнослужащих воспитывали в духе соблюдения норм коммунистической морали, выполнения сознательно воинского долга, требований военной присяги и уставов, священной обязанности – защиты социалистического отечества» (*Плескачева Н. М.* Концепции, стратегии и смыслы воспитания личности военнослужащего в современной российской армии. URL: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=3112 (дата обращения: 01.04.2014). Тем не менее, ничего о том, как понималась пресловутая «классовость» и что конкретно подразумевалось под «коммунистическим воспитанием», из этой характеристики понять нельзя.
- ⁶ Цивилизация и война. Советская армия 1970–1990 // *Советский офицер.* URL: <http://ciwar.ru/armiya-20-vek/sovetskaya-armiya-1970-1990/sovetskij-oficer/> (дата обращения: 01.04.2014).

⁷ Показательна оценка Сталина как знаковой фигуры, на которой, собственно, завершился в основных чертах процесс складывания специфически советской идеологии военной политики. См., например: *Серебрянников В. В.* Военно-идеологические воззрения И. В. Сталина. М., 2009.

⁸ *Барбаков А. А.* Проблема гуманизации в армии и гума-

нистические принципы воспитательной работы // *Гуманитарные и социальные науки*. 2013. № 5. С. 81–82.

⁹ Там же. С. 82.

¹⁰ *Мифология и идеология СССР* // Сахаровский центр. URL: <http://www.sakharov-center.ru/museum/expositions/mithology-ussr.html>. (дата обращения: 01.04.2014).

УДК [94:327] (73+560)\1996/2000\

ЭТНИЧЕСКИЙ ЛОББИЗМ И ТУРЕЦКАЯ ПОЛИТИКА ВАШИНГТОНА В КОНЦЕ 1990-Х ГОДОВ

А. С. Шенин

Саратовский государственный университет
E-mail: Shenin.andrei@gmail.com

Статья посвящена влиянию лоббистских группировок на американо-турецкие отношения в конце 1990-х гг. Особое внимание уделено противостоянию армянского и греческого лобби, с одной стороны, и администрации президента Клинтона и военного лобби, с другой стороны, за право определять американскую внешнюю политику в отношении Турции.

Ключевые слова: лоббизм, США, Турция, американо-турецкие отношения, внешняя политика, геноцид, Б. Клинтон.

Ethnic Lobbyism and Washington's Turkish Policy in the End of the 1990s

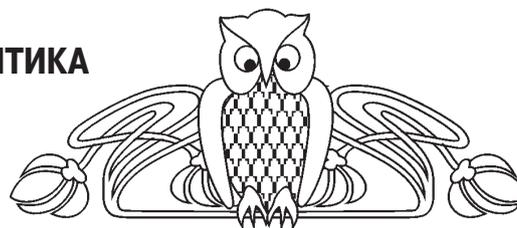
A. S. Shenin

The article is devoted to the influence of the lobby groups on the U. S. – Turkish relations in the end of the 1990s. The special attention is paid to the confrontation between the Armenian and Greek lobbies on the one hand and the Clinton administration and military lobby on the other hand for the right to determine direction of the American foreign policy toward Turkey.

Key words: lobbyism, United States of America, Turkey, American-Turkish relations, foreign policy, genocide, B. Clinton.

Процесс принятия внешнеполитических решений в США представляет собой очень сложное взаимодействие самых различных сил американского истеблишмента. Помимо основных игроков на политической арене – республиканцев и демократов, придерживающихся традиционных правил игры, в формирование внешней политики регулярно и очень активно вмешиваются представители лоббистских группировок, чье участие зачастую не совпадает с общими трендами.

Ярким примером такого вмешательства лоббистов в процесс формирования внешней политики США является их активность на турецком направлении. Американо-турецкие отношения на протяжении двух последних десятилетий XX в. подвергались серьезным атакам со стороны армянской и греческой группировок. Представители этнических диаспор ежегодно выступали за ослабление американо-турецкого партнерства,

используя при этом различные способы давления на Конгресс с целью принятия резолюции о «геноциде армян» и наложения экономических санкций за интервенцию Турции на Кипре в 1974 г.¹

В период 1980-х гг. именно благодаря усилиям греческого лобби внешняя помощь Турции была сокращена практически наполовину от того уровня, который требовали Анкара и администрация президента Р. Рейгана, а именно с 1,2 млрд долл. до 600 млн долл. Кроме того, дополнительную дестабилизацию в американо-турецкие отношения вносило армянское лобби, которое практически ежегодно требовало от Конгресса США признать геноцидом массовые убийства армян в Османской империи в 1915 г.

В Турции опасались, что принятие резолюции по «геноциду» на высшем уровне повлечет за собой требование выплаты компенсаций родственникам погибших армян и территориальные претензии. Поэтому турецкое правительство регулярно напоминало Вашингтону про возможные проблемы с доступом американских войск на турецкие авиабазы в случае прохождения такого законопроекта через Конгресс. В итоге, учитывая также важное географическое положение Турции и ее заслуги в «сдерживании» СССР, одобрения резолюции удавалось избежать.

В дальнейшем достаточно сильное влияние на американо-турецкую политику лоббисты оказали в период 1993–1996 гг., когда поддержали решение президента Б. Клинтона передать России часть важнейших функций по контролю за постсоветским пространством, предназначавшихся ранее Турции². Идея демократов Клинтона сместить вектор внешней политики в сторону Москвы в целом не противоречила интересам Республиканской партии сохранить за США стабильный рынок вооружений в Турции. Однако договоренности партийных фракций регулярно оказывались на грани срыва из-за вмешательства армянского и греческого лобби, которые через

своих представителей в Конгрессе требовали существенного ослабления основного фактора двусторонних американо-турецких отношений – экономической помощи³.

Ослабить давление лоббистов удалось лишь в конце 1995 г., когда стало очевидно, что постоянные уступки этническим группировкам угрожали привести к «потере Турции» как союзника и полному провалу ближневосточной политики Клинтона⁴. Эта угроза привлекла на сторону президента значительную часть законодателей из Республиканской партии, завоевавших большинство мест в Конгрессе на выборах 1996 г. При поддержке умеренных республиканцев в период с 1996–1999 гг. Белый дом предпринял ряд мер, способствовавших укреплению американо-турецких отношений. Двухпартийный консенсус позволил администрации президента резко снизить поток обвинений в нарушении прав человека в Турции, включить своего ближневосточного партнера в список «десяти важнейших рынков» для США, снять эмбарго на продажу ряда вооружений и поощрять союз Турции с Израилем⁵.

Устойчивый рост двусторонних отношений продолжался вплоть до последнего года пребывания Клинтона на посту президента, когда механизм формирования турецкой политики неожиданно начал давать сбои. Главной проблемой, вставшей перед демократической администрацией, оказался дефицит квалифицированных руководящих кадров в комитетах Конгресса, отвечавших за внешнюю политику.

В результате промежуточных выборов 1998 г. ряд специалистов по внешней политике был вынужден освободить свои кресла на Капитолийском холме. С ключевых постов ушли три умеренных республиканца – сенатор Нэнси Кэссем, Роберт Доул и Уильям Коэн, а также демократ Сэм Нанн. Их приемниками в комиссиях Комитета по иностранным делам стали законодатели первого срока с минимальным опытом работы на внешнеполитическом направлении, которые, по их собственному признанию, предпочли бы другие назначения на Капитолийском холме⁶. Вдобавок в результате выборов 1998 г. усилилось изоляционистское крыло Республиканской партии. Изоляционисты мало интересовались внешней политикой и неоднократно высказывали неудовлетворение «либеральным глобализмом» Клинтона.

В целом, «пробуксовывание» внешнеполитического механизма в Конгрессе, скандалы вокруг Клинтона и отвлечение всеобщего внимания на подготовку к надвигающимся президентским выборам предоставили противникам Турции в США шанс изменить расклад сил в свою пользу. В частности, серьезную заинтересованность в переменах опять продемонстрировали армянское и греческое лобби, продвигавшие через своих представителей идеи демилитаризации Кипра и

признания «геноцида армян», а также разоблачавшие нарушения прав человека в Турции. Фактически консенсус по роли Турции во внешней политике США, который был достигнут между демократами и республиканцами в 1997 г., оказался под угрозой срыва из-за корыстных интересов отдельных политиков, «игравших» на стороне антитурецкого лобби.

Так, в 1999 г. представители армянской диаспоры в США начали очередную антитурецкую кампанию по продвижению Резолюции № 398, объявляющей 24 апреля днем памяти жертв «геноцида армян»⁷. Авторами документа выступили демократ из Мичигана Дэвид Бонер и республиканец из Калифорнии Джон Раданович. Основным спонсором резолюции стал конгрессмен-демократ Майк Капуано, а ключевую роль в ее активнейшем продвижении сыграл член Палаты представителей, республиканец из Калифорнии Джеймс Роган, чья личность получила крайне противоречивые оценки в прессе.

Так, по мнению обозревателя газеты «Washington Post» С. Мафсона, Роган не мог считаться экспертом по внешней политике и законодательно продвигать такой сложный вопрос, поскольку никогда не участвовал в решении внешнеполитических проблем, а за пределы США выезжал всего лишь один раз в жизни, когда в сентябре 1999 г. посетил Армению⁸.

Интерес Рогана к этому вопросу был очевиден: его избирательный округ являлся одним из районов с наибольшей плотностью армянского населения в США. Здесь находились армянские отряды бойскаутов, церкви, общественные группы, пять газет, три армяно-язычных станции кабельного телевидения и более 21 тысячи зарегистрированных армянских избирателей, что составляло примерно 8% электората. Роган очень активно поддерживал эту часть своих избирателей, справедливо полагая, что итоги выборов эти усилия оправдают⁹.

Позиция Дж. Рогана заключалась в том, что использование слова «геноцид» и сама резолюция не являлись проблемой внешней политики: «Это моральная проблема, это – наше обязательство работать с армянским обществом и их друзьями в Конгрессе, чтобы удостовериться, что они помнят о злодеянии, чтобы подобного больше на Земле не происходило»¹⁰.

Для укрепления своих позиций армянское лобби сумело привлечь на свою сторону спикера Палаты представителей, республиканца Д. Хэстера, который согласился выдвинуть в августе 2000 г. резолюцию, характеризовавшую резню армян в Османской империи в 1915–1923 гг. как геноцид. На стороне армянского лобби выступили греческие правозащитные организации в США, давние критики Турции. В частности, серьезную поддержку резолюции продемонстрировал один из ведущих членов греческой группы в Конгрессе сенатор-демократ С. Сарбейнс.

Пытаясь сопротивляться действиям армяно-греческой группировки, американские корпоративные лоббисты высказывали серьезные опасения, что резолюция угрожала подорвать американо-турецкие отношения и, как следствие, политику США на Ближнем Востоке. Тринадцать бывших членов правительства США и отставных военных, среди которых были экс-министры обороны Франк Карлуччи и Уильям Перри, а также бывший председатель Объединенного комитета начальников штабов Джон Шаликашвили, написали письмо в Комитет по международным отношениям Палаты представителей, в котором заявили, что признание геноцида «нанесет серьезный удар по американским интересам в регионе»¹¹.

Подписавшиеся опасались, что одобрение документа в Конгрессе серьезно угрожало многомиллиардным военным контрактам с Турцией, учитывая, что на тот момент Анкара планировала заплатить американским подрядчикам более 20 млрд долл. за модернизацию своих вооруженных сил, а компания Textron Inc., например, надеялась продать 145 боевых вертолетов за 4,5 млрд долл.¹² К тому же резолюция могла негативно сказаться на доступе американских войск к турецкой авиабазе Инджирлик.

Позицию противников антитурецкой резолюции сформулировал демократ от Индианы Л. Гамильтон, который заявил, что в погоне за личной выгодой лоббисты не чувствуют разницы между борьбой за фонды дорожного строительства и внешнеполитической стратегией в отношении важнейшего союзника¹³. Другой представитель от Индианы Д. Бертон был более откровенен, заявив, что «мы готовы дать нашим друзьям прямо в зубы», если они будут угрожать стабильности американо-турецких отношений¹⁴.

Турецкие власти также не стали спокойно наблюдать за повышенной активностью армянской диаспоры и выдвинули против антитурецкой группы своих собственных лоббистов, среди которых были бывшие влиятельные законодатели-республиканцы Р. Ливингстон и Дж. Соломон, а также демократ С. Соларз. В начале октября турецкий парламент прислал в Конгресс специальную делегацию для участия в работе Комитета по международным отношениям. «Резня бесспорно была, но нет никаких доказательств, что ее целью был геноцид», – заявил на заседании комитета турецкий представитель¹⁵.

На стороне Турции также выступили представители администрации – госсекретарь М. Олбрайт и министр обороны У. Козн, которые отправили обращение к спикеру палаты представителей Д. Хастерту с предупреждением о крайне негативных последствиях для американской внешней политики в случае передачи резолюции из комитета в общую палату Конгресса.

В конечном итоге, несмотря на серьезную поддержку многих высших должностных лиц

страны, усилия протурецких сил не принесли желаемого результата. В октябре 2000 г. с перевесом в 13 голосов резолюция о «геноциде» прошла через Комитет по международным делам и была передана в общую палату Конгресса. Согласно американскому законодательству, голосование в комитете не обязывает Белый дом к каким-либо конкретным действиям, но сам факт продвижения резолюции на уровень палаты вызывал серьезные опасения¹⁶.

Официальная Анкара мгновенно отреагировала на одобрение резолюции, заявив, что впервые с 1990 г. отправит своего посла в Багдад. Одновременно лидеры пяти парламентских партий Турции скоординировано намекнули, что примут во внимание резолюцию при рассмотрении вопроса о возобновлении мандата на использование американскими войсками турецкой базы Инджирлик. Посол Турции в Вашингтоне Баки Илкин прямо заявил, что резолюция должна быть остановлена прежде, чем омрачит стратегическое партнерство двух стран¹⁷.

Противники резолюции, включая армян, проживающих в Турции, недоумевали, почему их «армянские братья» в США озаботились проблемой геноцида только сегодня. «Резолюция, кажется, была создана для того, чтобы помочь члену Палаты представителей, республиканцу от Калифорнии Рогану, борющемуся за голоса 20 тыс. армяно-американских избирателей в пригороде Лос-Анджелеса», – считала обозреватель «Chicago Tribune» К. Коллинз¹⁸. Ее мнение поддержал демократ-конгрессмен от Калифорнии Т. Лантос, заявив, что будет голосовать против резолюции, поскольку не хочет быть частью «предвыборной политической интриги»¹⁹.

Противостояние проармянских и протурецких сил достигло такого накала, что угрожало развернуть внешнюю политику США на Ближнем Востоке в крайне невыгодном для Вашингтона направлении. На заключительном этапе этой драмы президенту Клинтону пришлось лично уговаривать спикера палаты представителей Хастерта отозвать резолюцию с голосования во избежание ухудшения отношений с Турцией. Потеря стратегического союзника перед президентскими выборами угрожала серьезно ослабить позиции всей Демократической партии.

Спустя несколько лет, в 2005 г., журнал «Vanity Fair» привел слова своего высокопоставленного источника в турецком правительстве, который утверждал, что за отзыв резолюции Хастерт требовал не менее 500 тыс. долл.²⁰ Что касается республиканца Рогана, то для него «резолюционное» противостояние закончилось поражением от демократа А. Шиффа.

Тем не менее, несмотря на объективные причины, по которым администрация президента решительно сопротивлялась передаче резолюции в Конгресс, некоторые эксперты рассматривали победу Клинтона в данном вопросе

как «проявление слабости и недальновидности». «Представители обеих партий расценивали резолюцию как безвредную, однако свирепый ответ Турции вынудил США уступить, – писал в «Los Angeles Times» эксперт «Института Като» Дж. Кларк. – Теперь Анкара знает, что ее угрозы действуют на Вашингтон, и никакого прогресса на Кипре ждать не приходится»²¹. Интересно также отметить, что больше всего автора возмутило написанное турецким президентом А. Сезером письмо Б. Клинтону, в котором он «стилем корпоративного руководителя благодарит своего вашингтонского лоббиста за хорошо проделанную работу»²².

В целом, можно отметить, что в конце 1990-х гг. попытка лоббистских греческой и армянской групп воспользоваться благоприятной внутренней ситуацией в США и нанести удар по американско-турецким отношениям не увенчалась успехом, поскольку администрация, еврейские и военные лоббисты быстро осознали реальность угрозы потерять стратегического союзника и консолидировали свои ряды. Благодаря организации энергетических проектов на Каспии, а также укреплению союза Анкары и Тель-Авива Вашингтону удалось избежать «потери Турции» и в целом радикального ослабления своих позиций на Ближнем Востоке. Турция продолжала оставаться ключевым игроком в ближневосточной политике Белого дома. Тем не менее это была не окончательная победа, и в начале XXI в. армянские и греческие лоббисты смогли взять реванш, внося свою лепту в общее ухудшение американско-турецких отношений и даже дважды (в 2006 и 2010 гг.) добившись признания «геноцида армян» Комитетом по иностранным делам Палаты представителей Конгресса США.

Примечания

- 1 См.: *Editorial*. Tilting to Armenia // The Washington Post. 1993. March. 11. P. 28.
- 2 См.: A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. White House. 1994. July.
- 3 См.: *Greenhouse S.* U. S. Support for Turks' Anti-Kurd

Campaign Dims // The New York Times. 1995. March 29. P. 8.

- 4 См.: *Editorial*. The Turkish-Israeli Connection // The Washington Post. 1997. December 24. P. 12.
- 5 См.: *Kaplan R.* Trade, Political Stability Keys to Improved U.S. – Turkey // The Washington Post. 1995. January 30.
- 6 См.: *Mufson S.* Local Politics Is Global As Hill Turns to Armenia // The Washington Post. 2000. October 9. P. 28.
- 7 См.: *Ктрян Л.* Влияние армянского лобби на процесс принятия внешнеполитических решений : политическое содержание процесса лоббирования и основные методы воздействия // Вопр. гуманитарных наук. 2009. № 1. С. 236–240.
- 8 См.: *Mufson S.* Op. cit.
- 9 Ibid.
- 10 Ibid. P. 28.
- 11 Ibid.
- 12 См.: *Collins C.* Turks, Armenians Protesting Genocide Resolution in U.S. // Chicago Tribune. 2000. October, 13.
- 13 См.: *Mufson S.* Op. cit.
- 14 См.: U. S. Congress. House of Representative. Committee on International Relations. Testimony of U. S. Representative Dan Burton (R-In). Washington DC. 2000. September 28. URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CHRG-106hhrg69.pdf/CHRG-106hhrg69533.pdf> (дата обращения: 05.12.2013).
- 15 Ibid.
- 16 См.: Press Briefing by U. S. Secretary of State Madeleine Albright // U. S. Department Regular News Briefing. 2000. October, 6.
- 17 См.: *Mufson S.* Op. cit.
- 18 *Collins C.* Op. cit. P. 4.
- 19 U. S. Congress. House of Representative. Committee on International Relations. Testimony of U. S. Representative Tom Lantos (D-Ca). Washington DC. 2000. September 28. URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CHRG-106hhrg69.pdf/CHRG-106hhrg69533.pdf> (дата обращения: 05.12.2013).
- 20 См.: *Rose D.* An Inconvenient Patriot // Vanity Fair. 2005. URL: <http://www.vanityfair.com/politics/features/2005/09/edmonds200509> (дата обращения: 01.09.2013).
- 21 *Clarke J.* Washington Caved In to Turkey Over Armenia // Los Angeles Times. 2000. October, 27. P. 9.
- 22 Ibid.

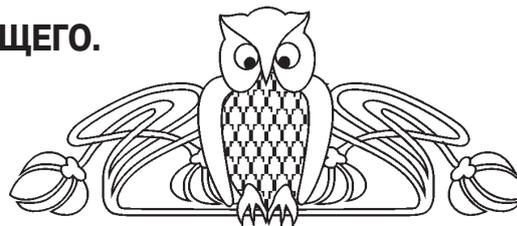
УДК 329.1/16

ТУРЦИЯ: ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА БУДУЩЕГО. НЕО-ОТТОМАНИЗМ ИЛИ КЕМАЛИЗМ

Ю. Ю. Гайдаева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
E-mail: ygaydayeva@gmail.com

В статье анализируются изменения в политических тенденциях современной Турции (внешняя и внутренняя политика, проводи-

мая ПСР) и усиление турецкого влияния в регионе. Автор рассматривает наиболее важные аспекты развития, непосредствен-

но влияющие на политический вес Турции в регионе, и новые тенденции в политической жизни государства, проводит сравнительный анализ основных различий нео-оттоманизма и кемализма. Делается вывод о том, какая концепция является наиболее предпочтительной для Турции в современных условиях.

Ключевые слова: внешняя политика Турции, происламская партия, вступление Турции в ЕС, Партия справедливости и развития, нео-оттоманизм, усиление влияния Турции в регионе.

Turkey: Ideology and Politics of the Future. Neo-Ottomanism and Kemalism

Y. Y. Gaydaeva

In article are analyzed the modern political tendencies changes in the modern Turkey (foreign and home policies being conducted by AKP), the growth of Turkish influence in the region. The author considers the most important aspects of the development directly influencing on the political weight of Turkey in the region and new trends in political life of the state, gives comparison study of key differences between neo-ottomanism and kemalism. The conclusion is the most preferable way for Turkey in the modern conditions.

Key words: Turkey's foreign affairs, pro-islamic party, Turkey's EU accession, Justice and Development Party, neo-ottomanism, Turkish region influence strengthen.

20-е и 30-е гг. XX в. характеризуются для Турции как годы серьезных реформ, затронувших сами основы государства, когда Мустафа Кемаль Ататюрк своей политической волей и авторитетом старался увести народ от оттоманского и мусульманского прошлого. За десятки лет, прошедших с того времени, Турция предприняла беспрецедентные попытки импортировать западную культуру и присоединиться к Западу¹, определить себя как европейскую страну и войти в состав ЕС. И после «холодной войны» поддержка прозападной позиции только усилилась.

Среди основных факторов, препятствовавших дальнейшему продвижению Турции к членству в ЕС, к началу 1990-х гг. можно назвать:

- разрыв в уровнях социально-экономического развития;
- неблагоприятные финансово-экономические показатели Турции;
- сохранявшиеся в стране факторы политической нестабильности;
- международные проблемы, в которые Турция была непосредственно вовлечена;
- конкуренция на вступление в ЕС со стороны более развитых государств².

Анкаре удалось решить практически все поставленные перед ней задачи, но до сих пор ее не приняли в так называемый христианский клуб Европы.

Однако даже при том, что Турция уже так долго находится на пути к Европе, не стоит упускать и тот момент, что она никогда не переставала искать свою собственную внутреннюю общность и идентичность, и именно это стремление становится все более актуальным на сегодняш-

ний день, в том числе и из-за постоянных отказов западных стран признать Турцию «своей».

Турция как государство является одним из ключевых на Ближнем Востоке, но при этом более шестидесяти лет находится в весьма подвешенном состоянии, связанным со стремлением этой страны стать полноправным членом ЕС. В поисках нового пути Турция все чаще обращается к более плотному сотрудничеству в развитии двусторонних отношений с исламским миром, и «сегодня, прежде всего с Ираном, в целях поддержания статуса-кво в регионе»³ Большого Ближнего Востока. И все более популярным в последнее время в Турции становится мнение, высказанное доктором Ибрагимом Калыном, главным советником премьер-министра Турции Тайыпа Эрдогана, о том, что хотя политический курс, проводимый правящей Партией справедливости и развития (далее – ПСР), зачастую извне кажется продиктованным идеологическими факторами, такими как исламизм и нео-оттоманизм, тем не менее решающие факторы турецкой внешней политики в действительности базируются на более практичных предпосылках, таких как экономические потребности Турции, ее исторические связи с соседями, деликатное геополитическое местоположение, и особенно важно отметить именно последнее, так как Турция находится на пересечении глобальных интересов в сфере энергетики и вопросов безопасности, характерных для Ближнего Востока, Кавказа, Балкан, региона Центральной Азии, при этом у страны нет другого пути кроме, как занимать лидирующие позиции, что в значительной мере оказывает влияние на внешнюю политику государства и взаимодействие с соседними странами⁴.

И, действительно, турецкое правительство при решении внешнеполитических вопросов достаточно последовательно пытается решить ряд важнейших геополитических задач, как, например, энергетическая безопасность страны и превращение страны в крупнейший транспортный узел, развитие долгосрочных энергетических стратегий (имеется зависимость от поставок из России, Ирана, Азербайджана⁵), ближневосточный кризис (сирийский и иракский вопросы), улучшение турецко-израильских отношений, а также выстроить правильные с точки зрения текущей ситуации отношения с ЕС (найти баланс между собственными амбициями лидера региона и все еще имеющимся желанием войти в состав Евросоюза, хотя в последнее время все более активно обсуждаются другие пути развития) и НАТО (размещение ракетных комплексов «Пэтриот»). Все эти аспекты и реалии нового времени не дают Турции возможности быть в стороне, даже если бы она хотела самоустраниться и заниматься только внутренними вопросами. Турция должна быть активной, проявлять свою политическую волю во всех вопросах, где

задрагиваются ее интересы, чтобы как минимум не быть втянутой помимо ее желания в царящий на Ближнем Востоке хаос, а также продолжить свое существование на карте мира как самостоятельное государство, способное отстаивать свои интересы на международной арене.

Еще в 2011 г. известный турецкий политический аналитик Омер Таспинар писал, что «неоттоманизм исходит из того, что Турция является региональной супердержавой. Ее стратегическое видение и культура отражают географическую широту Османской и Византийской империй. Поэтому Турция, как ключевое государство, обязана играть очень активную дипломатическую и политическую роль в обширном регионе, центром которого она является»⁶.

Многие представители, поддерживающие прозападный вектор развития, как в самой стране (в особенности к таким противникам можно отнести военную элиту и представителей служб государственной безопасности), так и за ее пределами, критикуют такой поворот во внешней политике Турции, называя его чуть ли не авантюрой, приносящей государству немалый политический ущерб.

Но, тем не менее, такая позиция государства вполне вписывается в текущую геополитическую ситуацию, да и логика «исторических» западных партнеров уже не столь ясна, как раньше. Больше нет понятия единого «центра силы», и Турция, как и некоторые другие крупные государства, получает все большую свободу в проведении своей внешней политики. А это автоматически приводит к тому, что государство ищет партнеров не только на Западе или с так называемыми «предпочтительными» партнерами, как это было ранее (ЕС, США, Израиль, Саудовская Аравия и т.п.), но и с Россией, с Востоком в целом с явственно демонстрируемой целью наладить еще более взаимовыгодные отношения. Эта перемена в приоритетах к тому же имеет немалую поддержку и среди населения Турции, ведь успехи во внешней политике подкрепляются и ростом экономики. С 2002 по 2011 г. турецкая экономика ежегодно росла в среднем на 7,5%. Низкая инфляция и процентные ставки привели к значительному увеличению внутреннего потребления. А турецкая экономика в целом, в свою очередь, стала крайне привлекательной для иностранных инвестиций, за что также нужно отдельно поблагодарить грамотно выстроенную приватизационную программу. Средний доход на душу населения вырос с 2 800 долл. США в 2001 г. приблизительно до 10 000 долл. США в 2011г., превысив даже ежегодный доход в некоторых странах-членах ЕС⁷.

Одним из важнейших общих достижений политики Р. Т. Эрдогана является то, что он сумел взглянуть на страны мира не с точки зрения уже устоявшихся приоритетов, а с точки зрения текущей и долгосрочной выгоды своей страны. В

подобной рачительности, наверное, и заключается феномен этого политика, без которого трудно представить современную Турцию. Да и третья победа на выборах подряд самой партии, да еще и с постоянным ростом процента отданных за нее голосов (2002 г. – 34,28% голосов, 2007 г. – 46,58% голосов, 2011 г. – 49,90% голосов), трудно назвать случайной (такого вообще не было в Турции с 1946 г. с момента установления мультипартийной системы в стране); к тому же ПСР – партия происламского толка, и хотя в истории Турции несколько раз были известны прецеденты, когда партии такой ориентации пытались прийти к власти, но каждый раз им не удавалось закрепиться (во всяком случае, надолго) на политическом олимпе (примером могут служить Партия национального порядка (Milli Nizam Partisi) – 1970 г., Партия национального спасения (Milli Selamet Partisi) – 1973 г., Партия благополучия (Refah Partisi) – 1983 г., Партия добродетели – (Fazilet Partisi) – 1997 г.). ПСР во главе с Эрдоганом смогли ухватить самую суть вопроса, как достичь вершины в создавшихся неблагоприятных для происламских партий условиях: не вставать на путь насилия и глухой непримиримой оппозиции, а, наоборот, путем действенных реформ привести сограждан к сознательному выбору пути, предлагаемого партией, сумевшей стать мейнстримом в политическом сознании избирателей.

Таким образом, получается вполне стройная картина современного государственного порядка в Турции, как и описывалось ранее, характеризующегося уходом от традиционных векторов во внешней политике (поиск альтернативного западному пути развития, сотрудничество с Россией, Ираном и т.п.) и внутри страны (например, продолжение политики «примирения с исламом», унаследованной еще от Тургута Озала, но идущая вразрез с секуляризмом или, как его еще называют, лаицизмом – наследием Ататюрка, отменившего в 1925 г. ношение хиджаба и фесок, тогда как правительство Эрдогана сумело провести в жизнь закон о разрешении ношения этого религиозного атрибута, в том числе и в университетах, в 2010 г.), а также экономическая экспансия в регионе, обеспечение энергетической безопасности страны. Турция расширяет свое влияние большей частью силами и средствами так называемой *soft power* (мягкой мощи); для примера, взаимный торговый оборот с Россией в январе – декабре 2012 г. по сравнению с тем же периодом 2011 г. увеличился на 11,5%⁸, постоянно увеличивается количество контрактов, подписываемых на высшем уровне с другими государствами-соседями), но также не забывает и о политическом влиянии, выступая в роли посредника в урегулировании острых конфликтов между разными странами. На руку имиджу Турции в арабском и исламском мире сыграл и конфликт с Израилем (инцидент с «Флотилией Свободы» и

захват израильскими военными турецкого судна «Мави Мармара»).

В целом всю современную политику, проводимую ПСР, можно уложить в название книги министра иностранных дел Турции А. Да вутоглу «Стратегическая глубина: международная позиция Турции», выпущенной в 2001 г.⁹ и ставшей идеологической доктриной партии. Риторика именно нео-оттоманизма использовал во время своего выступления 12 июня 2011 г. Р. Т. Эрдоган по случаю своей третьей по счету победы на выборах: «Поверьте мне, Сараево сегодня выиграло столько же, сколько и Стамбул. Бейрут сегодня выиграл столько же, сколько и Измир. Дамаск столько же, сколько Анкара...»¹⁰. До Давутоглу за все время нахождения партии у власти (2003–2007 гг.) никто не озвучивал лозунги о «новой великой империи». Давутоглу же открыто заявил, что Турция может стать государственным объединением наций, каковым была Великобритания со своими бывшими колониями, а также добавляет, что внешняя политика Турции ранее была не сбалансирована, и в первую очередь перевес был на стороне сотрудничества с Западной Европой и США, тогда как интересы Турции в отношении других стран ущемлялись, особенно на Ближнем Востоке. В общем своем разрезе доктрина Давутоглу, названная «нео-оттоманизм» и простирающаяся из проводимой ранее политики Тургута Озала, заново открывает внимательному наблюдателю то, насколько Турция заинтересована в восстановлении былого имперского наследия и поиске нового национального консенсуса, при котором все стороны, участвующие в процессе формирования идентичного турецкого общества, могли бы успешно существовать.

Если рассматривать политику нео-оттоманизма с точки зрения ее отличия от кемализма, то тут можно выделить три важнейших аспекта: амбициозная экспансия в регионе; мультикультурализм и либеральный секуляризм, а также поиск нового пути для Турции, характерной чертой которого является уход от ранее строгой направленности на присоединение к ЕС. В основе нео-оттоманизма лежит желание Турции прийти к согласию в своем отношении к мусульманскому и оттоманскому наследию как внутри страны, так и во внешних делах. Тут не идет речи об установлении исламского режима в Турции или о турецком империализме на Балканах, на Ближнем Востоке. Политика направлена на сокращение влияния ортодоксальных секуляристов на домашнем фронте и опять же «мягком» влиянии на страны, располагающиеся на бывшей территории Османской империи. Готовность последователей нео-оттоманизма объединить имперское и исламское наследие, в свою очередь, пробуждает к жизни еще одну интересную концепцию, заключающуюся в том, что теперь «тюркость» не столь этнически зависима и едина в понимании, как раньше, теперь в этом понятии стало го-

раздо меньше националистического содержания, оставшегося от кемалистов. Другими словами, нео-оттоманизм не имеет ничего против мультиэтнической сути государства, что, с точки зрения А. Да вутоглу, может существенно облегчить решение курдского вопроса, так как именно при таком взгляде на проблему, когда есть некий общий знаменатель, коим является ислам, нет особых рисков в отношении требуемых курдами прав на участие в культурной жизни страны или же прав на выражение курдской национальной идентичности. Однако, возможно, что именно последнее и станет в дальнейшем слабым местом доктрины, поскольку уже сейчас Турция сталкивается с эскалацией террористической угрозы, связанной с тем, что курдское радикальное движение слишком уж воодушевлено успешной моделью курдской автономии на территории Ирака (Иракский Курдистан)¹¹. Другим аспектом нео-оттоманизма является желание его последователей сочетать на первый взгляд несочетаемое: Запад и Восток, исламскую философию и западные ценности. Географически находясь одновременно и в Европе, и в Азии, имея границы с Балканами, Кавказом и Ближним Востоком, обладая немалым влиянием в Центральной Азии, Турция уже обладает своей «стратегической глубиной», которую надо просто «доступно» преподнести всем вовлеченным игрокам. План достижения вышеозначенных целей, а значит, и превращения Турции в мощнейшего политического гиганта в регионе рассчитан до 2023 г. и приурочен к столетней годовщине установления Республики.

Курс на нео-оттоманизм во внешней политике ставит правительство Р. Т. Эрдогана в оппозицию к наследию, заключенному в шести «стрелах» кемализма (Революционность, Республиканизм, Национализм, Народность, Лаицизм, Этатизм), что вызывает внутри Турции, несмотря на всю поддержку граждан на общих выборах, весьма неоднозначную реакцию и в тот же момент знаменует собой новую историческую веху в развитии страны. Основным вектором будущего развития Турции можно назвать политику «нулевых проблем с соседями», политику «мягкой мощи» в регионе, особенно в части Ближнего Востока, Кавказа и Балкан. При этом Турция не отказывается от ранее взятой на себя роли надежного союзника Запада и, будучи членом НАТО, является стратегическим партнером союзнических сил. Турция выступает посредником в делах соседей и готова сотрудничать не только в политической, но и в экономической сфере, все более расширяя взаимные торговые связи, тем самым становясь все более сильным игроком в регионе. Но при этом у политики нео-оттоманизма есть и недостатки, которые при определенных обстоятельствах могут свести на нет все достижения, уже имеющиеся у страны. Одним из таких недостатков является порой слишком большая вовлеченность в проблемы

соседних государств (например, Сирийский конфликт и «Арабская весна» в целом). К тому же Турция, давно начавшая процесс вестернизации (еще в период Османской империи), предопределивший дальнейшие существенные различия между исламом в Турции и исламом в арабских государствах, не похожа не только на западные страны, но и на своих соседей. А годы демократизации и социально-экономических перемен только усилили эту дифференциацию. В результате в Турции образовался некий противовес направленности традиционного центроориентированного бизнеса Стамбула, Измира и городов эгейского побережья – многочисленный средний класс азиатских предпринимателей и промышленников, чьи интересы направлены более на сближение с ближневосточным регионом, нежели с Западом¹². Такая экономическая и религиозная дифференциация внутри самой Турции по своей сути не может способствовать глубокому слиянию по принципу исламской общности и единых экономических интересов.

Для того чтобы минимизировать возможные негативные последствия такого сценария, ПРС во главе с Р. Т. Эрдоганом сейчас и ищут альтернативные пути политики будущего, когда Турция уже полностью укрепит отношения с такими гигантами, как Китай, возможно, вступит в ШОС и станет более независимой и США и Европы с учетом своей политики соседства. Для Турции сейчас нет запретных путей, все дороги открыты, но какую она выберет как свою будущую, пока неясно. Единственное, чего ей необходимо придерживаться, это не зайти слишком далеко в исламизации населения, иначе «арабский сценарий» может стать актуальным и для этого государства, так как уже сейчас его хотят втянуть в сирийский конфликт, чтобы, таким образом ускорить падение режима Башара Асада, и именно участие Турции может стать катализатором ввода союзнических войск на территорию Сирии.

В целом, сравнивая тенденции нео-османства и кемализма, можно заключить, что и в той, и в другой концепциях есть положительные стороны. Но концепция нео-османства выглядит более привлекательной с точки зрения современных реалий. Она позволяет живее реагировать на быстро меняющуюся действительность, приспосабливаясь к ней так легко, словно просто меняет окрас, в то время как кемализм по своей сути намного более консервативен и стремится к сохранению статуса-кво.

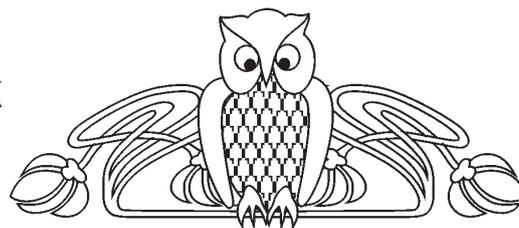
Примечания

- 1 См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Hant/06.php (дата обращения: 28.05.2013).
- 2 См.: Кудряшова Ю. С. Турция и Европейский союз : история, проблемы и перспективы взаимодействия // Институт Ближнего Востока. М., 2010. С. 72.
- 3 Сулейманов А.В. Политические отношения Турции, Ирана и ЕС : специфика и проблемы // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2010. Т. 10, вып. 2. С. 32–33. См. об этом также: Oral Sander. Türkiye'nin dış politikası. Imge kitabevi yayınları. Ankara, 2008. P. 147.
- 4 См.: Middle East Institute. Turkish Foreign Policy Between Ideology and Realpolitik. Event Summary. URL: <http://www.mei.edu/transcripts/turkish-foreign-policy-between-ideology-and-realpolitik> (дата обращения: 27.05.2013).
- 5 См.: Фуркан Кайа. Энергетическая стратегия Турции // inosmi.ru, 19 февраля 2013, № 760587. URL: http://polpred.com/?ns=1&ns_id=760587 (дата обращения: 28.05.2013).
- 6 Taspinar O. Turkey's Middle East Policies Between Neo-Ottomanism and Kemalism, 2011 // Carnegie Middle East Center. p.15. URL: http://carnegieendowment.org/files/cmec10_taspinar_final.pdf (дата обращения: 28.05.2013).
- 7 См.: Taspinar O. Turkey: The New Model?, April, 2012 // part of the book The Islamist Are Coming: Who They Really Are, co-published by Wilson Center and the U.S. Institute of Peace. URL: <http://www.brookings.edu/research/papers/2012/04/24-turkey-new-model-taspinar> (дата обращения: 28.05.2013).
- 8 См.: Итоги внешнеэкономической деятельности Турецкой Республики // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/tr/about_tr/ved_tr/ (дата обращения: 28.05.2013).
- 9 Davutoğlu A. Stratejik Derinlik : Türkiye'nin Uluslararası Konumu. Istanbul, 2003.
- 10 Turkey election : Victorious Erdogan pledges «consensus» // BBC News. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/mobile/world-europe-13744972> (дата обращения: 28.05.2013).
- 11 Ayad C. Kurdistan conflict threatens to bring new violence to Iraq // Guardian Weekly, August 14, 2012. URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2012/aug/14/iraq-kurdistan-maliki-barzani> (дата обращения: 28.05.2013).
- 12 Murinson A. Turkish Foreign Policy in the Twenty-First Century // The Begin-Sadat Center for Strategic Studies, Bar-Ilan University, Ramat Gan 52900, Israel, Sep. 2012, p. 13. URL: <http://www.biu.ac.il/SOC/besa/MSPS97.pdf> (дата обращения: 28.05.2013).

УДК 323.2

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ПАССИОНАРНОСТИ, КОНСОЛИДИРУЮЩЕЙ ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

И. С. Сайфулин

Тамбовский государственный технический университет
E-mail: agentionis@bk.ru

А. В. Жигульский

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина
E-mail: zhigulskq@yandex.ru

В статье рассматриваются политические и исторические факторы, влияющие на развитие Российского государства. Авторами исследована их экстремальность.

Ключевые слова: политические процессы, государственное управление, внутренняя политика, историческое развитие, Российская Федерация.

**Historical Development of the Russian State in Terms of
Passionarity, Including Extreme Factors of the Political
Process**

I. S. Saifulin, A. V. Zhigulskiy

The article considers the political and historical factors, influencing on Russian state. Authors studied their extremality.

Key words: ethno-political processes, state administration, internal policy, historical development, Russian Federation.

Начало XX в. в истории России – это наиболее драматичный и противоречивый период в жизни нашей страны, когда произошло несколько войн, революций. Именно в это время наше общество впервые сталкивается с таким явлением, как маргинальность. Данное понятие было введено американским социологом Р. Парком и обозначает промежуточность, «пограничность» положения человека между какими-либо социальными группами, что накладывает определенный отпечаток на его психику. Так как процесс маргинализации растянулся на несколько десятилетий, то рассматривать его начнем с 1930-х гг.

В советской историографии в изучении истории общества предпочтение отдавалось анализу политических процессов и механизму функционирования власти и воздействия последней на различные сферы – экономику, культуру, сознание, повседневную жизнь людей. Власть представлялась в качестве активного фактора, а общество выглядело как объект этого массивного воздействия. В связи с этим социальное строение общества и происходившие в нем из-

менения оценивались как носившие вторичный, заданный извне характер¹. Так трактовалась судьба основных классов, но были социальные группы, которые не смогли занять адекватное их статусу место в социальной пирамиде СССР. Изменить свое положение мог только человек, способный на активность, которая проявляется в способности совершить поступки, выходящие за грань биологического инстинкта самосохранения, а также в жертвенности ради достижения поставленной цели. Таких людей, находящихся в состоянии повышенной тяги к действию и неодолимом стремлении изменить свою жизнь, называют пассионариями. Данное понятие в научный оборот ввел историк-этнолог, востоковед Лев Гумилев. Активность присуща и маргиналам, которые пытаются найти или завоевать себе новое место в обществе, используя все средства в достижении этой цели.

К середине 1930-х гг. советский социальный строй становится более однородным, что дает основание говорить о прекращении данного процесса. Однако на рубеже 1920-1930-х гг. маргинальные группы продолжали существовать и оказывали существенное влияние на развитие общества. Так, одной из них, обладающей высоким уровнем мобильности, открытости, а главное, радикальности (в силу возраста преобладает в характере максимализм), является молодежь. В большинстве своем данная группа воспринимала положительно советскую действительность, но были и те, кто занимал диаметрально противоположную позицию. Антисоветская активность данной социальной группы была присуща части студенчеству. Органы ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление) – НКВД (Народный комиссариат внутренних дел) связывали это с деятельностью дореволюционной профессуры и «буржуазных» общественных деятелей. Наиболее крупными организациями были «Народоправцы» (г. Омск), Всероссийская республиканско-демократическая партия «ВРДП» (г. Москва) и др.², которые создавались с целью вооруженное свержение советской власти и установление демократического строя. Существовали и такие организационные объединения, как Елецкая организация Гончарова, «Народная революционная социалистическая партия», «Российская социалистическая крестьянская партия»³. Необходимо учитывать, что информа-

цию о политическом характере данных организаций мы получаем от ОГПУ, а это не позволяет говорить об объективности. Вполне вероятно, органам госбезопасности было проще видеть в каждом молодежном собрании контрреволюционную деятельность, так как это давало возможность сразу арестовывать всех подозреваемых⁴.

Некоторые молодежные объединения выступали за сохранение и дальнейшее развитие скаутизма. К данной организации советские органы относились негативно по следующим причинам:

- большинство скаутских объединений активно поддерживали белое движение в годы Гражданской войны. В их представлении большевизм нес смертельную угрозу России как нации, ее традиционным ценностям: религии, культуре, нарождающимся свободе и самоуправлению⁵;

- вера в Бога, религиозность являлись основными принципами⁶. В атеистическом государстве, где отрицалось наличие всего сверхъестественного, существование организаций, утверждающих обратное, не могло быть;

- скауты создавались и функционировали как добровольное, неполитическое, образовательное движение, которое помогает молодежи научиться самостоятельному мышлению. В СССР не могла существовать организация, которая бы не подконтрольна властям и не имела в основе коммунистической идеологии;

- комсомол видел в ней соперника в борьбе за воспитание молодого поколения⁷.

Необходимо отметить, что численность всех видов нелегальных или негосударственных молодежных союзов, объединений не превышала несколько десятков человек и особого влияния на общество они не имели.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. распространяются крайние формы экстремизма, направленные против религиозных организаций и верующих. Антирелигиозная работа была одним из основных и постоянных направлений деятельности комсомола. Она была одним из основных и постоянных направлений деятельности комсомола. При этом очень часто комсомольцы действовали, не считаясь ни с чувствами верующих, ни даже с законом. Взрывы, убийства, избиение и поджоги домов стали нередким явлением⁸. Участились случаи незаконных расправ сторонников власти над политическими оппонентами, что напоминало возрождение красного террора, с которым к середине 1920-х гг. было покончено. Позиция самих властей в отношении экстремизма противоречива. С одной стороны, государство рассматривало его как противоправное деяние, которое приводит к нагнетанию в обществе страха и агрессии. С другой, многие государственные и партийные служащие разделяли революционные устремления этой части общества, позволяя нарушителям уходить от ответственности.

Первые десятилетия советской власти отмечены всплеском религиозного экстремизма как со стороны верующих, так и со стороны государства⁹. Необходимо заметить, что причиной возникновения данного процесса является разрушение вертикали власти в Русской православной церкви и появление так называемого «народного христианства». Особенностью ряда таких религиозно-политических организаций экстремистского толка является наличие в них фактически двух организаций – открытой и тайной, законспирированной, что облегчает им политическое маневрирование, помогает быстро менять методы деятельности при изменении обстановки. Важно отметить, что их нельзя считать частью православной церкви, так как в последней такого возникнуть не могло из-за миролюбивости и терпимости ко всему. Отличительной чертой «народного христианства» стало распространение различного рода провокационных слухов (угроза войны, конец света и т. д.), сопротивление действиям властей. Появляются религиозные объединения, целью которых было сохранения истинной веры. К ним можно отнести Церковно-монархическую организацию «Ревнителю церкви», Церковно-повстанческую организацию, Церковно-монархическую организацию «Самосвятцы», Контрреволюционную организацию «Группа освобождения Церкви»¹⁰. В конце 1920-х гг. авторитетными церковными деятелями создается церковно-монархическая организация «бுவцев», которая к началу 1930-х гг. свою деятельность распространила почти на весь центр России. Ее отличали организованность и наличие программы действий¹¹. Подобные объединения объявляли контрреволюционным в связи с антисоветской деятельности.

Таким образом, строительство нового социалистического строя в 1930-е гг. одобряли далеко не все молодежные группы. Неорганизованность большинства из выше отмеченных организаций, малочисленность участников и отсутствие массовой поддержки в обществе обрекло их на гибель. Также немаловажным является то, что к середине 1930-х гг. обстановка в СССР изменилась (несколько повысился уровень жизни, развернул свою деятельность комсомол, начались репрессии) и общество стало более однородным, без ярко выраженных социальных различий.

Сложность становления государственности обуславливал не только исторический период 1930-х гг. В результате воздействия ряда факторов политического и иного характера произошел развал советской модели государства. Советская система ценностей прекратила существование, а адекватной замены ей не было. Поэтому в обществе возникли различные направления общественной консолидации, которая должна определить путь развития России. Такие существенные перемены были обусловлены необходимостью, возникшей в 1980-х гг., когда население страны

стало осознавать значимость транспарентности в политической жизни, а также важность применения новых демократических ценностей в обществе.

Распад СССР – следствие процессов системной дезинтеграции, происходивших в экономике (народном хозяйстве), социальной структуре, общественной и политической сфере Советского Союза, приведших к прекращению существования СССР в конце 1991 г.¹²

После распада советской империи в процессе становления новой России целые слои общества испытывали на себе результаты социальной мобильности. Например, руководящие структуры комсомола стали примером трамплина для пути наверх. Так, в это время в них были такие колоритные фигуры, как Ходорковский, Кириенко, Басаев, Радиев¹³. В свою очередь, в начале 1990-х, в силу психологической мобильности и отсутствия устоявшейся системы ценностных категорий, преобладающая часть населения представляла собой восприимчивую и манипулируемую часть общества. На территории Российской Федерации появляются новые субкультуры, движения, партии, общественные организации, которые использовали дезориентированное население для достижения своих целей, порой носящих экстремистский характер. Такая социальная рефлексия населения есть не что иное, как результат социальной маргинализации.

Маргинальность проявлялась при осуществлении социальной мобильности, когда перемещение состоялось, а окончательной организации и институализации возникших новых отношений еще не произошло или не происходит вообще¹⁴. В результате возникает целый ряд экстремальных факторов политического процесса, которым необходимо отнести радикализм и экстремизм.

Научное объяснение возникновения радикальных и экстремистских движений предложено Тедом Гурром, выдвинувшим теорию «относительной депривации». Согласно этой теории, люди начинают проявлять наибольшее недовольство и склонность к насилию при расхождении между ценностными ожиданиями группы и ее нереализованными ценностными возможностями¹⁵.

Нередко в качестве специфической разновидности экстремизма (и радикализма) выделяется молодежный экстремизм (радикализм). «Экстремизм в молодежной среде представляет собой индивидуальное и социально-групповое проявление крайних, неумеренных в нравственном и правовом отношениях средств и способов жизнедеятельности молодежи как особой социальной группы и специфической категории населения»¹⁶. Радикальные настроения молодежи в 1990–2000-е гг. формировались, опираясь, в первую очередь, на представления о силе массы, отрицающей предшествующий опыт и традиции.

Подобные ориентиры в условиях отсутствия в молодежной среде общего лидерского начала и видения стратегических перспектив развития стали активно использоваться и актуализироваться основными акторами российского политического процесса¹⁷.

Нагнетал обстановку в стране религиозный радикализм на постсоветском Кавказе. Политизация религии, в том числе ислама, детерминирована объективными закономерностями общественного развития, а не фантастическими «вспышками пассионарности», либо «возрождением духовности». Так, рост радикализма в Чечне с 1989 г. объясняется крахом советской модели модернизации, приведшим к вакууму законной власти¹⁸. «Парад суверенитетов» грубо обрывал не только политические, но и экономические связи, разрушал систему экономической взаимозависимости, взаимодополняемости регионов и республик, выстроенную за годы советской власти. Это привело к остановке производств, безработице, невыплате заработной платы, социальным конфликтам – забастовкам, голодовкам, перекрытию дорог, росту преступности. Сильнее всех пострадали от слома общественной системы в 1989–1991 гг. такие слои общества, как люди, занятые отхожим промыслом, так называемые шабашники, которые лишились своих заработков на стороне после того, как свернули государственную программу сельского строительства. Произошла архаизация кавказского общества, стимулируемая изгнанием религиозных и этнических меньшинств (до 300 тыс. чел.)¹⁹.

Религиозный радикализм имел место не только на территории Кавказа, но и в центральной России. Активно вело свою деятельность Русское православное национал-социалистическое движение (РПНСД), которое было наиболее типичным представителем одного из видов правого радикализма, а именно религиозного ультранационализма. РПНСД стремилось участвовать в политических процессах, реализовывать свои механизмы социального и политического воздействия. Организационно РПНСД представляло собой одновременно политическую «группускулу» и религиозную секту. Согласно Роджеру Гриффину, «группускулой» является малая изолированная ультранационалистическая группировка, которая управляется малочисленной элитой, имеет крайне ограниченное активное членство и пользуется минимальным общественным признанием, но при этом эффективно ведет пропаганду, направленную на узкие целевые группы, через Интернет, листовки и подпольные газеты²⁰.

Помимо чисто экстремистских организаций религиозного толка стоит отметить вполне законные и созданные по благословению церковных служителей, но подверженных идеям радикализма. К таким организациям можно отнести «Православных хоругвеносцев», созданную

в 1992 г. К их деятельности относится проект Храма во имя Новомучеников и Исповедников Российских на Красной площади в Москве на месте Мавзолея В. И. Ленина²¹, что было бы совершенно невозможно и недопустимо при советской власти.

Необходимо коснуться и формирования мировоззрения социальных групп, представляющих соответствующий ресурс, образующий власть в целом. На умы граждан в СССР, а позже и в России активно воздействовали такие общественные и политические деятели, как А. И. Солженицын. Так, он движет представление о единстве нации как высшей ценности. По Солженицыну: меж собой общаются не люди – хоть из разных наций, но связанные общим интересом или чувством, или, наоборот, столкнувшись в споре, – а прежде всего некие полномочные представители наций. Отсюда и ведущая мысль писателя об ответственности каждого за свою нацию и за дела любого, к ней принадлежащего²². Прививаемое чувство национальной разобщенности косвенно создает почву для появления радикально настроенных националистических течений. Такие знаменитые правые теоретики XX столетия, как В. И. Ильин²³ и Л. Гумилев²⁴, также с начала 1990-х гг. оказались среди самых важных отправных точек для ультранационалистически настроенных идеологов и политических лидеров, в том числе для В. Жириновского (Ильин) и Г. Зюганова (Ильин и Гумилев).

Таким образом, переломные моменты в жизни нашего Отечества сопряжены с целой плеядой экстремальных факторов. Происходил процесс формирования радикальных и экстремистских субъектов политического процесса от простого общественного объединения в 1930-е гг. до политических партий и «группускул». Дифференциация экстремальных факторов в социуме обуславливает необходимость их совокупного комплексного изучения в процессе исторического развития России, а также отражения их посредством анализа существующих трудов отечественных и зарубежных ученых и общественных деятелей. Процессы становления государства в целом и формирования государственного управления в частности невозможны без точечной рефлексии, возникающей на существующие и предшествующие национальные стили развития политических процессов.

Примечания

- 1 См.: Красильников С. А. На изломах социальной структуры : маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х гг.). Новосибирск : Изд-во НГУ, 1998.
- 2 См.: Материалы 3-го отделения СО ОГПУ о политическом состоянии интеллигенции и ее антисоветской деятельности. Не позднее конца мая 1930 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в

стране (1922–1934 гг.) : в 8 т. М. : Изд. центр Ин-та рос. истории РАН, 2008. Т. 8, ч. 2. С. 1136–1175.

- 3 Там же.
- 4 См.: Леонтьев Я. В. Механизм фабрикации следственных дел «Всесоюзного центра» в 1937 г. // Вопр. истории. 2008. № 6. С. 65–82.
- 5 См.: Александров К. Национальная педагогика русского скаутизма // Технология альтруизма: [сайт]. URL: <http://altruism.ru/sengine.cgi/5/33/2> (дата обращения: 11.05.2014).
- 6 См.: Попов В. А. Основы русского скаутизма // Вестн. скаутского движения в России и за границей : приложение к журналу «Вокруг света». № 38. 1916 г. URL: <http://vl-a-popov.narod.ru/osnovi-rus-skautizma.html> (дата обращения: 01.02.2014).
- 7 См.: Криворученко В. К. Молодежь, комсомол, общество 30-х годов XX столетия : к проблеме репрессий в молодежной среде. М. : Московский гуманитарный университет, 2011.
- 8 См.: Исаев В. И. Военизация молодежи и молодежный экстремизм в Сибири (1920-е – начало 1930-х гг.) // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. Т. 1. Вып. 3 : История. Новосибирск, 2002. С. 63–70.
- 9 См.: Мозохин О. Б. ВЧК – ОГПУ : Карающий меч диктатуры пролетариата. На защите экономической безопасности государства и в борьбе с терроризмом. М. : Яуза ; Эксмо, 2004.
- 10 См.: Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991 гг.) : материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Кн. 1–2 / сост. Г. Штриккер. М. : ПроPILEI, 1995.
- 11 См.: Доклад III ОГПУ по ЦЧО о контрреволюционных церковных и сектантских организациях и группах, ликвидированных III ОГПУ по ЦЧО в 1930 г. 15 октября 1930 г. // «Совершенно Секретно» : Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) : в 8 т. М. : Изд. центр Ин-та рос. истории РАН. 2008. Т. 8, ч. 2. С. 1458–1503.
- 12 См.: Распад СССР // Википедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Распад_СССР (дата обращения: 01.02.2014).
- 13 См.: Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Россия под властью плутократии [сайт]. URL: http://www.patriotica.ru/enemy/lis_shel_plut_.html (дата обращения: 01.02.2014).
- 14 См.: Политическая наука : словарь-справочник / авт. и сост. И. И. Санжаревский. Тамбов, 2013. URL: http://read.virmk.ru/s/SANZ_SOC/g-082.htm (дата обращения: 01.02.2014).
- 15 См.: Гарт Т. Р. Почему люди бунтуют. СПб. : Питер, 2005. С. 51. URL: <http://socioline.ru/book/tr-garr-rochemu-lyudi-buntuyut> (дата обращения: 01.02.2014).
- 16 См.: Афанасьева Р. М. Социокультурные условия противодействия экстремизму в молодежной среде (социально-философский анализ) // Электронная библиотека диссертаций : М., 2007. С. 10. URL: <http://www.dissercat.com/content/dukhovnaya-kultura-protivodeistviya-sotsialnomu-ekstremizmu-v-molodezhnoi-srede> (дата обращения: 01.02.2014).
- 17 См.: Аришинова А. И. Молодежный радикализм в политическом процессе современной России. URL: www2.

- rsuh.ru/binary/2626980_35.1353911289.67246.doc (дата обращения: 01.02.2014).
- ¹⁸ См.: *Нунуев С.-Х. М.* Политические факторы распространения религиозного радикализма в Чечне. URL: <http://www.teoria-practica.ru/-9-2013/politics/nunuev.pdf> (дата обращения: 01.02.2014).
- ¹⁹ См.: *Дзидзоев В. Д., Левченко Н. Н.* Сепаратизм, терроризм и экстремизм на Северном Кавказе : политико-правовой анализ. Владикавказ. 2008. С. 99.
- ²⁰ См.: *Griffin R.* Net Gains and GUD Reactions : Patterns of Prejudice in a Neo-Fascist Groupuscule // *Patterns of Prejudice*. 1999. № 33. Vol. 2. P. 31–50.
- ²¹ См.: Служба информации Союза Православных Хоругвеносцев : [сайт]. URL: <http://www.русские.org/>
- novosti/2009/novosti-170709.shtml* (дата обращения: 01.02.2014).
- ²² См.: *Карп П. М.* Солженицын и еврейский вопрос // *Toronto Slavic Quarterly* : [сайт]. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/14/karp14.shtml> (дата обращения: 01.02.2014).
- ²³ См.: *Полторацкий Н. П.* Иван Александрович Ильин : Жизнь, труды, мировоззрение : сб. ст. [Б. м.] Tenaflay (N. J.) : Эрмитаж, 1989.
- ²⁴ См.: *Naarden B.* «I am a genius, but no more than that». Lev Gumilev (1912–1992), Ethno-genesis, the Russian Past and World History // *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*. 1996. Т. 44, № 1. S. 55.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аникин Л. С. – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии коммуникации и управления, Саратовский государственный университет. E-mail: anikinls@rambler.ru

Арефьева Е. О. – соискатель кафедры социологии молодежи социологического факультета, Саратовский государственный университет. E-mail: arefevaeo@mail.ru

Божок Н. С. – кандидат социологических наук, начальник управления по воспитательной работе, Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А. E-mail: nikolaybozhok@gmail.com

Вилков А. А. – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: vil57@yandex.ru

Гайдаева Ю. Ю. – аспирант кафедры политики и функционирования ЕС и Совета Европы, МГИМО – Университет МИД России E-mail: ygaydayeva@gmail.com

Головченко В. И. – доктор политических наук, профессор кафедры социальных коммуникаций юридического факультета, Саратовский государственный университет. E-mail: golovchenkosgu@mail.ru

Гусев В. В. – кандидат экономических наук, доцент кафедры антикризисного управления, Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов. E-mail: vladgus2006@yandex.ru

Жигульский А. В. – аспирант, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. E-mail: zhigulskq@yandex.ru

Зайцев Д. В. – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы, Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А. E-mail: dvzaratov@mail.ru

Колесников К. Ю. – соискатель кафедры политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: kolesnikov-69@inbox.ru

Кравченко Н. Ю. – кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии, Саратовский государственный университет. E-mail: Kravchenko.N@gmail.com

Кудзиева Ф. С. – старший преподаватель кафедры социологии и социальных процессов, Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, Владикавказ. E-mail: kudz-fatima@yandex.ru

Кунгурова О. Г. – доцент кафедры журналистики, Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова, Казахстан. E-mail: o.kungurova@mail.ru

Куфтов Н. С. – соискатель кафедры политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: bmkkrn@gmail.com

Ливерко О. В. – соискатель кафедры политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: Oleg.liverko@yandex.ru

Марунова Т. Р. – соискатель кафедры социологии молодежи, Саратовский государственный университет. E-mail: marunovatr@mail.ru

Митрохин В. А. – доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: MitrokhinVA@yandex.ru

Мореханова М. Ю. – кандидат социологических наук, заведующая лабораторией, Институт аграрных проблем РАН, Саратов. E-mail: iagran@mail.ru

Моулд Д. Х. – профессор университета Огайо (США), стипендиат фонда Фулбрайт по программе журналистики и массовой коммуникации в Казахстане (2011 г.). E-mail: davidhould@gmail.com

Мунина О. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии молодежи, Саратовский государственный университет. E-mail: Munina-DevinaOV@yandex.ru

Некрасов С. Ф. – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и технологий, Сибирский институт управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, Новосибирск. E-mail: bondar4455@rambler.ru

Немерюк Е. Е. – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии коммуникаций и управления, Саратовский государственный университет. E-mail: anikinls@rambler.ru

Сайганова Е. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии молодежи Саратовского государственного университета. E-mail: saiganovaev@yandex.ru

Сайфулин И. С. – аспирант, Тамбовский государственный технический университет. E-mail: agentionis@bk.ru

Селиванова Ю. В. – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой коррекционной педагогики, Саратовский государственный университет. E-mail: juliaselivanova@mail.ru

Семенова В. Г. – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: semenovavg@mail.ru

Семенова Ю. А. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии коммуникаций и управления, Саратовский государственный университет. E-mail: semenofa@gmail.com

Ситникова С. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной информатики, Саратовский государственный университет. E-mail: skareva@yandex.ru

Тулузакова М. В. – доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента и социальных коммуникаций, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва. E-mail: tuluzakova@gmail.com

Узакова С. А. – преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Западно-Казахстанский инженерно-гуманитарный университет, Уральск; аспирант кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы, Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А. E-mail: Salima1966@mail.ru

Черевичко Т. В. – доктор экономических наук, профессор, директор Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: cherevichko@inbox.ru

Шенин А. С. – аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России, Саратовский государственный университет. E-mail: shenin.andrei@gmail.com

Широкалова Г. С. – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия. E-mail: shirokalova@list.ru

Ярская В. Н. – доктор философских наук, профессор кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы, Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А. E-mail: jarskaja@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anikin L. S. – doctor of sociology, professor, Chair of sociology of communication and management, Saratov State University. E-mail: anikinls@rambler.ru

Arefeva E. O. – PhD student, Chair of youth sociology, Saratov State University. E-mail: arefevaeo@mail.ru

Bozhok N. S. – candidate of sociological sciences, Head of educational work, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov. E-mail: nikolaybozhok@gmail.com

Cherevichko T. V. – doctor of economical sciences, professor, Director of the Institute of History and International Relations of the Saratov State University. E-mail: cherevichko@inbox.ru

Gaydaeva Y. Y. – postgraduate student, Chair of politics and functioning of European Union and Council of Europe, Moscow State Institute of International Relations – University of Ministry of Foreign Affairs E-mail: ygaydayeva@gmail.com

Golovchenko V. I. – doctor of political sciences, professor of the Chair of social communications, Saratov State University. E-mail: golovchenkosgu@mail.ru

Gusev V. V. – candidate of economic sciences, associate professor of Crisis Management Institute of the Volga Region Institute of Management named after P. A. Stolipin – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov. E-mail: vladgus2006@yandex.ru

Kolesnikov K. Y. – graduate student, Chair of politology, Saratov State University. E-mail: kolesnikov-69@inbox.ru

Kravchenko N. U. – PhD in sociology, associate professor, Chair of applied sociology, Saratov State University. E-mail: Kravchenko.N@gmail.com

Kudzieva F. S. – senior lecturer of the Chair of sociology and social processes, North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz. E-mail: kudz-fatima@yandex.ru

Kuftov N. S. – graduate student, Chair of politology, Saratov State University. E-mail: bmkkpri@gmail.com

Kungurova O. G. – associate professor, Chair of journalism, A. Baitursynov Kostanai State University, Kazakhstan. E-mail: o.kungurova@mail.ru

Liverko O. V. – post graduate student, Chair of politology, Saratov State University. E-mail: Oleg.liverko@yandex.ru

Marunova T. R. – PhD student, Chair of youth sociology, Saratov State University. E-mail: marunovatr@mail.ru

Mitrokhin V. A. – doctor of historical science, professor of the Chair of political sciences, Saratov State University. E-mail: MitrokhinVA@yandex.ru

Morekhanova M. Yu. – PhD in sociology, Head of laboratory, candidate of sociological sciences, Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences, Saratov. E-mail: iagpran@mail.ru

Mould D. H. – Ph.D., Professor Emeritus, Media Arts & Studies, Ohio University (U.S.A.) and 2011 Fulbright Senior Scholar in Journalism and Mass Communication in Kazakhstan. E-mail: davidhmould@gmail.com

Munina O. V. – candidate of sociological sciences, associate

professor of the Chair of sociology of youth, Saratov State University. E-mail: Munina-DevinaOV@yandex.ru

Nekrasov S. F. – candidate of political sciences, associate professor of the Chair of political sciences and technology, Siberian branch of Russian Presidential Academy, Novosibirsk. E-mail: bondar4455@rambler.ru

Nemeryuk E. E. – doctor of sociological sciences, professor of the Chair of sociology of communications and management, Saratov State University. E-mail: anikinls@rambler.ru

Saiganova E. V. – candidate of sociological sciences, associate professor of the Chair of sociology of youth, Saratov State University. E-mail: saiganovaev@yandex.ru

Selivanova Yu. V. – doctor of social sciences, professor, Head of the Chair of correctional pedagogy, Saratov State University. E-mail: juliaselivanova@mail.ru

Sayfulin I. S. – postgraduate student of the Tambov State Technical University, e-mail: agentionis@bk.ru

Semenova Yu. A. – candidate of sociology, assistant professor of the Chair of sociology of communications and management, Saratov State University. E-mail: semenofa@gmail.com

Semenova V. G. – candidate of political science, assistant professor of the Chair of political sciences, Saratov State University. E-mail: semenovavg@mail.ru

Shenin A. S. – postgraduate student, Chair of international relations and Russia's foreign policy, Saratov State University. E-mail: shenin.andrei@gmail.com

Shirokalova G. S. – doctor of sociology, professor, head of the chair, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy. E-mail: shirokalova@list.ru

Sitnikova S. V. – candidate of sociology, assistant professor of the Chair of social informatics, Saratov State University. E-mail: skareva@yandex.ru

Tuluzakova M. V. – doctor of social sciences, professor of the Chair of management and social communication, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, RANEP, Moscow. E-mail: tuluzakova@gmail.com

Uzakova S. A. – lecturer, Chair of social-humanitarian disciplines, West-Kazakhstan Engineering-Humanitarian University, Uralsk; graduate student, Chair of sociology, social anthropology and social work, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov. E-mail: Salima1966@mail.ru

Vilkov A. A. – doctor of political science, professor, Head of the Chair of political sciences, Saratov State University. E-mail: vil57@yandex.ru

Yarskaya V. N. – doctor of Philosophy, professor of the Chair of sociology, social anthropology and social work, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov. E-mail: jarskaja@mail.ru

Zaitsev D. V. – doctor of sociological sciences, professor of the Chair of sociology, social anthropology and social work, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov. E-mail: dvzsaratov@mail.ru

Zhigulskiy A. V. – postgraduate student, Tambov State University named after G. R. Derzhavin. E-mail: zhigulskq@yandex.ru